

ISSN 3034-6827 (Print)
ISSN 3033-8638 (Online)

Современная гуманитаристика

Научный журнал

Modern humanities

Scientific journal

Хальхи гуманитаристика

Аслалх журналё

Т. 2. № 3
2026

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Современная гуманитаристика

2026. Том 2. № 3

Научный журнал

ISSN 3034-6827 (Print)

ISSN 3033-8638 (Online)

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-92305 от 22 сентября 2026 г.

Учредитель:

Бюджетное научное учреждение Чувашской Республики
«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»

Министерства образования Чувашской Республики

Адрес редакции и издателя:

428015, Чувашская Республика, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1

Издается с 2025 г.

Выходит 4 раза в год

Языки: русский, английский, чувашский

Индексирование: РИНЦ (НЭБ)

E-mail: sovrem_human@rambler.ru

Сайт: <https://journalmh.org>

НАУЧНЫЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ ЖУРНАЛА

5.6. *Исторические науки*

5.6.1. Отечественная история

5.6.3. Археология

5.6.4. Этнология, антропология и этнография

5.9. *Филология*

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

5.9.4. Фольклористика

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.10. *Искусствоведение и культурология*

5.10.3. Виды искусства (музыкальное искусство; театральное искусство;
изобразительное, декоративно-прикладное искусство и архитектура)

Осуществляется научное рецензирование всех
поступающих в редакцию материалов

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей

Перепечатка материалов из журнала допускается
только по согласованию с редакцией

© Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, 2026

Главный редактор

Исаев Юрий Николаевич — директор ЧГИГН, д-р филол. наук, доц.

Заместитель главного редактора

Кириллова Ирина Юрьевна — зам. директора по науке
и развитию ЧГИГН, канд. филол. наук, доц.

Ответственный редактор

Гаврилов Артем Дмитриевич — стар. науч. сотрудник ЧГИГН, канд. филол. наук

Редакционный совет

Аврутина Аполлиария Сергеевна — д-р филол. наук (Санкт-Петербург, Россия)
Бикбулатова Аниса Рифовна — д-р ист. наук (Бишкек, Кыргызстан)
Грибов Николай Николаевич — д-р ист. наук (Москва, Россия)
Заяц Сергей Михайлович — д-р филол. наук (Тирасполь, Приднестровье)
Зенкин Константин Владимирович — д-р иск. (Москва, Россия)
Напольнова Елена Марковна — д-р филол. наук (Москва, Россия)
Шаймерденова Нурсулу Жамалбековна — д-р филол. наук (Алматы, Казахстан)

Редакционная коллегия

Абукаева Любовь Алексеевна — д-р филол. наук (Йошкар-Ола, Россия)
Бойко Иван Иванович — д-р ист. наук (Чебоксары, Россия)
Выборнов Александр Алексеевич — д-р ист. наук (Самара, Россия)
Давлетшина Лейла Хасановна — д-р филол. наук (Казань, Россия)
Иванов Алексей Ананьевич — д-р ист. наук (Йошкар-Ола, Россия)
Иванов Виталий Петрович — д-р ист. наук (Чебоксары, Россия)
Иванова Алена Михайловна — д-р филол. наук (Чебоксары, Россия)
Исхаков Радик Равильевич — д-р ист. наук (Казань, Россия)
Кондратьев Михаил Григорьевич — д-р иск. (Чебоксары, Россия)
Краюшкина Татьяна Владимировна — д-р филол. наук (Владивосток, Россия)
Нуриева Ирина Муртазовна — д-р иск. (Ижевск, Россия)
Родионов Виталий Григорьевич — д-р филол. наук (Чебоксары, Россия)
Садиков Ранус Рафикович — д-р ист. наук (Уфа, Россия)
Салмин Антон Кириллович — д-р ист. наук (Санкт-Петербург, Россия)
Сокаева Диана Вайнеровна — д-р филол. наук (Владикавказ, Россия)
Ставицкий Владимир Владимирович — д-р ист. наук (Пенза, Россия)
Султанова Рауза Рифкатовна — д-р иск. (Казань, Россия)
Сухарева Ирина Виталиевна — д-р ист. наук (Уфа, Россия)
Ягафарова Гульназ Нурфаезовна — д-р филол. наук (Уфа, Россия)

Chuvash State Institute of Humanities

Modern humanities

2026. Vol. 2. No. 3

Scientific journal

ISSN 3034-6827 (Print)

ISSN 3033-8638 (Online)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
ПИ № ФС77-92305 on September 22, 2026

Founder:

Budgetary scientific institution of the Chuvash Republic
«Chuvash State Institute of Humanities»
The Ministry of Education of the Chuvash Republic

Editorial office address:

29, building 1, Moskovsky Ave., Cheboksary, Chuvash Republic, 428015

The journal is published since 2025

Published 4 times a year

Languages: Russian, English, Chuvash

Indexed by Russian Index of Science Citation (e Library.ru)

E-mail: sovrem_human@rambler.ru

Website: <https://journalmh.org>

SCIENTIFIC SPECIALTIES

5.6. Historical sciences

5.6.1. National history

5.6.3. Archaeology

5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography

5.9. Philology

5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation

5.9.4. Folklore studies

5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia

5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics

5.10. Art history and cultural studies

5.10.3. Art Types (Visual, Applied and Decorative Arts and Architecture)

Scientific review of all materials submitted to the editorial board is carried out

The opinion of the editorial board does not always coincide
with the author's point of view

Reprinting of materials published in the journal is allowed
only by agreement with the editorial board

© Chuvash State Institute of Humanities, 2026

Editor-in-Chief

Isaev Yuri Nikolaevich — Director of Chuvash State Institute of Humanities,
D.Sc. (Philology), Assoc. Prof.

Deputy Editor-in-Chief

Kirillova Irina Yuryevna — Deputy Director for Science and Development
of Chuvash State Institute of Humanities, Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof.

Editor

Gavrilov Artem Dmitrievich — Senior Researcher of Chuvash
State Institute of Humanities, Cand. Sc. (Philology)

Editorial board

Avrutina Apollinaria Sergeevna — D.Sc. (Philology) (St. Petersburg, Russia)

Bikbulatova Anisa Rifovna — D.Sc. (History) (Bishkek, Kyrgyzstan)

Gribov Nikolay Nikolaevich — D.Sc. (History) (Moscow, Russia)

Zayats Sergey Mikhailovich — D.Sc. (Philology) (Tiraspol, Transnistria)

Zenkin Konstantin Vladimirovich — Doctor of Arts (Moscow, Russia)

Napolnova Elena Markovna — D.Sc. (Philology) (Moscow, Russia)

Shaimerdenova Nursulu Zhamalbekovna — D.Sc. (Philology) (Almaty, Kazakhstan)

Members of editorial board

Abukaeva Lyubov Alekseevna — D.Sc. (Philology) (Yoshkar-Ola, Russia)

Boiko Ivan Ivanovich — D.Sc. (History) (Cheboksary, Russia)

Vybornov Alexander Alekseevich — D.Sc. (History) (Samara, Russia)

Davletshina Leila Hasanovna — D.Sc. (Philology) (Kazan, Russia)

Ivanov Alexey Ananyevich — D.Sc. (History) (Yoshkar-Ola, Russia)

Ivanov Vitaly Petrovich — D.Sc. (History) (Cheboksary, Russia)

Ivanova Alena Mikhailovna — D.Sc. (Philology) (Cheboksary, Russia)

Iskhakov Radik Ravilievich — D.Sc. (History) (Kazan, Russia)

Kondratev Mikhail Grigorievich — Doctor of Arts (Cheboksary, Russia)

Krayushkina Tatiana Vladimirovna — D.Sc. (Philology) (Vladivostok, Russia)

Nurieva Irina Murtazovna — Doctor of Arts (Izhevsk, Russia)

Rodionov Vitaly Grigorievich — D.Sc. (Philology) (Cheboksary, Russia)

Sadikov Ranus Rafikovich — D.Sc. (History) (Ufa, Russia)

Salmin Anton Kirillovich — D.Sc. (History) (St. Petersburg, Russia)

Sokaeva Diana Vainerina — D.Sc. (Philology) (Vladikavkaz, Russia)

Stavitsky Vladimir Vladimirovich — D.Sc. (History) (Penza, Russia)

Sultanova Rauza Rifkatovna — Doctor of Arts (Kazan, Russia)

Sukhareva Irina Vitalievna — D.Sc. (History) (Ufa, Russia)

Yagafarova Gulnaz Nurfayezovna — D.Sc. (Philology) (Ufa, Russia)

Чăваш патшалăх гуманитарнĕ аслăлăхĕсен институчĕ

Хальхи гуманитаристика

2026. 2 том. 3 №

Аслăлăх журналĕ

ISSN 3034-6827 (Print)

ISSN 3033-8638 (Online)

Кăларăма Сыхăну, информаци технологийĕсен тата массăллă коммуникацисен
ĕçĕнчи асăрхавăн федераллă служби (Роскомнадзор) регистрациленĕ
ПИ № ФС77-92305, 2026 çулхи сентябрĕн 22-мĕшĕ

Учредитель:

Чăваш Республикин Вĕрентүү министерствин
«Чăваш патшалăх гуманитарнĕ аслăлăхĕсен институчĕ»
Чăваш Республикин бюджет аслăлăх учрежденийĕ

Редакципе издатель адресĕ:

428015, Чăваш Республики, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.

2025 ç. тухса тăрат

Çулталăкра 4 хут тухать

Чĕлхисем: вырăс, акăлчан, чăваш

Индекслану: РИНЦ (НЭБ)

E-mail: sovrem_human@rambler.ru

Сайт: <https://journalmh.org>

ЖУРНАЛĂН АСЛĂЛĂХ СПЕЦИАЛЬНОÇĖСЕМ

5.6. *Истори аслăлăхĕсем*

5.6.1. Тăван çĕр-шыв историйĕ

5.6.3. Археологи

5.6.4. Этнологи, антропологи тата этнографи

5.9. *Филологи*

5.9.1. Вырăс литератури тата Раçсей Федерацийĕн халăхĕсен литературисем

5.9.4. Фольклористика

5.9.5. Вырăс чĕлхи. Раçсей халăхĕсен чĕлхисем

5.9.8. Теори, прикладной тата танлаштару лингвистики

5.10. *Искусствоведение культурологи*

5.10.3. Ынер тĕсĕсем (музыка ынерĕ; театр ынерĕ;
сăнарлă, декоратив-прикладной ынер тата архитектура)

Редакцие килекен мĕн пур материала аслăлăх тĕлĕшĕнчен рецензилесĕ

Редакци шухăшĕ статьясен авторĕсен шухăшĕпе килĕшмесе те пултарать

Журналта тухнă материалсене редакцие килĕшсе татăлсан кăна
урăх кăларăмра пичетлеме юрат

© Чăваш патшалăх гуманитарнĕ
аслăлăхĕсен институчĕ, 2026

Тѣн редактор

Исаев Юрий Николаевич — ЧПГ ЁИ директорѣ,
филол. ёслёл. д-рѣ, доц.

Тѣн редактор сума

Кириллова Ирина Юрьевна — ЧПГ ЁИ директорѣн ёслёлёхпа
аталану енѣпе ёслекен сума, филол. ёслёл. канд., доц.

Яваплё редактор

Гаврилов Артем Дмитриевич — ЧПГ ЁИ ёслёлёх аслё ёстешѣ,
филол. ёслёл. канд.

Редакци канашѣ

Аврутина Аполлинария Сергеевна — филол. ёслёл. д-рѣ (Санкт-Петербург, Рёссей)
Бикбулатова Аниса Рифовна — ист. ёслёл. д-рѣ (Бишкек, Кёркёсстан)
Грибов Николай Николаевич — ист. ёслёл. д-рѣ (Мускав, Рёссей)
Заяц Сергей Михайлович — филол. ёслёл. д-рѣ (Тирасполь, Днестрсума)
Зенкин Константин Владимирович — иск. д-рѣ (Мускав, Рёссей)
Напольнова Елена Марковна — филол. ёслёл. д-рѣ (Мускав, Рёссей)
Шаймерденова Нурсулу Жамалбековна — филол. ёслёл. д-рѣ (Алматы, Казахстан)

Редакци коллегийѣ

Абукаева Любовь Алексеевна — филол. ёслёл. д-рѣ (Йошкар-Ола, Рёссей)
Бойко Иван Иванович — ист. ёслёл. д-рѣ (Шупашкар, Рёссей)
Выборнов Александр Алексеевич — ист. ёслёл. д-рѣ (Самар, Рёссей)
Давлетшина Лейла Хасановна — филол. ёслёл. д-рѣ (Хусан, Рёссей)
Иванов Алексей Ананьевич — ист. ёслёл. д-рѣ (Йошкар-Ола, Рёссей)
Иванов Виталий Петрович — ист. ёслёл. д-рѣ (Шупашкар, Рёссей)
Иванова Алена Михайловна — филол. ёслёл. д-рѣ (Шупашкар, Рёссей)
Исхаков Радик Равильевич — ист. ёслёл. д-рѣ (Хусан, Рёссей)
Кондратьев Михаил Григорьевич — иск. д-рѣ (Шупашкар, Рёссей)
Краюшкина Татьяна Владимировна — филол. ёслёл. д-рѣ (Владивосток, Рёссей)
Нуриева Ирина Муртазовна — иск. д-рѣ (Ижевск, Рёссей)
Родионов Виталий Григорьевич — филол. ёслёл. д-рѣ (Шупашкар, Рёссей)
Садиков Ранус Рафикович — ист. ёслёл. д-рѣ (Ёпхў, Рёссей)
Салмин Антон Кириллович — ист. ёслёл. д-рѣ (Санкт-Петербург, Рёссей)
Сокаева Диана Вайнеровна — филол. ёслёл. д-рѣ (Владикавказ, Рёссей)
Ставицкий Владимир Владимирович — ист. ёслёл. д-рѣ (Пенза, Рёссей)
Султанова Рауза Рифкатовна — иск. д-рѣ (Хусан, Рёссей)
Сухарева Ирина Виталиевна — ист. ёслёл. д-рѣ (Ёпхў, Рёссей)
Ягафарова Гульназ Нурфаезовна — филол. ёслёл. д-рѣ (Ёпхў, Рёссей)

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические науки

Алайчиев У. К.

ЭВАКУАЦИЯ В КИРГИЗСКУЮ ССР В 1941 — 1945 ГОДАХ:

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ДЕМОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ 10

Гаврилов А. Д.

СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ ЧУВАШИИ ОБ УЧЕБЕ, ОБЩЕСТВЕННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СВОЕМ БУДУЩЕМ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОБСЛЕДОВАНИЙ) 20

Кошкина О. А.

ЭВАКУАЦИЯ В МАРИЙСКУЮ АССР: МАСШТАБЫ, ОСОБЕННОСТИ
ОРГАНИЗАЦИИ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ (1941 — 1945) 37

Михайлова С. Ю., Музякова А. Л.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ БИБЛИОТЕКИ
ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ОБ ЭВАКУАЦИИ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 45

Охотникова С. В.

РАССЕЛЕНИЕ «ЯСАЧНЫХ ЧУВАШЕЙ» В XVI — XVII ВЕКАХ

В КАРТОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР . . 54

Толстова Н. Ю.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ
УПРАВЛЕНИЯ ЭВАКУАЦИЕЙ НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШИИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 75

Филологические науки

Долгова А. П.

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ
И ЗАДАЧИ РАЗРАБОТКИ ЭЛЕКТРОННОГО КОРПУСА ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА . . 84

Ильина Г. Г.

ЧУВАШСКАЯ БЫЛИЧКА: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ 100

Лукина И. П., Дегтярёв Г. А.

ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОСТИ И ВАРИАТИВНОСТИ В ЧУВАШСКОЙ
ТОПОНИМИИ 107

Виды искусства

Бушужева Л. И.

ЧУВАШСКОЕ КОМПОЗИТОРСКОЕ ИСКУССТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА
В КОНТЕКСТЕ ПОНЯТИЯ «НАЦИОНАЛЬНАЯ КОМПОЗИТОРСКАЯ ШКОЛА» . . . 118

Зарубин А. Н.

АНАЛИЗ СЕЗОНА 2024/25 ГОДА ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО

АКАДЕМИЧЕСКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА ИМЕНИ К. В. ИВАНОВА . . 133

Рецензии

Васильев Ю. В.

РЕЦ. НА: КОНДРАТЬЕВ М. Г. КЁСЛЕ — МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ
ЧУВАШСКОГО НАРОДА В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ :

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ МОНОГРАФИЯ. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2025. 144 с., ил. 151

Персоналии

Басманцев Д. В.

ИСТОРИК, АРХЕОГРАФ, НАСТАВНИК (к 75-летию В. Д. Кочеткова) 153

Бойко И. И.

УЧЕНЫЙ-СОЦИОЛОГ, ОРГАНИЗАТОР НАУКИ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ
(к 70-летию П. С. Краснова) 155

Смирнова Н. Б.

ИСТОРИК, ВЕРНЫЙ СВОЕМУ ДЕЛУ (к 70-летию Г. А. Николаева) 158

Научная жизнь

Васильева П. В.

III МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«СЛАВЯНО-ТЮРКСКИЙ МИР: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ» 160

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ 162

CONTENTS

Historical Sciences

Alaichiev U. K.

EVACUATION TO THE KYRGYZ SSR IN 1941 — 1945:

INDUSTRY, DEMOGRAPHY AND HISTORICAL MEMORY 10

Gavrilov A. D.

STUDENT YOUTH OF CHUVASHIA ON THEIR STUDIES, PUBLIC ACTIVITIES,
AND THEIR FUTURE (BASED ON ETHNOSOCIOLOGICAL SURVEYS) 20

Koshkina O. A.

EVACUATION TO THE MARI ASSR: SCALE, ORGANIZATIONAL FEATURES,
AND DAILY LIFE (1941 — 1945). 37

Mikhailova S. Y., Muzyakova A. L.

THE INFORMATION POTENTIAL OF UNIVERSITY LIBRARY

FOR PRESERVING THE HISTORICAL MEMORY ABOUT

THE EVACUATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR 45

Okhotnikova S. V.

THE RESETTLEMENT OF THE “YASAK CHUVASH” IN THE 16TH — 17TH CENTURIES
IN CARTOGRAPHIC MATERIALS: A HISTORIOGRAPHIC REVIEW 54

Tolstova N. Yu.

ORGANIZATIONAL AND LEGAL FRAMEWORK OF THE ACTIVITIES OF EVACUATION
AUTHORITIES IN CHUVASHIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR 75

Philological Sciences

Dolgova A. P.

THE PROBLEM OF INTERPRETATION PARTS OF SPEECH

IN CHUVASH LINGUISTICS AND THE TASKS OF DEVELOPING

AN ELECTRONIC CORPUS OF THE CHUVASH LANGUAGE 84

Ilyina G. G.

CHUVASH EPIC: HISTORY OF RESEARCH AND TERMINOLOGICAL ISSUES 100

Lukina I. P., Degtyarev G. A.

PROBLEMS OF STANDARDIZATION AND VARIABILITY IN CHUVASH TOPONYMY . 107

Arts

Bushueva L. I.

CHUVASH COMPOSITIONAL ART IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY
IN THE CONTEXT OF THE CONCEPT “NATIONAL SCHOOL OF COMPOSITION”. . . 118

Zarubin A. N.

ANALYSIS OF THE 2024/25 SEASON OF THE CHUVASH STATE ACADEMIC

DRAMA THEATRE NAMED AFTER K. V. IVANOV 133

Reviews

Vasiliev Yu. V.

THE REVIEW ON: KONDRATIEV M. G. KĖSLE — A MUSICAL INSTRUMENT
OF THE CHUVASH PEOPLE IN HISTORY AND MODERN CULTURE :

AN ILLUSTRATED MONOGRAPH. Cheboksary: Chuvash Book Publishing House,

2025. 144 p., illus. 151

Personalities

Basmansev D. V.

HISTORIAN, ARCHEOGRAPHER, MENTOR (on the 75th anniversary of V. D. Kochetkov) 153

Boyko I. I.

SOCIOLOGIST, SCIENCE ADMINISTRATOR, POLITICAL FIGURE

(on the 70th anniversary of P. S. Krasnov) 155

Smirnova N. B.

A HISTORIAN FAITHFUL TO HIS WORK (on the 70th anniversary of G. A. Nikolaev) . . 158

Scientific life

Vasilieva P. V.

3TH INTERNATIONAL SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE

“SLAVIC-TURKIC WORLD: HISTORY AND MODERNITY” 160

REQUIREMENTS FOR ARTICLES 162

ТУПМАЛЛИ

Истори аслалӑхӑсем

Алайчиев У. К.

1941 — 1945 ÇУЛСЕНЧЕ КИРГИЗ СОЦИАЛИЗМЛӑ СОВЕТ РЕСПУБЛИКИНЕ
ЭВАКУАЦИЛЕНИ: ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ДЕМОГРАФИ ТАТА ИСТОРИ АС ТӑВӑМӗ 10

Гаврилов А. Д.

ЧӑВАШ ЕН СТУДЕНЧӖСЕМ ВӖРЕНӰПЕ ОБЩЕСТВО ЁС-ХӖЛӗ
ТАТА ХӐЙСЕН ПУЛАСЛӑХӖ СИНЧЕН
(ЭТНОСОЦИОЛОГИ ТӖПЧЕВӖСЕН МАТЕРИАЛӖ ТӐРӐХ) 20

Кошкина О. А.

МАРИ АССРне ЭВАКУАЦИЛЕНИ: АНЛӑШӖ, ЙӖРКЕЛӰ УЙРӑМЛӑХӖСЕМ
ТАТА КУЛЛЕНХИ ПУРӑӐС (1941 — 1945) 37

Михайлова С. Ю., Музякова А. Л.

УНИВЕРСИТЕТ БИБЛИОТЕКИСЕНЧИ ТӑВАН СӖРШЫВӐН
АСЛӑ ВӐРСИ ÇУЛӖСЕНЧИ ЭВАКУАЦИЕ АСРА УПРАСА
ХӐВАРМА ПУЛӑШАКАН ИНФОРМАЦИ МАЙӖСЕМ 45

Охотникова С. В.

«ЯСАК ЧӑВАШӖСЕМ» XVI — XVII ЁМӖРСЕНЧЕ ПУРӑНӑ ВӐРӐНСЕНЕ
КАРТОГРАФИ МАТЕРИАЛӖНЧЕ ПАЛӑРТНИ: ИСТОРИОГРАФИ ТИШКЕРӖВӖ . . . 54

Толстова Н. Ю

ТАВАН СӖРШЫВӐН АСЛӑ ВӐРСИ ÇУЛӖСЕНЧЕ ЧӑВАШ ЕН
ТЕРРИТОРИЙӖНЧЕ ХАЛӑХ ЭВАКУАЦИНЕ ЙӖРКЕЛЕКЕН ОРГАНСЕН
ЁС-ХӖЛӖН ПРАВО НОРМИСЕН НИКӖСӖ 75

Филологи аслалӑхӑсем

Долгова А. П.

ЧӑВАШ ЧӖЛХЕ ПӖЛӖВӖНЧЕ ПУПЛЕВ ПАЙӖСЕНЕ УЙӐРАССИНЕ ТӖПЧЕНИ
ТАТА ЧӑВАШ ЧӖЛХИН ЭЛЕКТРОН КОРПУСНЕ ТӑВАС ЫЙТУСЕМ 84

Ильина Г. Г.

ЫР-УСАЛ ХАЛАПӖСЕМ: ТӖПЧЕНИН ИСТОРИЙӖ ТАТА ТЕРМИНОЛОГИ ЫЙТӑВӖ 100

Лукина И. П., Дегтярёв Г. А.

ЧӑВАШ ТОПОНИМИЙӖНЧИ НОРМАТИВЛӑХПА ВАРИАНТЛӑХ ЫЙТӑВӖСЕМ . . 107

Ўнер тӗсӗсем

Бушӑева Л. И.

XX ЁМӖРӖН ИККӖМӖШ ÇУРРИНЧИ ЧӑВАШ КОМПОЗИТОРӖСЕН ӐСТАЛӑХӖ
«КОМПОЗИТОРСЕН НАЦИ ШКУЛӖ» ӐНЛАВ КОНТЕКСТӖНЧЕ. 118

Зарубин А. Н.

К. В. ИВАНОВ ЯЧӖЛЛӖ ЧӑВАШ ПАТШАЛӑХ АКАДЕМИ ДРАМА
ТЕАТРӖН 2024/25 ÇУЛХИ СЕЗОННЕ ТИШКЕРНИ. 133

Рецензисем

Васильев Ю. В.

РЕЦ.: КОНДРАТЬЕВ М. Г. КӖСЛЕ — ЧӑВАШ ХАЛӑХ ИСТОРИЙӖНЧИ ТАТА
ХАЛӑХИ КУЛЬТУРИНЧИ МУЗЫКА ИНСТРУМЕНЧӖ : ИЛЛЮСТРАЦИЛЕНӖ
МОНОГРАФИ. Шупашкар: Чӑваш кӗн. изд-ви, 2025. 144 с., ил. 151

Персоналисем

Басманцев Д. В.

ИСТОРИК, АРХЕОГРАФ, ВӖРЕНӰÇӖ (В. Д. Кочетков 75 çул тултарӑ май) 153

Бойко И. И.

УЧЕНӑЙ СОЦИОЛОГ, ӐСЛӑЛӑХ ЙӖРКЕЛӰÇИ, ПОЛИТИКА ДЕЯТЕЛӖ
(П. С. Краснов 70 çул тултарӑ май) 155

Смирнова Н. Б.

ХӐЙ ЁСНЕ ПАРӑНӑ ИСТОРИК (Г. А. Николаев 70 çул тултарӑ май) 158

Ӑслалӑх пурӑӑсӗ

Васильева П. В.

«СЛАВЯН-ТӖРӖК ТӖНЧИ: ИСТОРИ ТАТА ХАЛӑХИ САМАНА»
ХАЛӑХСЕН ХУШШИНЧИ III ӐСЛӑЛӑХ-ПРАКТИКА КОНФЕРЕНЦИЙӖ 160

СТАТЬЯСЕНЕ МӖНЛЕ ÇЫРМАЛЛА 162

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORICAL SCIENCES / ИСТОРИ ӐСЛӐЛӐХӐСЕМ

УДК 94(575.2)''1941/1945''

ББК 63.3(5Кир)622

Научная статья

ЭВАКУАЦИЯ В КИРГИЗСКУЮ ССР В 1941 — 1945 ГОДАХ: ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ДЕМОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

У. К. Алайчиев

Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии
Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации,
г. Москва, Россия
usenalaichiev@gmail.com

Аннотация. В статье на основе анализа архивных документов и статистических материалов рассматривается процесс эвакуации промышленных предприятий и населения в Киргизскую ССР в годы Великой Отечественной войны. Раскрываются количественные параметры перебазирования 38 заводов и фабрик, что позволило увеличить валовую продукцию республики в 3,7 раза и обеспечить до 85 % союзной добычи стратегической ртути. Анализируются демографические изменения, связанные с прибытием более 276 тыс. чел., включая эвакуированных из прифронтовой полосы, депортированные народы и 10,5 тыс. детей блокадного Ленинграда. Особое внимание уделяется трудовому подвигу населения, совмещавшего выпуск военной продукции с помощью фронту. В статье также рассматриваются вопросы сохранения исторической памяти об этих событиях на современном евразийском пространстве, включая мемориальные практики и межгосударственные проекты. Делается вывод о системном и многоплановом вкладе республики в общую Победу.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, Киргизская ССР, промышленность, депортация, историческая память, тыл

Для цитирования: Алайчиев У. К. Эвакуация в Киргизскую ССР в 1941 — 1945 годах: промышленность, демография и историческая память // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 3. С. 10 — 19

© Алайчиев У. К., 2026

Scientific article

EVACUATION TO THE KYRGYZ SSR IN 1941 — 1945: INDUSTRY, DEMOGRAPHY AND HISTORICAL MEMORY

U. K. Alaichiev

Scientific Research Institute (Military History) Military Academy
of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation,
Moscow, Russia
usenalaichiev@gmail.com

Abstract. Based on the analysis of archival documents and statistical materials, the article examines the process of evacuation of industrial enterprises and the population to the Kyrgyz SSR during the Great Patriotic War. The quantitative parameters of the relocation of 38 plants and factories are analyzed, which made it possible to increase the gross output of the republic by 3.7 times and provide up to 85 % of the Soviet Union's production of strategic mercury. The demographic changes associated with the arrival of more than 276,000 people, including

those evacuated from the front-line areas, deported ethnic groups and more than 10,500 children of besieged Leningrad, are analyzed. Special attention is paid to the population's labor achievements in combining military production with support for the front. The article also examines the issues of preserving the historical memory of these events in the modern Eurasian space, including memorial practices and interstate projects. The article concludes that the republic made a comprehensive and multifaceted contribution to the overall victory.

Keywords: the Great Patriotic War, evacuation, Kyrgyz SSR, industry, deportation, historical memory, home front

For citation: Alaichiev U. K. Evacuation to the Kyrgyz SSR in 1941 — 1945: industry, demography and historical memory // Modern humanities. 2026;2(3):10 — 19

Асלא́лах статийи

1941 — 1945 СУЛСЕНЧЕ КИРГИЗ СОЦИАЛИЗМЛА СОВЕТ РЕСПУБЛИКИНЕ ЭВАКУАЦИЛЕНИ: ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ДЕМОГРАФИ ТАТА ИСТОРИ АС ТАВĂМЁ

У. К. Алайчиев

Раcсей Федерацийён хёс-пашалла вайёсен Тёп штабён Сар академийён
Асלא́лах тёпчев (сар историйён) институтчё
Мускав хули, Раcсей
usenalaichiev@gmail.com

Аннотаци. Статъяра архив докуменчёсене тата статистика материалне тишкерсе Тăван сёршывăн аслă вăрси сулсене Киргиз Социализмла Совет Республикене промышленность предприятийёсене тата сынсене эвакуациленин процесне тёпченё. 38 заводпа фабрика кусарса ёсе кёртнё май пулса иртнё улшăнусене конкретла кăтартусемпе усса панă, сакă республикан пётём продукцине 3,7 хут ўстерме май панине, сёршывра кăларакан стратеги пёлтерёшлё чёр кемёл калăпăшён 85 % таран кунтан пулнине палăртнă. Республикана фронт сумёнчи тăрăхсенчен, малтан пурăннă ыраңтан ирёксёр кусарнă халăхсенчен 276 пин ытла сын килсе ырнашнипе, блокадари Ленинградран 10,5 пин ача илсе килнипе сыхăннă демографири улшăнусене тишкернё. Тылри сынсен ёсри паттăрлăхне, вёсем сар продукцине каларнипе пёрлех фронта ытти майсемпе те пулăшнине уйрăмах тимленё. Кунсёр пуcне Тăван сёршывăн аслă вăрсине Евразири халăхсен асёнке малашне те сыхласа хăварассине, сак ыйтупа сыхăннă ас тăвăм ёсё-хелёпе тёрлё сёршыв хутшăнса пурнăслама палăртнă проектсене те пăхса тухнă. Статъя пётёмлетёвёнке республика аслă Сёнтерёве хывнă тўпе нумай енлё тата системалла пулнине палăртнă.

Тёп сăмахсем: Тăван сёршывăн аслă вăрси, эвакуаци, Киргиз Социализмла Совет Республики, промышленность, депортаци, истори ас тăвăмё, тыл

Цитатăлама: Алайчиев У. К. 1941 — 1945 сулсене Киргиз Социализмла Совет Республикене эвакуацилени: промышленность, демографи тата истори ас тăвăмё // Халъхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 3 №. С. 10 — 19

Введение

Великая Отечественная война (1941 — 1945) стала тяжелейшим испытанием, потребовавшим мобилизации всех ресурсов народов СССР. Киргизская ССР, будучи глубоко тыловым регионом, приняла беспрецедентное количество эвакуированных предприятий и населения, одновременно нарастив собственное производство в десятки раз. Цель данного исследования — на основе архивных документов и статистических сборников представить развернутую картину вклада республики, подкрепленную количественными показателями и ссылками на директивные документы.

Материалы и методы

Основой для количественных расчетов послужили фонды Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ): ф. Р-5446 (Совет Министров СССР) — дела по эвакуации населения и промышленности¹; ф. Р-9479 (Управление по делам спецпереселенцев НКВД СССР) — статистика депортаций². В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) изучены ф. 17 (ЦК ВКП(б)) — постановления бюро ЦК КП(б) Киргизии³ и ф. 644 (Государственный Комитет Оборона СССР) — директивные акты высшего уровня⁴.

В Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) привлечены материалы ф. 1562 (ЦСУ СССР) — данные о миграционных потоках и переписи населения⁵, а также ф. 9022 (Наркомат цветной металлургии СССР) — сведения о производстве стратегических материалов⁶. Из Центрального государственного архива Кыргызской Республики (ЦГА КР) использованы ф. 124 (Совнарком Киргизской ССР) — докладные записки о размещении предприятий⁷ и ф. 22 (НКВД Киргизской ССР) — отчеты о спецпереселенцах⁸. Также привлечены документы Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО) — ф. 1458 (Среднеазиатский военный округ)⁹ и Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) — ф. 330 (Управление эвакуированных Ленинграда)¹⁰.

Эвакуация регламентировалась директивными актами высшего уровня. Постановление ГКО № 99сс от 11 июля 1941 г. «Об эвакуации промышленных предприятий и населения из прифронтовой полосы» определило порядок перемещения производительных сил на восток, включая Среднюю Азию¹¹. Постановление ГКО № 137сс от 14 июля 1941 г. «Об утверждении плана погрузки по железным дорогам народнохозяйственных, эвакуационных грузов и населения на 2 декаду июля 1941 г.» впервые включило станции назначения на территории Киргизской ССР (Фрунзе, Ош, Пржевальск)¹². Директива Военного Совета САВО № 00125 от 5 августа 1941 г. «О мобилизации автотранспорта и гужевого транспорта для нужд эвакуации» регламентировала использование местных ресурсов¹³.

Результаты исследования и их обсуждение

Промышленная эвакуация: количественные показатели. Всего на территорию республики в 1941 — 1942 гг. прибыло 38 эвакуированных предприятий, подавляющее большинство которых (68,4 %) было размещено уже в первый год войны [3, с. 11]. Для понимания структурной перестройки экономики региона принципиальное значение имеет отраслевой анализ перебазированных заводов и фабрик. Распределение эвакуированных мощностей по отраслям промышленности представлено в таблице 1.

¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 112. Л. 234.

² Там же. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 135. Л. 23.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1123. Л. 45.

⁴ Там же. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 78. Л. 78.

⁶ Там же. Ф. 9022. Оп. 1. Д. 78. Л. 112 — 115.

⁷ ЦГА КР. Ф. 124. Оп. 5. Д. 210. Л. 3.

⁸ Там же. Ф. 22. Оп. 3. Д. 178. Л. 45 — 47.

⁹ ЦАМО. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 11. Л. 23.

¹⁰ ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 48. Л. 112 — 115, 118, 120.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 45 — 47.

¹² Там же. Д. 2. Л. 112 — 114, 345.

¹³ ЦАМО. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 11. Л. 23.

Таблица 1

**Отраслевая структура промышленных предприятий,
эвакуированных в Киргизскую ССР в 1941 — 1942 гг.¹⁴**

Отрасль промышленности	Количество предприятий	% от общего числа
Машиностроение и металлообработка	11	28,9
Легкая и текстильная	14	36,8
Пищевая	6	15,8
Горнорудная	4	10,5
Строительных материалов	3	7,9
Итого	38	100

Как видно из представленных данных, основу эвакуационного потока составили предприятия легкой и текстильной промышленности (36,8 %), что было обусловлено необходимостью скорейшего обеспечения Красной Армии обмундированием. Именно легкая промышленность быстрее всего перестраивалась на выпуск продукции для фронта¹⁵.

Вместе с тем высокая доля машиностроительных заводов (28,9 %) позволила в кратчайшие сроки наладить выпуск боеприпасов и ремонт военной техники непосредственно на месте. По данным Г. Д. Джунушалиевой, эвакуированное оборудование монтировалось в неотапливаемых цехах, под открытым небом, часто силами самих рабочих, прибывших вместе с заводами [4, с. 47].

Особого внимания заслуживает прибытие четырех горнорудных предприятий (10,5 %): именно они заложили основу для превращения Киргизской ССР в ведущего поставщика стратегического сырья — ртути и сурьмы — для оборонной промышленности СССР [2, с. 157]. Как отмечается в сборнике архивных документов, выпущенном Архивной службой Кыргызской Республики к 80-летию Победы, документы о деятельности горнорудной промышленности долгое время хранились под грифом «секретно» и лишь недавно стали доступны исследователям.

Г. Д. Джунушалиева подчеркивает, что горнорудная промышленность Киргизской ССР в годы войны переживала настоящий подъем: объем добычи ртути вырос в 4,5 раза, и республика стала давать до 85 % союзной добычи этого стратегического металла.

Таким образом, отраслевая структура эвакуированных мощностей полностью соответствовала задачам военного времени и максимально эффективно использовала имевшийся в республике ресурсный потенциал. Исследователи сходятся во мнении, что именно эвакуация стала катализатором индустриального развития Киргизии, определившим ее промышленную специализацию на десятилетия вперед¹⁶.

Важно отметить, что география эвакуированных предприятий охватывала практически всю территорию республики. Как указывают Г. Ахмедова и Э. Каримов, в отличие от распространенного мнения о концентрации эвакуированных

¹⁴ ЦГА КР. Ф. 124. Оп. 5. Д. 210. Л. 33 — 67; ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 112. Л. 23 — 45.

¹⁵ Джунушалиева Г. Д. Экономика Киргизской ССР в годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.: дис. ... доктора ист. наук: 07.00.02. Бишкек, 2013. С. 10 — 11.

¹⁶ Selected records from National Archives of the Republic of Kyrgyzstan related to evacuation of civilians during WWII // The EHRI Portal: [website]. URL: <https://portal.ehri-project.eu/> (reference date: 17.02.2026).

заводов только в г. Фрунзе (ныне Бишкек), значительная часть предприятий размещалась в Ошской, Джалал-Абадской и Иссык-Кульской областях, что способствовало более равномерному развитию производительных сил региона [2].

Среди перебазированных заводов — предприятия из Киева, Харькова, Одессы, Днепропетровска, Москвы и Ленинграда¹⁷. Наиболее значимые: завод «Красный швейник» (из Киева), перепрофилированный под выпуск военного обмундирования¹⁸; оборудование Донбасского ртутного комбината, развернутое на базе Хайдарканского месторождения¹⁹; обувная фабрика № 4 (из Москвы), начавшая выпуск армейской обуви²⁰. Благодаря эвакуированному оборудованию, валовая продукция промышленности Киргизской ССР выросла в 3,7 раза по сравнению с довоенным уровнем²¹.

Как было показано выше, среди эвакуированных предприятий особую роль играли четыре горнорудных объекта (10,5 % от общего числа). Их значение определялось не столько количеством, сколько стратегическим характером выпускаемой продукции. Уже к 1943 г. Киргизская ССР превратилась в одного из ключевых поставщиков сырья для оборонной промышленности СССР. Динамика добычи основных ресурсов и доля республики в общесоюзном производстве представлены в таблице 2.

Таблица 2

**Производство стратегических ресурсов в Киргизской ССР
и доля в общесоюзной добыче (1940 — 1943)²²**

Продукция	1940 г.	1943 г.	Рост, раз
Ртуть, т	120	540	4,5
Сурьма, т	—	2100	—
Вольфрамовый концентрат, т	—	1250	—
Уголь, тыс. т	400	780	1,95
Нефть, тыс. т	18	40	2,2

Приведенные данные со всей очевидностью демонстрируют качественный скачок в развитии горнодобывающего сектора республики. Наибольший рост был достигнут в производстве ртути: за три военных года объем добычи увеличился в 4,5 раза, что позволило Киргизской ССР занять доминирующее положение в общесоюзном балансе этого металла — 85 % в 1943 г.²³ Особое значение ртути определялось ее использованием в производстве взрывателей для снарядов и оптических приборов для артиллерии и авиации. Столь же впечатляющими были успехи в сурьмяной промышленности, где республика обеспечивала 60 % союзной добычи, и в производстве вольфрамового концентрата (40 %)²⁴; сурьма и вольфрам являлись незаменимыми компонентами твердых сплавов для броневой брони сердечников и броневой стали. Без этих ресурсов было бы невозможно поддерживать производство вооружений в необходимых фронтах масштабах.

¹⁷ ЦГА КР. Ф. 124. Оп. 5. Д. 213. Л. 15.

¹⁸ Там же. Д. 215. Л. 22, 51.

¹⁹ Там же. Д. 220. Л. 31.

²⁰ Там же. Д. 225. Л. 44, 73 — 75, 78.

²¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 78. Л. 78.

²² Джунушалиева Г. Д. Указ. соч. С. 200.

²³ Там же. С. 200.

²⁴ РГАЭ. Ф. 9022 (Наркомат цветной металлургии СССР). Оп. 1. Д. 78. Л. 157 — 158.

Примечательно, что весь этот рост был достигнут в условиях острого дефицита рабочих рук, оборудования и электроэнергии, что свидетельствует о высочайшей степени мобилизации трудовых ресурсов республики. Даже скромные на первый взгляд показатели по углю и нефти имели критическое значение для обеспечения энергией эвакуированных заводов и транспорта²⁵.

Демографические аспекты эвакуации. Масштаб людских потоков, устремленных в Киргизскую ССР, требует не только общей количественной оценки, но и структурного анализа. Демографическая ситуация в республике в годы войны формировалась под влиянием трех разнородных, но синхронно действовавших факторов: организованной эвакуации гражданского населения из прифронтовой полосы, принудительного переселения целых народов по решению ГКО и планового оргнабора специалистов для работы на оборонных предприятиях. Учет этих категорий велся разными ведомствами (Совнаркомом, НКВД, наркоматами), что объясняет некоторую вариативность итоговых цифр в источниках. Наиболее полная картина, зафиксированная в сводках НКВД Киргизской ССР на 1 января 1945 г., представлена в таблице 3²⁶.

Таблица 3

Структура прибывших в Киргизскую ССР в 1941 — 1944 гг.²⁷

Категория	Численность, тыс. чел.	%
Эвакуированные из прифронтовой полосы (в том числе блокадники)	186,4	67,5
Депортированные народы	82,0	29,7
Специалисты, направленные по оргнабору	8,0	2,9
Итого	276,4	100

Приведенные данные позволяют сделать ряд принципиальных выводов о характере миграционных процессов в республике. Прежде всего обращает на себя внимание доминирование категории «эвакуированные из прифронтовой полосы» (67,5 %), что подтверждает тезис о Киргизии как о глубоко тыловом регионе, предназначенном для спасения гражданского населения, включая наиболее уязвимые его группы. Именно в эту категорию входили 10,5 тыс. детей блокадного Ленинграда, чье выживание стало возможным благодаря системе детских домов и патронатных семей²⁸.

Вторая по величине группа — депортированные народы (29,7 %) — отражает трагическую сторону переселенческой политики военного времени. 82 тыс. спецпереселенцев (немцы, чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, крымские татары и др.) были размещены в республике на особых условиях, с ограничением свободы передвижения и под надзором НКВД²⁹. Их труд, несмотря на тяжелейшие бытовые условия, использовался на лесозаготовках, в угольной промышленности и на строительстве.

Незначительная, на первый взгляд, доля оргнаборцев (2,9 %) не должна вводить в заблуждение: эти 8 тыс. чел. представляли собой наиболее квалифициро-

²⁵ Джунушалиева Г. Д. Указ. соч. С. 210.

²⁶ ЦГА КР. Ф. 124. Оп. 5. Д. 230. Л. 56; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 135. Л. 23.

²⁷ ЦГА КР. Ф. 124. Оп. 5. Д. 230. Л. 56; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 67.

²⁸ ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 48. Л. 112.

²⁹ ЦГА КР. Ф. 22. Оп. 3. Д. 178. Л. 45 — 47.

ванных инженеров и техников, без которых пуск эвакуированных заводов был бы невозможен³⁰.

В различных источниках встречается цифра до 320 тыс. чел. — это валовый поток прибывших за все годы, включая транзитных переселенцев и лиц, не учтенных в итоговых сводках НКВД на 1945 г. Однако для анализа постоянного населения, осевшего в республике к концу войны, наиболее достоверной является цифра 276,4 тыс. чел., что составляло около 12 % от довоенного населения Киргизии и кардинально изменило ее этнический и социальный состав, создав уникальный сплав культур и судеб, ставший основой современного евразийского единства.

Особую категорию составляли дети из блокадного Ленинграда. Согласно отчету Управления эвакуированных Ленинграда, в Киргизскую ССР в 1942 г. прибыло 10 560 чел., из которых 8600 — дети³¹. К концу 1942 г. в республике было размещено 42 детских дома с воспитанниками из Ленинграда³². Уровень смертности среди детей в первые месяцы после эвакуации удалось снизить с 15 — 20 % (в пути) до 3 — 4 % (после размещения) благодаря самоотверженной помощи местного населения.

Трудовой подвиг и мобилизация ресурсов. Решающим фактором превращения Киргизской ССР в один из крупных промышленных центров тыла стал приток квалифицированных кадров вместе с эвакуированным оборудованием. Накануне войны в промышленности республики насчитывалось около 36 тыс. рабочих³³. Если в довоенный период промышленность развивалась преимущественно за счет местных трудовых ресурсов, то с середины 1941 г. структура занятых претерпела коренные изменения. Данные Госплана Киргизской ССР и отчеты наркоматов позволяют проследить не только абсолютный рост числа рабочих, но и кардинальное изменение соотношения местных и эвакуированных кадров.

Таблица 4

Динамика численности промышленных рабочих в Киргизской ССР, тыс. чел.³⁴

Год	Местные рабочие	Эвакуированные рабочие	Всего
1940	42,5	—	42,5
1941	45,8	8,2	54,0
1942	47,2	32,5	79,7
1943	35,4	13,7	49,1
1944	51,6	37,8	89,4

Данные за 1943 г. требуют пояснения. Падение общей численности рабочих до 49,1 тыс. чел. объясняется двумя факторами:

1) частичной реэвакуацией ряда предприятий в освобожденные западные районы (что уменьшило число эвакуированных рабочих);

2) пиком мобилизации местного населения в действующую армию, что отразилось на строке «местные рабочие». Цифра эвакуированных рабочих в 13,7 тыс. чел. представляет собой уточненные данные после выбытия части специалистов вслед за реэвакуированными заводами³⁵.

³⁰ ЦГА КР. Ф. 124. Оп. 5. Д. 211. Л. 67.

³¹ ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 48. Л. 112 — 115, 118, 120.

³² Там же. Л. 118.

³³ Джунушалиева Г. Д. Указ. соч. С. 45.

³⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1450. Л. 34 — 36.

³⁵ ЦГА КР. Ф. 124. Оп. 5. Д. 211. Л. 67.

Представленные данные демонстрируют ключевую тенденцию: к 1944 г. промышленность республики не только восстановила, но и удвоила довоенную численность рабочих, достигнув 89,4 тыс. чел. При этом доля эвакуированных специалистов в общем объеме кадров составляла стабильно высокие 42 — 45 %, а на оборонных заводах Фрунзе достигала 60 %³⁶. Это доказывает, что без эвакуированного человеческого капитала (инженеров, техников, квалифицированных рабочих из Украины, Белоруссии и центральных областей РСФСР) столь стремительный рост валовой продукции в 3,7 раза был бы невозможен. Местное население, в свою очередь, обеспечило не только замещение ушедших на фронт, но и интенсивное обучение молодежи непосредственно у станков, что заложило основу послевоенного развития республики³⁷.

Важно отметить, что мобилизация трудовых ресурсов носила двусторонний характер. Тысячи кыргызстанцев были направлены на предприятия других регионов СССР. Так, по данным Объединенного государственного архива Челябинской области, в сентябре 1943 г. примерно на 30 предприятиях региона работало около 20 тыс. трудомобилизованных, из них более 5,3 тыс. составляли выходцы из Киргизской ССР [3]. Найденные документы свидетельствуют о нелегком труде мобилизованных, обеспечивавших фронт боеприпасами и техникой. Архивистами также выявлены личные партийные дела представителей Компартии Киргизской ССР Мамыта Усубалиева и Бейшеналы Атаналиева, которые курировали вопросы трудовой деятельности и условий жизни своих соотечественников на Урале [3].

Несмотря на мобилизацию мужчин в армию (из республики ушло на фронт 363 000 чел.)³⁸, Киргизская ССР увеличила поставки сельхозпродукции. Государственные заготовки зерна выросли с 290 тыс. т в 1940 г. до 380 тыс. т в 1944 г., мяса — с 18,5 тыс. до 26,7 тыс. т³⁹. Этот рост достигался за счет труда женщин, стариков и подростков, составлявших к 1943 г. 78 % всех занятых в сельском хозяйстве⁴⁰.

Трудящиеся Киргизской ССР активно участвовали в сборе средств в Фонд обороны. Всего за годы войны было собрано: 215 млн руб. денежных средств; 4,5 кг золота и 62 кг серебра; 340 тыс. единиц теплой одежды; 1280 вагонов с продовольствием и подарками для фронта⁴¹.

Эвакуация и депортация: две стороны переселений. Помимо эвакуации, Киргизская ССР стала местом принудительного переселения народов, обвиненных в коллаборационизме. Постановление ГКО № 1113сс от 30 сентября 1941 г. «О переселении немцев из Саратовской и Сталинградской областей» касалось и немцев Поволжья, часть которых направили в Киргизию⁴². Постановление ГКО № 5073сс от 31 января 1944 г. «О мероприятиях по размещению спецпереселенцев в пределах Казахской и Киргизской ССР» регулировало прибытие чеченцев, ингушей и других народов⁴³.

По данным НКВД Киргизской ССР, в республику в 1941 — 1944 гг. было депортировано 82,0 тыс. чел., включая немцев (50,2 тыс.), чеченцев и ингушей

³⁶ ЦГА КР. Ф. 124. Оп. 5. Д. 215. Л. 51.

³⁷ Там же. Д. 225. Л. 78.

³⁸ ЦАМО. Ф. 1458. Оп. 3. Д. 45. Л. 89.

³⁹ ЦГА КР. Ф. 124. Оп. 5. Д. 225. Л. 78.

⁴⁰ Там же. Л. 18.

⁴¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 112. Л. 234; Д. 115. Л. 156.

⁴² РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 212.

⁴³ Там же. Д. 2. Л. 345.

(18,5 тыс.), крымских татар (3,9 тыс.) и другие народы⁴⁴. Эти люди также вносили вклад в экономику, работая на лесоповале, в шахтах и на стройках, но находились в условиях спецпоселений с ограничениями.

Информация о трудоармейцах немецкой национальности, проживавших на территории Киргизской ССР и мобилизованных на предприятия Урала, также подтверждается архивными данными [6, с. 120].

Сохранение памяти. На евразийском пространстве сложилась сеть мест памяти об эвакуации в Киргизскую ССР. Памятник «Кыргызской матери» (Бишкек) открыт 8 мая 2012 г. по инициативе Кыргызского общества блокадников Ленинграда. Надпись гласит: «Посвящается кыргызской матери, согретой своей любовью детей блокадного Ленинграда» [7, с. 112]. Мемориал Победы (Бишкек, площадь Победы) открыт в 1985 г. Архитектурная форма в виде юрты с бронзовыми арками символизирует возвращение воина к родному очагу [7, с. 115].

Российское историческое общество совместно с архивами Кыргызской Республики реализовало проект «Эвакуация в Киргизию: документы и материалы», включающий оцифрованные постановления ГКО, списки эвакуированных и фотохронику⁴⁵. Общественные организации, такие как Кыргызское общество блокадников Ленинграда (КОБЛ) и движение «Наша Победа — Биздин Жениш», ведут поисковую работу и устанавливают судьбы пропавших без вести [6, с. 56 — 58].

В 2025 г., объявленном в СНГ Годом 80-летия Победы, состоялось возложение цветов парламентариями стран Содружества к Мемориалу Победы в Бишкеке, что символизирует признание вклада Киргизской ССР в общую Победу на высшем политическом уровне [5].

Заключение

Количественный анализ документов позволяет утверждать, что вклад Киргизской ССР в Победу был системным: принято 38 эвакуированных предприятий; валовая продукция выросла в 3,7 раза; республика давала 85 % союзной добычи ртуты; размещено 276,4 тыс. эвакуированных и депортированных (с учетом валового потока — до 320 тыс. чел.), включая 10,5 тыс. детей из блокадного Ленинграда; собрано 215 млн руб. в Фонд обороны. Человеческие судьбы — дети блокады, спасенные киргизскими матерями, рабочие эвакуированных заводов, трудомобилизованные на предприятиях Урала — являются живым воплощением этого вклада. Сохранение памяти через монументы, архивные публикации и межгосударственные акции обеспечивает неразрывность исторической традиции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алымкулов Н. А. Трудармейцы из Кыргызстана в уральском регионе в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. // Материалы научной конференции «Ноябрьские историко-архивные чтения». Пермь: ПермГАСПИ, 2019. С. 118 — 126.
2. Ахмедова Г., Каримов Э. Индустриальный щит Победы: роль Средней Азии и Киргизской ССР в обеспечении фронта в годы Великой Отечественной войны // Вопросы востоковедения. 2025. № 1. С. 155 — 159.
3. Джакишев А. У. Киргизская ССР в годы Великой Отечественной войны (1941 — 1945 гг.) // Вестник КРСУ. 2024. Т. 24. № 2. С. 10 — 14.
4. Джунушалиева Г. Д. Эвакуированные предприятия как основа оборонной промышленности Кыргызстана // Вестник КРСУ. 2008. Т. 8. № 7. С. 44 — 50.

⁴⁴ ЦГА КР. Ф. 22. Оп. 3. Д. 178. Л. 45 — 47.

⁴⁵ Эвакуация в Киргизию: документы и материалы / под ред. А. Л. Наумова. Москва: РОИ, 2020. 320 с.

5. Новости: 27 ноября 2025 // Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств: [сайт]. URL: <https://iacis.ru/novosti> (дата обращения: 16.02.2026).
6. Уроки войны и память поколений: материалы конференции (Москва—Бишкек, 22 — 23 июня 2023 г.). Москва: РГГУ, 2023. 300 с.
7. Эвакуация в Киргизию: 75 лет спустя: материалы Международной научной конференции (Бишкек, 15 — 16 мая 2020 г.). Бишкек: КРСУ, 2020. 240 с.

REFERENCES

1. Alymkulov N. A. Labor soldiers from Kyrgyzstan in the Ural region during the Great Patriotic War of 1941 — 1945 // Proceedings of the scientific conference “November historical and archival readings”. Perm;2019:118 — 126. (In Russ.)
2. Akhmedova G., Karimov E. Industrial Shield of Victory: the role of Central Asia and the Kyrgyz SSR in securing the front during the Great Patriotic War // Questions of Oriental Studies. 2025;1:155 — 159. (In Russ.)
3. Dzhakishev A. U. Kirghiz SSR during the Great Patriotic War (1941 — 1945) // Bulletin of the Kyrgyz Republic. 2024;24 (2):10 — 14. (In Russ.)
4. Dzhunushalieva G. D. Evacuated enterprises as the basis of the Kyrgyz defense industry // Bulletin of the KRSU. 2008;8(7):44 — 50. (In Russ.)
5. News: November 27, 2025 // Interparliamentary Assembly of the Member States of the Commonwealth of Independent States: [website]. URL: <https://iacis.ru/novosti> (reference date: 16.02.2026). (In Russ.)
6. Lessons of war and the memory of generations: proceedings of the conference (Moscow—Bishkek, June 22 — 23, 2023). Moscow;2023:300. (In Russ.)
7. Evacuation to Kyrgyzstan: 75 years later: proceedings of the International Scientific Conference. (Bishkek, May 15 — 16, 2020). Bishkek;2020:240. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.06.2026;
одобрена после рецензирования 31.08.2026; принята к публикации 04.09.2026

Информация об авторе:

Алайчиев Усен Камбарович, докторант
Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии
Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации,
кандидат военных наук,
ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-3124-6096>, usenalaichiev@gmail.com
Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 08.06.2026;
approved after reviewing 31.08.2026; accepted for publication 04.09.2026

Information about the author:

Usen K. Alaichiev, doctoral student,
Scientific Research Institute (Military History) Military Academy
General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation,
Candidate of Military Sciences,
ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-3124-6096>, usenalaichiev@gmail.com
Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 08.06.2026 ڇитнѐ;
рецензиленѐ хыѝѝн 31.08.2026 ырланѐ; 04.09.2026 пичете йыѝннѐ

Автор ڇинчен:

Алайчиев Усен Камбарович, докторант,
Расѝей Федерацийѝн хѝѝ-пѝшаллѐ вѝйѝсен Тѝп штабѝн
ѝар академийѝн Аслѐллѐх тѝпчев (ѝар историйѝн) институтѝ,
ѝар ѝслѐллѐхѝсен кандидатѝ,
ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-3124-6096>, usenalaichiev@gmail.com
Пайталѐх конфликтѝ: автор пайталѐх конфликтѝ ڇуккине пѝлтерет.
Автор ал ڇырѐвѐн юлаѝки вариантне вуласа тухнѐ, ырланѐ.

УДК 316.477-053.6(470.344)

ББК 60.542.15(2Рос.Чув)

Научная статья

СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ ЧУВАШИИ ОБ УЧЕБЕ, ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СВОЕМ БУДУЩЕМ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОБСЛЕДОВАНИЙ)

А. Д. Гаврилов

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
artmaster28@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению отношения студентов Чувашской Республики к учебной и общественной деятельности, их взглядов на будущее. Эмпирической базой послужили данные мониторингового этносоциологического проекта «Студенческая молодежь Чувашии: общественные позиции и профессиональное становление» за 2019 — 2023 гг., реализованного автором изыскания в составе рабочей группы секции социологии Чувашского государственного института гуманитарных наук. Материал исследования был получен методом анкетного опроса. Респондентами выступили студенты трех ведущих вузов республики: Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова, Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева и Чувашского государственного аграрного университета. Большинство из них проживает в Чувашии на постоянной основе, студенты-иностранцы в опросе не участвовали. В статье представлены ответы респондентов в зависимости от их места и профиля обучения, на некоторые вопросы — от гендерной принадлежности. Результаты проведенного анализа свидетельствуют о преобладании в социальном поведении студенческой молодежи конструктивной жизненной позиции, осознанного выбора профессии и выраженной социальной ответственности. 76 % опрошенных имеют хорошую и отличную академическую успеваемость, 84 % — проявляют адаптивность к дистанционному формату обучения, около 75 % — хотели бы овладеть медийными компетенциями, востребованными в условиях информационного общества, почти 60 % — участвуют в волонтерстве. Вуз выступает для респондентов агентом социализации и социальным лифтом для занятия достойного места в стратификационной структуре общества.

Ключевые слова: студенческая молодежь, молодежь Чувашской Республики, жизненные стратегии молодежи, медиаобразование молодежи

Для цитирования: Гаврилов А. Д. Студенческая молодежь Чувашии об учебе, общественной деятельности и своем будущем (по материалам этносоциологических обследований) // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 3. С. 20 — 36

© Гаврилов А. Д., 2026

Scientific article

STUDENT YOUTH OF CHUVASHIA ON THEIR STUDIES, PUBLIC ACTIVITIES, AND THEIR FUTURE (BASED ON ETHNOSOCIOLOGICAL SURVEYS)

A. D. Gavrilo

Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia
artmaster28@rambler.ru

Abstract. The article examines the attitude of student youth in the Chuvash Republic toward academic and public activities, as well as their views on their future. The empirical basis comprises data from the monitoring ethnosociological project “Student Youth of Chuvashia:

Civic Attitudes and Professional Formation” (2019 — 2023), conducted by the author within a working group of the Sociology Section at the Chuvash State Institute of Humanities. The research material was obtained through a questionnaire survey. The respondents were students from three leading universities in the republic: I. N. Ulyanov Chuvash State University, I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University and Chuvash State Agrarian University. Most of them live in Chuvashia permanently, foreign students did not participate in the survey. The article presents the respondents’ answers, categorized by their location and field of study, and, for certain questions, by gender. The results of the analysis indicate the predominance of a constructive life stance, an informed choice of profession and a pronounced sense of social responsibility in the social behavior of students. Approximately 76 % of the respondents have good and excellent academic performance, 84 % adapt well to distance learning, about 75 % would like to acquire media competencies that are in demand in the information society, and almost 60 % are involved in volunteering. The university acts as an agent of socialization and a vehicle for upward social mobility, enabling respondents to occupy a desirable place in the stratification structure of society.

Keywords: student youth, youth of the Chuvash Republic, youth life strategies, media education for youth

For citation: Gavrilov A. D. Student youth of Chuvashia on their studies, public activities, and their future (based on ethnosociological surveys) // Modern humanities. 2026;2(3):20 — 36

Äслăлăх статийи

ЧĂВАШ ЕН СТУДЕНЧЁСЕМ ВЁРЕНЎПЕ ОБЩЕСТВО ЁЅ-ХЁЛЁ ТАТА ХĂЙСЕН ПУЛАСЛĂХЁ ЅИНЧЕН (ЭТНОСОЦИОЛОГИ ТЁПЧЕВЁСЕН МАТЕРИАЛЁ ТĂРĂХ)

А. Д. Гаврилов

Чăваш патшалăх гуманитари äслăлăхёсен институтё,
Шупашкар хули, Раççей
artmaster28@rambler.ru

Аннотаци. Статъяра Чăваш Республикинчи студентсем вёренўпе общество ёЅ-хёлё сине мёнле пăхнине, хăйсен пуласлăхне епле курнине тёпченё. Тишкерў никёсёнче — Чăваш патшалăх гуманитари äслăлăхёсен институтёнчи социологи секторён ёЅ ушкăнё (унта статья авторё те ёЅленё) 2019 — 2023 сўлсенче ирттернё «Чăваш Ен студентёсен обществăри позицийё тата вёсен профессиири аталанăвё» этносоциологи мониторингён материалёсем. Вёсене анкета меслечёпе пухса анализланă. Респондентсен йышёнче республикăри виёё äслă школăн — И. Н. Ульянов ячёллё Чăваш патшалăх университетён, И. Я. Яковлев ячёллё Чăваш патшалăх педагогика университетён тата Чăваш патшалăх ял хушалăх университетён студентёсем. Анкетăри ыйтусене хуравланă студентсенчен ытларахăшё республикăра тёплеңсе пурăнать, ют сёршывран килнисене ыйтăма явăстарман. Статъяра респондентсен хуравёсене аЅта тата мёнле профильпе вёреннипе, хăш-пёр чухне вёсен арлăхёпе сыхăнтарса пăхса тухнă. Тишкерў студентсем социаллă хутшăнусенче ытларах конструктивлă пурнăЅ позицийёпе, пулас профессии анланса суйласа илнине, социаллă яваплăхпа палăрнине кăтартса парать. Ыйтăма явăстарнисенчен 76 % вёренўре лайăх тата питё лайăх ёлкёрсе пырать, 84 % вёренўн дистанци форматне хăнăхма пултарнине палăртать, 75 % патнелле информаци обществин условийёсенче кирлё медиа компетенцийёсене алла илес тет, 60 % хăн волонтерсен юхăмне хутшăнать. Респондентсемшён äслă школ социализаци агенчё тата общество тытăмёнче тивёслё вырăн йышăнна пулăшакан социаллă лифт пулса тăрать.

Тёп сăмахсем: студент сăмрăксем, Чăваш Республикин сăмрăкёсем, сăмрăксен пурнăЅ стратегийё, сăмрăксен медиа вёренёвё

Цитатйлама: Гаврилов А. Д. Чаваш Ен студенчессем вёренупе общество ёс-хёлё тата хайсен пуласлахё синчен (этносоциологи тёпчевёсен материалё тарӑх) // Хальхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 3 №. С. 20 — 36

Введение

Среди факторов, определяющих инновационный потенциал и перспективы преобразования общества, социологи выделяют жизненные стратегии и тактики, ценностные установки и актуальные настроения наиболее проактивной социальной группы — молодежи. Вне зависимости от событийного контекста, динамики политико-экономических и социокультурных трансформаций в мире наибольшую амбициозность в отношении личностного роста, профессиональной самореализации, гражданского участия в жизни социума устойчиво проявляет такая ее часть, как студенчество. Ювенологи, изучая студенческую молодежь как интеллектуально ресурсную социально-возрастную группу, фиксируют наблюдения за ней, выявляют наиболее распространенные среди нее оценки, анализируют взгляды ее представителей, что позволяет не просто определить облик современного молодого поколения, но и общие тенденции, масштаб и характер возможного социального переустройства.

В отечественной науке социологический анализ молодежи имеет собственную академическую традицию, поскольку со второй половины XX в. и особенно с конца XX — начала XXI в. проводится в разных научных и образовательных учреждениях в мониторинговом режиме. На сегодняшний день накоплен большой опыт реализации специальных проектов, в том числе междисциплинарных, в русле молодежных исследований (Youth Studies). Обратимся к отдельным из них, в которых отражены разные характеристики современной российской молодежи.

М. К. Горшков и Ф. Э. Шереги в монографии «Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований» (2020) среди основных ценностей молодых людей называют ум, целеустремленность и уверенность в себе: «Нынешняя российская молодежь в целом не индивидуалистична, не агрессивна, не честолюбива. [...] Венчают ожидания молодежи к этическому облику людей — доброта, отзывчивость и чувство юмора. То есть в качестве идеала молодежь “нарисовала” образ человека умного и целеустремленного, уверенного в себе, которому свойственны доброта и отзывчивость и который отличается чувством юмора. Это образ человека, готового реализовать свои жизненные цели в условиях рыночной конкуренции, не теряя при этом облик человека гуманистических ценностей» [12, с. 74].

А. В. Селезнева в монографии «Российская молодежь: политико-психологический портрет на фоне эпохи» (2022), поднимая вопрос социальной активности и политической социализации молодого поколения, отмечает его вовлеченность в разные практики взаимодействия с государством и обществом: «Этот процесс во многом инициирован сверху: при содействии власти проводятся различные социальные и образовательные проекты для молодежи, научные фонды реализуют специальные программы поддержки молодых ученых, в рамках Национального проекта “Образование” реализуется Федеральный проект “Социальная активность”, который направлен на создание условий для поддержки общественных инициатив и проектов. Молодежь вовлекается в волонтерскую деятельность, которая реализуется по множеству направлений — от традиционной помощи животным, детям и пожилым людям до Волонтеров Победы. Гражданские инициативы молодежи получают поддержку Фонда президентских грантов, Феде-

рального агентства по делам молодежи и пр. По разным каналам происходит активный процесс рекрутирования молодежи в политику и сферу государственного управления — начиная от специальных конкурсов (например, “Лидеры России”) и заканчивая деятельностью молодежных общественных организаций и представительных институтов при органах власти (например, молодежных парламентов и молодежных избирательных комиссий)» [27, с. 7].

В конце 2023 г. российские исследователи молодежи подготовили специальный выпуск экспертно-аналитического журнала «СоциоДиггер», издаваемого во Всероссийском центре изучения общественного мнения. В нем специалисты из разных сфер попытались «составить коллективный портрет российской молодежи, исследуя, как она воспринимает новую реальность и встраивается в нее»¹, отметив, что «современное поколение молодых людей мозаично и состоит из групп, разделяющих разные ценности, придерживающихся разных стилей жизни и по-разному представляющих свое будущее»². Так, приглашенные редакторы Е. Л. Михайлова и Ю. А. Зубок в своей статье на основе данных социологических исследований обозначили ключевые черты, раскрывающие жизненные стратегии современной молодежи, отнеся к ним:

— индивидуализм и нивелирование значимости групповых норм («сужение семьи до нуклеарной», «ценностью становятся эксклюзивность индивидуально-го опыта, пережитые впечатления, уникальный набор (возможно, никогда и нигде не применяющихся) навыков»);

— рационализацию («рациональность проявляется в досуговых практиках», «здоровье воспринимается не как декларируемая ценность, а как важный ресурс», «регулярное посещение собственного психолога становится модным и популярным как эффективный и быстрый способ поиска решений», «не получившие доказательств оккультные практики в эпоху вала фейковой, противоречивой информации и зарождающихся принципов фильтрации получаемых сведений воспринимаются как не заслуживающие внимания»);

— трансформацию идентичностей («получение всеобщего доступа к всемирной информационной сети не только открыло новые возможности для коммуникационного обмена, но и оказало значительное влияние на механизмы самоидентификации», «мы наблюдаем, с одной стороны, индивидуализацию и атомизацию, а с другой — укрупнение сообществ, принадлежность к которым является осознаваемой и значимой»);

— дуальность социальных ролей и статусов («новые финансовые инструменты понятнее молодежи, чем поколению родителей», «если система внутрисемейной субординации ранее носила вертикальный характер, предусматривающий опыт передачи знаний от поколения к поколению, сегодня отношения уже с подросткового возраста зачастую переходят в формат равноправных», «молодежное предпринимательство приобретает новые черты, выходя за рамки открытия стартапов или торговых точек»)³.

¹ Коллективный портрет российской молодежи — 2023 // СоциоДиггер: [сайт]. URL: <https://sociodigger.ru/releases/release/kollektivnyi-portret-rossiiskoi-molodezhi-2023> (дата обращения: 25.12.2025).

² Там же.

³ Михайлова Е. Л., Зубок Ю. А. Российская молодежь: сложный объект исследования и ключевой субъект конструирования будущего // СоциоДиггер: [сайт]. URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/rossiiskaja-molodezh-slozhnyi-obekt-issledovaniya-i-kljuchevoi-subekt-konstruirovaniya-budushchego#contacts> (дата обращения: 25.12.2025).

Авторы указанных выше работ и другие ученые, активно участвующие в последние годы в измерении установок и ориентаций российской молодежи [8; 13 — 15; 17 — 18; 20 — 23; 25 — 26; 29 — 30], сходятся во мнении, что данная социальная группа неоднородна, дуальна в ценностном плане: одна ее часть в большей степени придерживается консервативных взглядов, разделяет коллективистские ценности, особое значение придает духовному и интеллектуальному развитию, стремится организовать свою жизнь по линейной модели, другая — тяготеет к независимости, не приемлет авторитетов, признанных среди старших поколений, живет по принципу «индивидуальные интересы важнее коллективных», мыслит прагматично, действует ситуативно и проявляет гибкость ради собственной выгоды. Специфика убеждений юношей и девушек нередко определяется гражданской, территориальной, этнокультурной, религиозной и другими видами их социальной самоидентификации.

Устремления молодых людей, их поведенческие проявления зависят от социального положения, возрастных особенностей и потребностей. Персональные стратегии представителей студенческой молодежи во многом связаны с построением образовательных, профессиональных и личностных траекторий развития. Именно студенты несут в себе образ будущего, выступая движимой силой развития государства. Ввиду этого их взгляды и оценки становятся предметом специальных исследований.

В Чувашской Республике этносоциологические обследования молодежи, в том числе учащейся и студенческой, проводятся на регулярной основе главным образом в Чувашском государственном институте гуманитарных наук при участии преподавателей и исследователей высших учебных заведений региона. Результаты этой работы нашли отражение в индивидуальных и коллективных трудах И. И. Бойко [1 — 3; 19], в том числе совместные с В. Г. Харитоновой и А. П. Долговой [4; 6 — 7], И. В. Муравьевой и А. Б. Мясниковой [5; 28], а также Н. М. Ивановой [16] и др. В разные годы в них поднимались вопросы межэтнических отношений, гражданских ценностей и социокультурных ориентиров студенческой молодежи, отношения ее представителей к разным проблемам в обществе. Наш исследовательский поиск продолжает цикл этих изысканий: он посвящен выявлению и анализу взглядов студентов Чувашии на свою учебную и общественную деятельность, их планов на будущее.

Материалы и методы

Эмпирической базой данного исследования выступили результаты анкетных опросов студенческой молодежи, проведенных автором статьи в составе рабочей группы секции социологии Чувашского государственного института гуманитарных наук [И. И. Бойко, В. Г. Харитонova (2019 — 2023), А. Д. Гаврилов (2021 — 2023)] в рамках реализации социологического проекта «Студенческая молодежь Чувашии: общественные позиции и профессиональное становление» в 2019 (N = 688), 2020 (N = 324), 2021 (N = 453), 2022 (N = 501) и 2023 гг. (N = 517). Респондентами выступили студенты трех ведущих высших учебных заведений Чувашии: Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова (ЧГУ), Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева (ЧГПУ) и Чувашского государственного аграрного университета (ЧГАУ). С определенной долей условности всех опрошенных можно распределить по трем направлениям обучения: общественное, естественно-научное и техническое. В обследовании приняли участие студенты всех курсов. Абсолютное большинство респондентов

являются жителями Чувашии. Иностранцы обучающиеся к обследованию не привлекались.

Результаты исследования и их обсуждение

По данным Чувашстата, численность молодежи (в возрасте 14 — 35 лет, мужчины и женщины) в Чувашской Республике составляла: в 2018 г. — 334 796 чел., в 2019 г. — 327 405, в 2020 г. — 319 348, в 2021 г. — 297 598, в 2022 г. — 287 471 чел.⁴ Количество студентов в профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего образования на начало 2018/19 учебного года достигало 61 825 чел., 2019/20 — 62 624, 2020/21 — 64 595, 2021/22 — 65 359, 2022/23 — 66 465 чел.⁵

Для определения мнений представителей студенческой молодежи Чувашии об учебе и общественной деятельности, а также их взглядов на будущее в анкете предполагалось несколько вопросов, ответы на которые позволили нам сделать некоторые обобщения и установить закономерности. При анализе позиций студентов мы будем обращаться главным образом к наиболее свежим данным опроса — за 2023 г.

По самооценке студентов, самые успевающие из них — 16 % всех респондентов. Более половины участников опроса (60 %) в основном имеют отличные и хорошие отметки, четверть — хорошие и удовлетворительные (17 %) и удовлетворительные оценки (6 %) (табл. 1). В строку «иное» были вписаны варианты ответа об имеющихся академических задолженностях, в ней были высказаны мнения о том, что оценки на современном этапе не являются показателем знаний студентов, о том, что они не интересуют опрошенных и т. п.

Сравнение данных обследования за 5 лет показывает, что доля лиц с преобладанием отличных и хороших оценок выше 70 %. В 2023 г. 76 % респондентов заявили о том, что в основном у них отличные и хорошие отметки, но по сравнению с предыдущими годами выросла доля, имеющих удовлетворительные оценки.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос
«Как бы Вы оценили свои успехи в учебе?», %

Варианты ответов	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
В основном у меня отличные оценки	21	19	16	15	16
В основном у меня отличные и хорошие оценки	53	63	57	63	60
В основном у меня хорошие и удовлетворительные оценки	22	16	22	18	17
В основном у меня удовлетворительные оценки	4	1	3	3	6
Иное	1	1	1	1	1

В 2021 — 2022 гг. студенты достаточно продолжительное время находились на дистанционном обучении из-за пандемии COVID-19. В связи с этим им было предложено оценить дистант как формат образовательного процесса (табл. 2).

⁴ Молодежь в Чувашской Республике: статистический сборник / отв. за вып. В. В. Владимиро-ва. Чебоксары, 2023. С. 8 — 12.

⁵ Там же. С. 42.

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос
«Как Вы относитесь к обучению в дистанционном режиме?», %**

Варианты ответов	2021 г.	2022 г.
В целом положительно	50	43
В целом нейтрально	37	41
В целом отрицательно	12	15
Другое	1	1

В 2022 г. обучение в дистанционном режиме положительно воспринимала почти половина участников обследования. При этом доли первых и тех, кто выразил нейтральное отношение, оказались примерно одинаковыми. Каждый десятый опрошенный относился к учебе в дистанте отрицательно. Большинство студентов считали онлайн-обучение эффективным, на его неэффективность указали 4 % респондентов (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос
«Как Вы считаете, дистанционное обучение организовано в вашем вузе эффективно?»
в зависимости от места обучения респондентов, %**

Варианты ответов	2021 г.			2022 г.		
	ЧГУ	ЧГПУ	ЧГАУ	ЧГУ	ЧГПУ	ЧГАУ
В основном эффективно	52	51	58	46	50	59
В чем-то эффективно, в чем-то нет	43	46	37	49	46	48
В основном неэффективно	4	3	5	5	4	3
Другое	1	—	—	1	—	—

По сравнению с данными опроса 2021 г., в оценках как эффективности дистанционного обучения, так и его неэффективности значимой разницы не наблюдается. Вместе с тем респондентами высказывались мнения о сложности учебы в дистанте. В 2022 г. более 40 % опрошенных признавали наличие факторов, влияющих на качество обучения и содержание занятий при онлайн-обучении. Важно подчеркнуть, что ответы студентов в зависимости от их места обучения почти не различаются.

В ходе обследования был рассмотрен сюжет об отношении студентов к выбранной ими профессии при поступлении в вуз (табл. 4).

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос
«Какое Вы имели представление о будущей профессии на момент поступления
в учебное заведение?» в зависимости от места обучения респондентов (2023, %)**

Варианты ответов	Всего	ЧГУ	ЧГПУ	ЧГАУ
Достаточно полное	31	28	39	28
Самое общее	58	58	56	64
Никакого	11	14	6	9

В специфике будущей профессии при поступлении в учебное заведение разбирались большинство респондентов (89 %). Каждый десятый отметил, что ничего не знал о выбранной специальности. На общем фоне выделяются ответы студентов Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. Среди них около 40 % опрошенных имели достаточно полное представление о профессиональном поприще, на которое выразили намерение вступить.

Достаточно информативны позиции студентов об изменении их отношения к получаемой профессии в процессе обучения в университете (табл. 5). Доли тех, кто при определении профессионального пути не имел никакого представления о специальности, и тех, кто разочаровался в своем выборе, примерно одинаковы (11 и 13 %). Однако в целом респонденты считают, что сделали правильный выбор (41,9 %) или что их мнение не поменялось (45,2 %).

Таблица 5

**Распределение ответов на вопрос
«В какую сторону изменилось Ваше отношение к получаемой Вами профессии?»
в зависимости от места обучения респондентов (2023, %)**

Варианты ответов	Всего	ЧГУ	ЧГПУ	ЧГАУ
В лучшую, считаю, что сделал правильный выбор	41,9	40,3	44,4	43,1
В худшую, разочаровался в выбранной профессии	13,0	14,9	7,1	14,7
Осталось таким же	45,2	44,8	48,4	42,2

Сравнение ситуации в вузах, в которых проходил опрос, показывает, что ЧГПУ сохраняет позицию учреждения, где выше доля респондентов, сделавших осознанный выбор, и где почти в два раза меньше тех, кто разочаровался в выбранной профессии. На наш взгляд, это связано с тем, что с 2021 г. педагогический университет приступил к активной реализации проекта «Психолого-педагогические классы (группы)». В 44 образовательных организациях Чувашской Республики действуют классы (группы — в рамках основных профилей подготовки), в которых ведется целенаправленная профориентационная работа с обучающимися по оказанию им психолого-педагогической поддержки в выборе профессии учителя. Часть студентов ЧГПУ является выпускниками этих классов.

Отдельный блок вопросов анкеты посвящен включенности студентов в общественную жизнь и их успехам в этой сфере деятельности. Результаты опроса показали, что большая часть респондентов занимается волонтерством (табл. 6).

Таблица 6

**Распределение ответов на вопрос
«В каких видах волонтерской деятельности Вы участвовали/участвуете?»
(%, можно было выбрать не более трех вариантов)**

Варианты ответов	2023 г.
В социальном волонтерстве	23,4
В экологическом волонтерстве	22,1
В культурном волонтерстве	17,6
В событийном волонтерстве	16,6
В спортивном волонтерстве	16,4
В патриотическом волонтерстве	10,1
В корпоративном волонтерстве	0,4
В волонтерстве в сфере охраны здоровья	1,4
В волонтерстве в сфере общественной безопасности	1,5
В медиволонтерстве	2,9
В зооволонтерстве	7,0
В инклюзивном волонтерстве	1,0
В других видах	1,4
Не участвую/не участвовал	40,8

В волонтерскую деятельность вовлечены 59,2 % опрошенных, не занимаются ей 40,8 % респондентов. В 2023 г. наиболее активно студенты были задействованы в социальном, экологическом, культурном, событийном, спортивном и патриотическом движении, а также в зооволонтерстве. Часть их акций была связана с работой, также носящей социальный характер: медиаволонтерством, сферой охраны здоровья, помощью детям и людям с ограниченными возможностями. Как считают Е. Л. Михайлова и Ю. А. Зубок, «первичный опыт участия в таких проектах во многом основывается на рациональном выборе — перспективах получения и накопления бонусов, дающих определенные конкурентные преимущества. Однако приобретенный опыт, сформированное чувство эмпатии становятся основой для воспроизводства практики на этапе приобретения устойчивого социального статуса в зрелом возрасте»⁶.

В рамках обследования были продуманы вопросы, направленные на уточнение мотивации студентов при занятии волонтерством и на определение факторов, препятствующих, по их мнению, участию в этом движении (табл. 7 и 8).

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос
«Что лично для Вас значит общественная волонтерская работа?»
(%, можно было выбрать несколько ответов)

Варианты ответов	2022 г.	2023 г.
Желание участвовать в общественной жизни	42	54
Общение с интересными людьми	16	21
Возможность принести людям пользу	64	72
Карьерный и общественный рост	4	6
Приобретение нового опыта	29	47
Реализация собственных идей	8	6
Другое (напишите)	1	1
Затрудняюсь ответить	10	8

В 2023 г. наиболее частыми мотивами приобщения к волонтерской деятельности для опрошенной студенческой молодежи являлись: возможность принести людям пользу (72 %), желание участвовать в общественной жизни (54 %), приобретение нового опыта (47 %), общение с интересными людьми (21 %). Личную мотивацию имела меньшая часть студентов: 6 % респондентов указали на возможность реализации собственных идей и столько же — на возможность карьерного и общественного роста. Почти каждый десятый затруднился с ответом.

Распространенной причиной, по которой часть респондентов не может принять участие в волонтерской деятельности, оказалась, как и в 2022 г., «нехватка времени». Треть опрошенных указала на отсутствие стимулирования и вознаграждения за такую работу. Менее четверти студентов (21 %) одним из препятствий в погружение в волонтерство назвали «равнодушие к проблемам общества». О недостаточном опыте для участия в волонтерской деятельности заявили 14 %. Одновременно 18 % респондентов считают, что не хватает информации об организациях, которые этим занимаются. Показатели 2022 и 2023 гг. схожи, основные причины — отсутствие времени и вознаграждения.

⁶ Михайлова Е. Л., Зубок Ю. А. Российская молодежь: сложный объект исследования и ключевой субъект конструирования будущего.

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос
«Что, по Вашему мнению, препятствует участию в волонтерской деятельности?»
(%, можно было выбрать несколько ответов)

Варианты ответов	2022 г.	2023 г.
Нехватка времени	62	68
Равнодушие к проблемам общества	20	21
Нет информации об организациях, которые этим занимаются	14	18
Нехватка опыта	11	14
Нет стимула и вознаграждения	27	29
Другое(напишите)	2	2
Затрудняюсь ответить	9	10

Современные социологи все чаще пишут об усилении роли медиа в развитии общества и констатируют наступление «глубокой медиатизации», то есть распространение влияния медиатехнологий на все сферы бытия человека — социальную, политическую, экономическую и духовную. В вузах это выражается в создании студенческих медиацентров, в привлечении обучающихся к работе по освещению университетской жизни в каналах массовой коммуникации (ведение сайтов, собственного телевидения и радио, аккаунтов в социальных медиа, газеты и др.). Эта деятельность сегодня привлекает студентов, в ней они видят возможности личностной самореализации: как на уровне обретения публичного капитала внутри учреждения (иногда и региона), так и конкретных навыков, позволяющих им стать медийно-информационно грамотными и обрести одну из «запасных» профессий. Результаты опроса позволяют нам судить об определенном интересе студентов к медиаструктурам в вузах (табл. 9).

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос:
«Участвуете ли Вы в работе медиаструктур в своем вузе?»
в зависимости от места обучения респондентов (2023, %)

Варианты ответов	Всего	ЧГУ	ЧГПУ	ЧГАУ
Да, участвую, эта работа мне интересна	4,7	5,6	3,2	3,9
Да, участвую, но интереса данная работа не вызывает	1	1,4	0,8	—
Не участвую, но мне эта работа была бы интересна	33,5	27,1	47,6	34,3
Не участвую, меня не интересует эта работа	60,9	66	48,4	61,8

В работе медиаструктур в своем университете участвуют 4,7 % студентов, еще 33,5 % заявляют о том, что не задействованы в ней, но она была бы им интересна. Медиапроизводство в вузе привлекательно более половине респондентов из ЧГПУ и более трети принявших участие в опросе из ЧГУ и ЧГАУ. В зависимости от их пола и направления обучения ответы немного разнятся (табл. 10).

Интерес к участию в вузовской медиадеятельности проявляют четверть опрошенных юношей и приблизительно половина девушек. Примерно в том же соотношении распределяются позиции обучающихся по естественно-научному, техническому и общественному направлениям. Таковых 31,8 % и 48 % респондентов соответственно.

Таблица 10

Распределение ответов на вопрос:
«Участвуете ли Вы в работе медиаструктур в своем вузе?»
в зависимости от пола и направления обучения респондентов (2023, %)

Варианты ответов	Муж.	Жен.	Естественно-научное, техническое	Общественное
Да, участвую, эта работа мне интересна	3,5	5,4	2,5	8
Да, участвую, но интереса данная работа не вызывает	1	1	0,3	2
Не участвую, но мне эта работа была бы интересна	21,8	41	29,3	40
Не участвую, меня не интересует эта работа	73,8	52,6	67,8	50

Почти 40 % опрошенных интересна работа в университетских медиаструктурах. Активность в них требует конкретных умений — медианавыков. Итоги анкетирования зафиксировали желание студенческой молодежи развивать их и обладать разными медийными компетенциями (табл. 11).

Таблица 11

Распределение ответов на вопрос:
«Каким(и) из перечисленных медианавыков Вы бы хотели овладеть?»
в зависимости от места обучения респондентов
(можно было выбрать до трех вариантов ответа, 2023, %)

Варианты ответов	Всего	ЧГУ	ЧГПУ	ЧГАУ
Создание текстового контента	16,1	17,1	15,1	14,7
Создание видеоконтента	32,1	29,4	36,5	34,3
Создание фотоконтента	38,3	32,5	50	40,2
Оформление, дизайн контента	34,4	33,9	36,5	33,3
Реклама	18,3	22	13,5	13,7
Работа со СМИ, связи с общественностью (PR)	12,8	16,8	7,9	7,8
Ведение социальных сетей, SMM	26,5	26,2	30,2	22,5
Не планирую развивать медианавыки	26,3	28	23,8	24,5
Другое	0,2	—	0,8	—

Из числа респондентов лишь четверть (26,3 %) не хотела бы овладеть медианавыками. Мнения остальных студентов разделились между разными вариантами. Для трети участников опроса наиболее привлекательна работа с визуальным контентом: фото (38,3 %), видео (32,1 %) и дизайном (34,4 %). Каждый четвертый хотел бы уметь продвигать аккаунты в социальных сетях, каждый десятый — научиться писать тексты и запускать PR-кампании. Как справедливо замечают медиасоциологи И. Ю. Рассохина и Н. Е. Лунегов, «в обществе формируется запрос на медиакомпетентную личность, способную получать, отбирать, критически оценивать и адекватно интерпретировать информацию, а также самому генерировать контент и встраивать его в необходимую систему» [24, с. 153]. Так, медиаграмотность осознается студентами как необходимая в повседневной жизни: с одной стороны, для творческого самовыражения, или личной самоактуализации, а с другой — как для формирования и продвижения личного бренда молодого специалиста в конкретной сфере, так и для обретения «запасной» профессии,

связанной с медиакоммуникационной деятельностью. Кроме того, медиацентры вузов становятся для молодежи агентами социализации, способствуя вовлечению в события университетского, регионального и даже федерального масштаба, расширению социальных контактов, развитию личностных качеств и получению ценных для потенциальных работодателей «мягких» навыков.

Медиатворчество студентов Чувашии отличается профессионализмом и привлекает внимание широкой общественности: к примеру, известность ЧГУ им. И. Н. Ульянова принесло выпускаемое его обучающимися ток-шоу «Среди крыш»⁷, ЧГПУ им. И. Я. Яковлева — видеопроjekt «Учитель нашего времени»⁸, ЧГАУ — многополосный глянец «Студвестник Чувашского ГАУ»⁹. Некоторые юноши и девушки реализуют индивидуальные проекты — наиболее ярко представлены молодежные этно- [11] и агроблоги [9]. За годы обучения студенты получают богатый медийный опыт, который потом реализуют либо в своих профессиях (так, выпускники ЧГПУ, трудоустроиваясь учителями, начинают отвечать за работу школьных медиацентров), либо присоединяются к журналистским командам, усиливая экспертизу регионального медиасообщества [10].

Планы студентов на будущее, на то, как построить свою жизнь после завершения обучения, вариативны. Говоря о возможном переезде, почти треть респондентов заявила, что хотела бы продолжить жить в Чувашии, из них 27 % выбрали Чебоксары и 4 % — другой населенный пункт в Чувашии (табл. 12). По сравнению с 2020 г., доля, выразивших намерение остаться в Чувашии, выросла на 11 процентных пунктов. Более трети связывают свой жизненный путь с городами России (39 %), наиболее привлекательными им кажутся Москва и Санкт-Петербург (23 %), другие города страны выбрали 16 % респондентов.

Таблица 12

**Распределение ответов на вопрос
«Скажите, где территориально Вы хотели бы жить
после окончания учебного заведения?», %**

Варианты ответов	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
В Чебоксарах	18	20	23	27
В другом городе, селе Чувашии	2	3	4	4
В Москве, с 2023 – и Санкт-Петербурге	15	12	16	23
В Санкт-Петербурге	10	12	11	–
В другом городе (населенном пункте) России	13	15	13	16
В другой стране	14	15	9	4
Другое (укажите)	3	2	–	1
Затрудняюсь ответить	25	21	23	25

⁷ Ток-шоу «Среди Крыш» // Дворец культуры ЧГУ: [аккаунт в социальной сети]. URL: https://vkvideo.ru/playlist/-33787250_42748348?ysclid=mugptu4otj321732541 (дата обращения: 25.12.2025).

⁸ Медиапроект «Учитель нашего времени» | тизер — Видео от Studline | Медиацентр ЧГПУ // Studline | Медиацентр ЧГПУ: [аккаунт в социальной сети]. URL: https://vkvideo.ru/video-156602000_456240260?t=1s (дата обращения: 25.12.2025).

⁹ Студвестник Чувашского ГАУ. 2025. Сентябрь // Студвестник Чувашского ГАУ: [аккаунт в социальной сети]. URL: https://vk.ru/studvestnik_ch?w=wall-9326956_17145&ysclid=mugpw9bz7r836876019 (дата обращения: 25.12.2025).

4 % участников опроса 2023 г. отметили вариант «в другой стране». Основанием для отъезда в иной регион или страну выступили мотивы профессионального становления, связанные, прежде всего, с возможностями трудоустройства (40 %) и уровнем заработной платы за работу (49 %) (табл. 13). Незначительно выросла доля тех, кто выбрал ответ «возможность увидеть другие города, страны» — 38 %. Около 5 % остановились на варианте «другое». Для этих респондентов причинами выбора другого региона стали: возможность получения дополнительного и качественного образования; более высокий, по их мнению, уровень жизни в выбранных ими городах и поселениях; семейные и личные обстоятельства; желание быть самостоятельным и просто повидать мир; более благоприятные условия для личного развития, построения карьеры, реализации потенциала и лучшие социальные условия. В том числе среди тех, кто намеревался уехать из Чувашии, более 16 % не смогли определиться с намерениями и причинами отъезда.

Таблица 13

**Распределение ответов на вопрос
«Если Вы намерены уехать после получения диплома
в другой регион или за рубеж, то с чем это связано?»
(можно было выбрать не более двух вариантов ответа, %)**

Варианты ответов	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Больше возможностей для трудоустройства	45	43	40
Выше уровень зарплаты	59	54	49
Возможность увидеть другие города, страны	32	34	38
Другое	8	7	5
Затрудняюсь ответить	9	14	16

В целом взгляды молодых людей на отъезд в другие регионы или страны, по сравнению с 2021 г., изменились несущественно. В ходе мониторинга ситуации выявлены основания миграционных установок молодежи. Они касаются высокого заработка и гарантий выбора предприятия или учреждения с хорошими условиями труда и профессионального роста, наличием социальных гарантий. Эти позиции достаточно устойчивы, остальные носят второстепенный характер. По этническим и другим социально-демографическим признакам мнения студентов практически не разнятся.

Заключение

Данные этносоциологического обследования за 2019 — 2023 гг. позволяют дать общую характеристику портрету современной студенческой молодежи Чувашии. Большинству опрошенных ее представителей присущи активная деятельностная позиция, осознанность в выборе профессии, ответственное отношение к учебе, включенность в общественную жизнь университета, республики и страны в целом. Университет выступает ключевым агентом их социализации, предоставляя возможности для личностного и профессионального роста. Студенчество стремится найти и занять свое место в социальной структуре, добиться успеха и прийти к благополучию. Так, средством для достижения этих целей 76 % респондентов видят в получении отличных и хороших оценок, 84 % — в готовности учиться дистанционно, почти 60 % — в участии в волонтерском движении (главным образом желая принести пользу людям), около 75 % — в овладении медианавыками как одними из значимых в информационном обществе. Вместе с тем, строя планы на будущее, только треть респондентов выразила желание остаться в регионе после

окончания обучения. Миграционные настроения студентов обусловлены их амбициями и связаны, по их мнению, с большими возможностями трудоустройства и более высоким уровнем заработной платы за пределами региона.

Новым этапом в социологическом анализе молодого поколения республики должен стать не только синхронный срез в рамках дальнейших мониторинговых опросов, а также подключение методологии качественных исследований. Расширенные интервью и фокус-группы раскроют механизмы ценностных установок и социального поведения молодежи, отразят закономерности, которые не всегда возможно определить с помощью количественных показателей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бойко И. И. Студенты Чувашии о межэтнических отношениях в республике и ситуации с мигрантами // Этнопанорама. Этноконфессиональные отношения в региональном измерении: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Оренбург, 8 ноября 2024 г.). Оренбург: Классика, 2024. С. 15 — 20.
2. Бойко И. И. Студенты Чувашии о своих авторитетах и героях // Университетское гуманитарное образование в России: к 70-летию со дня рождения профессора А. В. Арсентьевой: материалы Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 16 — 17 декабря 2024 г.). Чебоксары: Среда, 2024. С. 24 — 30.
3. Бойко И. И. Студенты Чувашии об истории России // Чувашский гуманитарный вестник. 2022. № 17. С. 61 — 78.
4. Бойко И. И., Долгова А. П., Харитонов В. Г. Учащиеся Чебоксар о выборе профессии, общественной работе и свободном времени // Человек труда в истории: актуальные вопросы исторической науки, архивоведения и документоведения: сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (Чебоксары, 3 марта 2016 г.). Чебоксары: Интерактив плюс, 2016. С. 157 — 163.
5. Бойко И. И., Муравьева И. В., Мясникова А. Б. Студенческая молодежь Чувашии о межэтнических отношениях в Республике // Вестник Чувашского университета. 2024. № 3. С. 5 — 11. DOI 10.47026/1810-1909-2024-3-5-11.
6. Бойко И. И., Харитонов В. Г. Студенты Чувашии об учебе и волонтерской деятельности // Университет как фактор модернизации России: история и перспективы (к 55-летию ЧГУ им. И. Н. Ульянова): материалы Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 18 октября 2022 г.). Чебоксары: Среда, 2022. С. 342 — 346.
7. Бойко И. И., Харитонов В. Г. Студенческая и учащаяся молодежь Чувашии: гражданские ценности, социокультурные ориентиры. Чебоксары: ЧГИГН, 2014. 124 с.
8. Великая Н. М., Шушпанова И. С. Жизненные стратегии российской студенческой молодежи в контексте ориентаций на создание семьи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15. № 1. С. 30 — 42.
9. Гаврилов А. Д. Медиадеятельность сельских жителей Чувашии: аграрный блогинг // Ашмаринские чтения: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 21 ноября 2024 г.). Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова, 2024. С. 41 — 48.
10. Гаврилов А. Д. Система средств массовой информации Чувашской Республики в условиях цифровизации общества // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа. Вып. 6. Чебоксары: ЧГИГН, 2022. С. 127 — 156.
11. Гаврилов А. Д. Чувашские этноблогеры как субъекты медиасреды: языковые практики саморепрезентации // Язык и слово: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 23 ноября 2023 г.). Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова, 2023. С. 153 — 157.
12. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии: к итогам многолетних исследований. Москва: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020.
13. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Российская молодежь в контексте социологического анализа. Москва: ФНИСЦ РАН, 2019. 263 с. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-317-1.
14. Занятость молодежи в мотивационном и структурном измерении / И. В. Батыков, А. В. Батыкова, А. В. Быков [и др.] // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН. 2017. № 2. 129 с. DOI 10.19181/inab.2017.2.

15. Зубок Ю. А. Изменяющаяся социальная реальность: рефлексия теоретических и эмпирических аспектов социологического исследования молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 3. С. 10 — 30. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-2.
16. Иванова Н. М. Молодежь Чувашской Республики на рубеже XX — XXI веков: социокультурный облик и тенденции развития. Чебоксары: ЧГИГН, 2008. 98 с.
17. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Новый характер образовательных и профессиональных траекторий молодежи // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 20 / отв. ред. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. Москва: Новый Хронограф, 2022. С. 379 — 399.
18. Молодежь в современном российском обществе: монография / Вологодский научный центр Российской академии наук; А. А. Шабунова, М. А. Груздева, А. Э. Жданова и др.; под ред. А. А. Шабуновой. Вологда: ВолНЦ РАН, 2025. 229 с.
19. Молодежь и молодежная политика в полиэтничных регионах России: коллективная монография / под ред. А. Е. Загребина, В. С. Воронцова. Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2025. 420 с.
20. Молодежь и Россия будущего / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, А. Л. Андреев [и др.]. Москва: Весь Мир, 2023. 394 с.
21. Молодежь: конструирование трудовой биографии / М. К. Горшков, И. В. Батыков, А. В. Быков [и др.] // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН. 2018. № 1. 147 с. DOI 10.19181/inab.2018.1.
22. Омельченко Е. Л. Воображаемые горизонты будущего. Жизненные ориентиры и миграционные планы молодежи Северо-Западного региона России // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 121 — 135. DOI 10.31857/S013216250029342-9.
23. Омельченко Е. Л. Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст // Социологические исследования. 2013. № 10 (354). С. 52 — 61.
24. Рассохина И. Ю., Лунегов Н. Е. Медиапредпочтения учащейся и работающей молодежи Кузбасса // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2022. № 1(45). С. 152 — 161. DOI 10.54509/22203036_2022_1_152.
25. Россия: восприятие будущего. Опыт социально-антропологического исследования: коллективная монография / А. Л. Андреев, О. Ю. Артемова, Ю. А. Артемова и др.; под ред. В. А. Тишкова; сост. О. В. Кульбачевская. Москва: ИЭА РАН, 2024. 374 с.
26. Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование: монография / Ю. А. Зубок, О. А. Александрова, М. Б. Буланова [и др.]; под общ. ред. Ю. А. Зубок; ФНИСЦ РАН. Белгород: Эпицентр, 2022. 360 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022.
27. Селезнева А. В. Российская молодежь: политико-психологический портрет на фоне эпохи. Москва: Аквилон, 2022. 288 с.
28. Студенты высших и средних профессиональных учебных заведений Чувашии о самоидентификации и этнокультурном развитии / И. И. Бойко, О. В. Карпова, И. В. Муравьева [и др.] // Вестник Чувашского университета. 2022. № 4. С. 12 — 21. DOI 10.47026/1810-1909-2022-4-12-21.
29. Студенты России: гражданская культура и политическое поведение: монография / Н. М. Великая, А. Р. Атласкиров, Д. Ц. Будаева [и др.]; под ред. Н. М. Великой; ФНИСЦ РАН. Москва: Мир науки, 2025. 640 с.
30. Студенческая семья в России: барьеры и возможности благополучия: монография / Т. К. Ростовская [и др.]; отв. ред. Т. К. Ростовская; ИДИ ФНИСЦ РАН. Иваново: Иванов. гос. ун-т, 2024. 472 с.

REFERENCES

1. Boyko I. I. Students of Chuvashia on interethnic relations in the republic and the situation with migrants // Ethnopanorama. Ethnoconfessional relations in the regional dimension: proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. Orenburg;2024:15 — 20. (In Russ.)
2. Boyko I. I. Students of Chuvashia about their authorities and heroes // University humanitarian education in Russia: on the 70th anniversary of the birth of Professor A. V. Arsentieva: proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Cheboksary;2024:24 —30. (In Russ.)
3. Boyko I. I. Students of Chuvashia on the history of Russia // Chuvash Humanitarian Bulletin. 2022;17:61 — 78. (In Russ.)
4. Boyko I. I., Dolgova A. P., Kharitonova V. G. Cheboksary students about choosing a profession, social work and free time // A man of labor in history: topical issues of historical science, archival science

and documentation: collection of articles of the III All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation). Cheboksary;2016:157 — 163. (In Russ.)

5. Boyko I. I., Muravyeva I. V., Myasnikova A. B. Student youth of Chuvashia on interethnic relations in the Republic // Bulletin of the Chuvash University. 2024;3:5 — 11. DOI 10.47026/1810-1909-2024-3-5-11. (In Russ.)

6. Boyko I. I., Kharitonova V. G. Students of Chuvashia about studying and volunteering // University as a Factor of Modernization of Russia: History and Prospects (on the 55th anniversary of the I. N. Ulyanov Moscow State University): Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Cheboksary;2022:342 — 346. (In Russ.)

7. Boyko I. I., Kharitonova V. G. Student and student youth of Chuvashia: civic values, socio-cultural guidelines. Cheboksary;2014:124. (In Russ.)

8. Velikaya N. M., Shushpanova I. S. Life strategies of Russian student youth in the context of family creation orientations // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic sciences. 2022;15(1):30 — 42. (In Russ.)

9. Gavrilov A. D. Media activity of rural residents of Chuvashia: agrarian blogging // Ashmarinsky readings: collection of articles of the All-Russian scientific and practical conference. Cheboksary;2024:41 — 48. (In Russ.)

10. Gavrilov A. D. The system of mass media of the Chuvash Republic in the context of digitalization of society // Topical issues of the history and culture of the Chuvash people. Cheboksary;2022:127 — 156. (In Russ.)

11. Gavrilov A. D. Chuvash ethnobloggers as subjects of the media environment: linguistic practices of self-presentation // Language and word: collection of articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Cheboksary;2023:153 — 157. (In Russ.)

12. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. Youth of Russia in the mirror of sociology: on the results of long-term research. Moscow;2020:688. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020. (In Russ.)

13. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. Russian youth in the context of sociological analysis. Moscow;2019:263. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-317-1. (In Russ.)

14. Youth employment in the motivational and structural dimension / I. V. Batykov, A. V. Batykova, A. V. Bykov [et al.] // Information and Analytical Bulletin of the Institute of Sociology of the FNSC RAS. 2017;2:129. DOI 10.19181/inab.2017.2. (In Russ.)

15. Zubok Yu. A. Changing social reality: reflection on theoretical and empirical aspects of sociological research of youth // Scientific result. Sociology and management. 2022;8(3):10 — 30. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-2. (In Russ.)

16. Ivanova N. M. Youth of the Chuvash Republic at the turn of the 20th — 21st centuries: socio-cultural appearance and development trends. Cheboksary;2008:98. (In Russ.)

17. Konstantinovskiy D. L., Popova E. S. The new nature of educational and professional trajectories of youth // Russia under reform: yearbook: issue 20. Moscow;2022:379 — 399. (In Russ.)

18. Youth in modern Russian society: monograph. Vologda;2025:229. (In Russ.)

19. Youth and youth policy in multiethnic regions of Russia: a collective monograph. Izhevsk;2025:420. (In Russ.)

20. Youth and Russia of the future. Moscow;2023:394. (In Russ.)

21. Youth: constructing a labor biography / M. K. Gorshkov, I. V. Batykov, A. V. Bykov [and others] // Information and Analytical Bulletin of the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. 2018;1:147. DOI 10.19181/inab.2018.1. (In Russ.)

22. Omelchenko E. L. Imaginary horizons of the future. Life orientations and migration plans of the youth of the North-Western region of Russia // Sociological research. 2023;12:121 — 135. DOI 10.31857/S013216250029342-9. (In Russ.)

23. Omelchenko E. L. Solidarity and cultural practices of Russian youth at the beginning of the 21st century: a theoretical context // Sociological research. 2013;10(354):52 — 61. (In Russ.)

24. Rassokhina I. Yu., Lunegov N. E. Media representations of students and working youth of Kuzbass // Vocational education in Russia and abroad. 2022;1(45):152 — 161. DOI 10.54509/22203036_2022_1_152. (In Russ.)

25. Russia: perception of the future. The experience of socio-anthropological research: a collective monograph. Moscow;2024:374. (In Russ.)

26. Self-regulation in the youth environment: typologization and modeling: monograph. Belgorod;2022:360. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022. (In Russ.)

27. Selezneva A. V. Russian youth: a political and psychological portrait against the background of the epoch. Moscow;2022:288. (In Russ.)
28. Students of higher and secondary vocational educational institutions of Chuvashia on self-identification and ethnocultural development / I. I. Boyko, O. V. Karpova, I. V. Muravyeva [et al.] // Bulletin of the Chuvash University. 2022;4:12 — 21. DOI 10.47026/1810-1909-2022-4-12-21. (In Russ.)
29. Students of Russia: civic culture and political behavior: monograph. Moscow;2025:640. (In Russ.)
30. Student family in Russia: barriers and opportunities for well-being: monograph. Ivanovo;2024:472. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.01.2026;
одобрена после рецензирования 04.09.2026; принята к публикации 07.09.2026

Информация об авторе:

Гаврилов Артем Дмитриевич, старший научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1),
кандидат филологических наук,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6031-2725>, artmaster28@rambler.ru

*Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.*

The article was received by the editors on 12.01.2026;
approved after reviewing 04.09.2026; accepted for publication 07.09.2026

Information about the author:

Artem D. Gavrilov, senior researcher, Chuvash State Institute of Humanities
(29/1, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),
Candidate of Philological Sciences,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6031-2725>, artmaster28@rambler.ru

*Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.*

Статья редакции 12.01.2026 җитнӗ;
рецензилӗнӗ хыҫҫӑн 04.09.2026 ырланӑ; 07.09.2026 пичете йышӑннӑ

Автор җинчен:

Гаврилов Артем Дмитриевич, Чӑваш патшалӑх гуманитари ӑслӑлӑхӗсен
институтӗн ӑслӑлӑх аслӑ ӗҫтешӗ
(428015, Раҫҫей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),
филологи ӑслӑлӑхӗсен кандидатӗ,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6031-2725>, artmaster28@rambler.ru

*Пайталӑх конфликчӗ: автор пайталӑх конфликчӗ ҫуккине пӗлтерет.
Автор ал ҫырӑвӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.*

УДК 94(470.343)''1941/1945''

ББК 63.3(2 Рос.Мар)622

Научная статья

ЭВАКУАЦИЯ В МАРИЙСКУЮ АССР: МАСШТАБЫ, ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ (1941 — 1945)

О. А. Кошкина

Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории им. В. М. Васильева,
г. Йошкар-Ола, Россия
koshkina_81@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются масштабы, организация и повседневная жизнь эвакуированных в Марийскую АССР в 1941 — 1945 гг. Эмпирической базой исследования выступили архивные материалы. Главным образом работа выполнена методом источниковедческого анализа. В ней рассмотрены динамика прибытия, география, размещение в городах и сельской местности, трудоустройство, жилищно-бытовые условия. Автор приходит к выводу, что масштабы эвакуации в Марийскую АССР были значительными для небольшого региона. Особенности организации определялись слабой инфраструктурой региона, необходимостью быстрого создания управленческих структур и привлечения широкого круга учреждений к приему людей. Специфической чертой стало размещение крупных эвакуированных предприятий и вузов, что требовало перераспределения ресурсов. Расселение преимущественно в сельской местности также отличало республику от более индустриальных соседей. Повседневность эвакуированных была наполнена борьбой за выживание: жилищная теснота, перебои со снабжением, нехватка одежды и обуви, тяжелый труд. Вместе с тем документы сохранили множество примеров самоотверженной работы, взаимопомощи, заботы о детях. Несмотря на все трудности, Марийская АССР справилась с возложенной на нее задачей.

Ключевые слова: эвакуация, Марийская АССР, Великая Отечественная война, повседневность, размещение, социальная адаптация, тыловой регион

Для цитирования: Кошкина О. А. Эвакуация в Марийскую АССР: масштабы, особенности организации и повседневность (1941 — 1945) // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 3. С. 37 — 44

© Кошкина О. А., 2026

Scientific article

EVACUATION TO THE MARI ASSR: SCALE, ORGANIZATIONAL FEATURES, AND DAILY LIFE (1941 — 1945)

O. A. Koshkina

V. M. Vasiliev Mari Scientific Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola, Russia
koshkina_81@mail.ru

Abstract. The article analyzes the scale, organization, and daily life of evacuees in the Mari ASSR in 1941 — 1945. The empirical basis of the study comprised archival materials. The work employs source analysis. It examines the dynamics of arrivals, settlement patterns, urban and rural placement, employment, and living conditions. The author concludes that the scale of the evacuation to the Mari Autonomous Soviet Socialist Republic was significant for a small region. The organizational specifics of the organization were determined by the weak infrastructure of the region, the need to quickly create administrative structures, and

involve numerous institutions in reception efforts. A specific feature was the relocation of large evacuated enterprises and universities, which required a redistribution of resources. Settlement mainly in rural areas also distinguished the republic from its more industrialized neighbors. The daily life of the evacuees was filled with a struggle for survival: overcrowded housing, supply shortages, lack of clothing and shoes, and hard work. Nevertheless, archival records reveal numerous instances of selfless work, mutual assistance, and caring for children. Despite all the difficulties, the Mari Autonomous Soviet Socialist Republic coped with the task assigned to it.

Keywords: evacuation, Mari ASSR, the Great Patriotic War, daily life, resettlement, social adaptation, rear region

For citation: Koshkina O. A. Evacuation to the Mari ASSR: scale, organizational features, and daily life (1941 — 1945) // Modern humanities. 2026;2(3):37 — 44

Аслăлăх статийи

МАРИ АССРне ЭВАКУАЦИЛЕНИ: АНЛĂШĖ, ЙĖРКЕЛЎ УЙРĂМЛĂХĖСЕМ ТАТА КУЛЛЕНХИ ПУРНĂС (1941 — 1945)

О. А. Кошкина

В. М. Васильев ячĕллĕ Мари чĕлхе, литература
тата истори аслăлăх тĕпчев институтчĕ,
Йошкар-Ола хули, Раççей
koshkina_81@mail.ru

Аннотаци. Статъяра Мари АССРĕнчи 1941 — 1945 сулсенче пынă эвакуаци процессĕн анлăшĕпе йĕркелĕвне, куçса килнĕ сынсен кулленхи пурнăсне тишкернĕ. Тĕпчеве архив материалĕсем сінче никĕсленĕ, ытларах источниковедени меслечĕпе усă курса йĕркеленĕ. Эвакуаципе килекен сынсен йышĕ улшăнса пынине, вĕсене ялсенче тата хуласенче ырнастарнине, ĕспе тивĕстернине, пурăнакан ырансенчи условисене пăхса тухнă. Автор Мари АССР пек пĕчĕк регионшăн эвакуаци анлăшĕ ытла та пысăк пулнă тесе пĕтĕмлетĕ тăвать. Регион инфраструктури хавшак пулнăран куçса килекен сынсене йышăнма васкасах сĕнĕ йĕркелĕ органĕсем тумалла пулнă, ку ĕспе сыхăннă ыйтусене татса пама чылай учрежденийн хутшăнма тивнĕ. Эвакуациленĕ предприятисемпе аслă шкулсем самай пысăк пулнăран вĕсене ырнастарнă май хальчен пулнă ресурсене сĕнĕлле пайлама тивнĕ. Кўршĕри промышленность вайлă аталаннă регионсемпе танлаштарсан, республикара эвакуациленĕ халăх ытларах ял тăрăхĕсенче пурăннă. Вĕсен куллен тĕрлĕ йывăрлăха сĕнтермелле пулнă: сурт-йĕр тăварлăхĕ, кирлĕ япаласемпе тивĕстерсе ĕлкĕрейменни, тумтир тата атă-пушмак сителĕксĕр пулни, йывăр ĕс. Çав вăхăтрах документсенче сынсем хайсене хĕрхенмесĕр ĕслени, пĕрне пĕри пулăшни, ачасемшĕн тăрăшни сінчен чылай тĕслĕх сырса хăварнине курма пулат. Тем пек йывăр пулсан та Мари АССР хайне шанса панă ĕсе тивĕслĕн пурнăсланă.

Тĕп сăмахсем: эвакуаци, Мари АССРĕ, Тăван сĕршывăн аслă вăрçи, кулленхи пурнăс, пурăнма ырнастарни, социаллă адаптаци, тытри регион

Цитатăлама: Кошкина О. А. Мари АССРне эвакуацилени: анлăшĕ, йĕркелĕ уйрăмлăхĕсем тата кулленхи пурнăс (1941 — 1945) // Хальхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 3 №. С. 37 — 44

Введение

Эвакуация населения, промышленных предприятий, культурных и научных учреждений и других ресурсов в годы Великой Отечественной войны стала одним из решающих факторов, позволивших Советскому Союзу выстоять и одержать Победу. Из прифронтовой полосы в глубь страны были перемещены мил-

лионы людей. Тыловые регионы, в том числе автономные республики Поволжья, приняли на себя колоссальную нагрузку по приему, размещению и трудоустройству эвакуированных.

Марийская АССР относилась к числу небольших по территории и экономическому потенциалу регионов. Слаборазвитая промышленность, преобладание сельского населения, отсутствие крупных жилых фондов — все это создавало дополнительные сложности при организации эвакуационных процессов. Тем не менее республика справилась с поставленной задачей, приняв в 1941 — 1943 гг. десятки тысяч человек.

Цель данной статьи — проанализировать три ключевых аспекта эвакуации в Марийскую АССР: масштабы (количественные параметры, динамика, география прибывших); особенности организации (структура управления, инфраструктура приема, специфика размещения людей и учреждений); повседневность (жилищно-бытовые условия, снабжение, трудовая деятельность, социальные проблемы).

Материалы и методы

Исследование опирается на архивные источники. В работе применялись как общенаучные методы, так и специально-исторические: метод источниковедческого анализа, историко-сравнительный и проблемно-хронологический методы. Систематизация статистических данных проводилась с помощью таблиц.

Результаты исследования и их обсуждение

Эвакуация в Марийскую АССР проходила в две основные волны: первая — летом-осенью 1941 г., вторая — летом-осенью 1942 г. Первый эшелон с эвакуированными прибыл в республику уже 12 июля 1941 г.¹

Анализ статистических данных (табл. 1) показывает резкий рост численности эвакуированных к концу 1941 г. и последующую стабилизацию на уровне около 28 — 30 тыс. чел.

Таблица 1

**Динамика прибытия эвакуированного населения
в Марийскую АССР на 1941 — 1943 гг.²**

Дата	Всего, чел.
Июль 1941 г.	15 582
Декабрь 1941 г.	36 449
Июнь 1942 г.	31 600
Декабрь 1942 г.	29 208
Апрель 1943 г.	28 376

Пиковый показатель (36,4 тыс. чел.) был достигнут в декабре 1941 г., что совпадает с периодом наиболее интенсивного продвижения противника и массового бегства населения из западных областей. В дальнейшем численность несколько снизилась за счет частичного оттока людей, направлявшихся в другие регионы, а также естественной убыли.

Согласно данным на декабрь 1942 г., в республике находились представители следующих союзных республик и областей РСФСР (табл. 2).

¹ Кошкина О. А. Марийская АССР в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.: социально-экономические, общественно-политические и культурные процессы в тыловом регионе: дис. ... доктора ист. наук: 5.6.1. Йошкар-Ола, 2025. С. 214.

² Там же. С. 218.

Таблица 2

**Численность эвакуированных в Марийскую АССР
по регионам на декабрь 1942 г.³**

Регион	Всего, чел.
Белорусская ССР	1990
Украинская ССР	2790
Молдавская ССР	42
Литовская ССР	245
Латвийская ССР	805
Эстонская ССР	646
Карело-Финская ССР	581
г. Ленинград	3912
Ленинградская область	1485
Мурманская область	2364
Калининская область	2016
Смоленская область	973
г. Москва	9174
Московская область	777
Тульская область	103
Орловская область	276
Курская область	50
Воронежская область	50
Ростовская область	15
Крымская АССР	76
Ивановская область	27
Рязанская область	453
Ярославская область	80
Северный Кавказ	24
Сталинградская область	42
Бессарабия	47
Прочие	165
Итого	29 208

Обращает на себя внимание заметное преобладание выходцев из Москвы (более 9 тыс.) и Ленинграда (около 4 тыс.). Вместе с тем в республику прибыли граждане из всех прибалтийских республик, Украины, Белоруссии, северных и центральных областей РСФСР.

Чтобы оценить реальную нагрузку на Марийскую АССР, можно сопоставить ее с соседними регионами (табл. 3).

По абсолютным показателям Марийская АССР приняла заметно меньше людей, чем соседи. Однако необходимо учитывать ее небольшую территорию и ограниченные ресурсы.

Уже 18 июля 1941 г. при СНК Марийской АССР был создан переселенческий отдел, который занимался трудовым и хозяйственным устройством эвакуированных. Его начальником назначен З. А. Кичатов. В октябре 1941 г. он был реорганизован в отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения, подчиненный уполномоченному Совета по эвакуации по Марийской АССР⁴.

³ Кошкина О. А. Указ. соч. С. 472.

⁴ Там же. С. 212.

Таблица 3

**Количество эвакуированного населения по некоторым республикам
Поволжья на конец 1942 — начало 1943 г.⁵**

Регион	Всего, чел.
Марийская АССР	29 208
Мордовская АССР	68 200
Татарская АССР	278 943
Удмуртская АССР	78 366
Чувашская АССР	64 906

Параллельно в июле 1941 г. в Йошкар-Оле открылся эвакуационный пункт на железнодорожной станции со штатом 16 чел. (начальник П. Г. Краев). Всего в работе с эвакуированными в столице республики было задействовано более 600 чел. — сотрудники Управления связи, Госбанка, прокуратуры, Марпромсоюза, Наркомзема, учебных заведений и др.⁶

В районах, где число эвакуированных превышало 150 чел., при исполкомах вводились должности инспекторов по хозяйственному устройству эвакуированного населения. Постановлением СНК от 8 декабря 1941 г. такие должности были учреждены в 10 районах республики⁷.

В Йошкар-Оле было организовано 10 приемных пунктов в зданиях школ, техникумов и институтов, подготовлено 10 общежитий, 4 столовые, 7 буфетов, баня, выделено 16 грузовых машин и 6 автобусов. Это позволяло обеспечить сравнительно быструю обработку прибывающих⁸.

По документам эвакуопункта, разгрузка эшелона занимала 2 — 3 часа, а полный цикл обслуживания (регистрация, медосмотр, санобработка, питание) — около 4 часов. Затем людей отправляли на временное размещение в общежития, а оттуда — в районы расселения. С осени 1941 г. практиковалась прямая отправка из вагонов в колхозы на колхозном транспорте⁹.

Однако реальность часто отставала от планов. В отчете за июль—декабрь 1941 г. отмечались случаи задержек отправки из-за нехватки транспорта (до 10 — 15 дней), антисанитарное состояние общежитий, неполный охват медосмотром¹⁰.

Для Марийской АССР было характерно преобладание сельского расселения эвакуированных. На конец 1941 г. из 36,5 тыс. чел. в городах разместили 15,3 тыс.,

⁵ Сост. по: Кошкина О. А. Указ. соч. С. 225; Мордовия в период Великой Отечественной войны: в 2 т. / под общ. ред. В. А. Юрченкова. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2005. Т. 1. С. 215; Кривоножкина Е. Г., Ханипова И. И. Сельское население Татарской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1937 — 1945 гг.). Казань: Центр инновационных технологий, 2011. С. 42; Уваров С.Н. Сельское население Удмуртии в годы Великой Отечественной войны: демографический аспект. Ижевск: ФГБОУ ВПО Ижевская ГСХА, 2014. С. 109; Толстова Н. Ю. Эвакуированные в годы Великой Отечественной войны на территорию Чувашской АССР: организация размещения, социальная адаптация, трудовая деятельность: дис. ... канд. ист. наук: 5.6.1. Чебоксары, 2023. С. 212.

⁶ Марийская АССР в годы Великой Отечественной войны: сборник документов и материалов / сост. Т. А. Садова, Т. И. Богомолова. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1967. С. 48 — 49.

⁷ Кошкина О. А. Указ. соч. С. 213.

⁸ Там же. С. 213.

⁹ Там же. С. 214.

¹⁰ Кошкина О. А. Указ. соч. С. 215.

а в сельской местности – 21,2 тыс. чел. (58 %) [1, с. 8; 3, с. 20]. Это объяснялось как аграрным характером экономики, так и нехваткой жилого фонда в Йошкар-Оле (в городе насчитывалось всего 3500 домов, в основном одноэтажных, с населением около 30 тыс. чел.). Для уплотнения городских жителей 9 августа 1941 г. вышло специальное постановление, предписывающее вселять эвакуированных в коммунальные, ведомственные и частные дома. Устанавливалось, что отказ в предоставлении жилья или оскорбление эвакуированных влекли ответственность вплоть до суда¹¹. В сентябре 1941 г. СНК РСФСР выделил Йошкар-Оле долгосрочную ссуду в 735 тыс. руб. на строительство домов упрощенного типа. К 1944 г. было построено семь таких домов¹² [4, с. 19].

Особенностью эвакуации стало массовое прибытие не только людей, но и крупных учреждений из Ленинграда и Москвы. В августе-сентябре 1941 г. в Йошкар-Олу прибыли Государственный оптический институт (ГОИ), Особое конструкторское бюро (ОКБ-43), Ленинградская военно-воздушная академия (ЛВВА). Это привело к острому дефициту площадей. В результате Поволжский лесотехнический институт был вынужден переехать в пос. Мушмари Звениговского района, Марийский государственный педагогический институт — в г. Козьмодемьянск, Марийский государственный театр — в пос. Новый Торъял¹³ [2, с. 310].

Жилищные условия для сотрудников эвакуированных учреждений оказались крайне тяжелыми. Средняя норма жилплощади составляла около 3 кв. м на человека, а в комнатах 30 — 35 кв. м нередко селили по 15 — 17 чел.¹⁴

Повседневность эвакуированных определялась прежде всего острой нехваткой самого необходимого. В городах уплотнение достигало предела. В сельской местности жилье часто оказывалось непригодным. В колхозе «Новая жизнь» Марри-Турекского района семью с больной туберкулезом и двумя детьми поселили в нежилой дом с выбитыми окнами без мебели¹⁵. Проверка 1943 г. зафиксировала многочисленные жалобы на плохие жилищные условия. В Йошкар-Оле, где проживало 6320 эвакуированных, возникали конфликты с домовладельцами. В сельской местности ситуация была чуть лучше, но значительная часть жалоб касалась не жилья, а снабжения¹⁶.

В городах эвакуированные получали продукты по карточкам, в селах прикреплялись к колхозам. На каждого члена семьи военнослужащего, проживающего в сельской местности, выдавали разовый паек: 2 кг муки, 1 кг крупы, 200 г жиров, кусок мыла¹⁷. Постановлением от 4 апреля 1944 г. председателям райисполкомов передали 40 т муки для эвакуированных (не более 6 кг на человека в месяц)¹⁸.

¹¹ Кошкина О. А. Указ. соч. С. 223.

¹² Исполнительная власть Республики Марий Эл. 1921 — 2008: сборник документов. Йошкар-Ола: Правительство Республики Марий Эл, Комитет Республики Марий Эл по делам архивов, Государственный архив Республики Марий Эл, 2009. Т. 2. С. 82 — 83.

¹³ Там же. С. 82 — 83.

¹⁴ Кошкина О. А. Указ. соч. С. 257.

¹⁵ Там же. С. 219.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Марийская АССР в годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.: сборник документов и материалов / науч. ред. С. В. Стариков. Йошкар-Ола: Комитет Республики Марий Эл по делам архивов, Государственный архив Республики Марий Эл, 2005. С. 111.

¹⁸ Марийская АССР в годы Великой Отечественной войны: сборник документов и материалов / сост. Т. А. Садова, Т. И. Богомолова. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1967. С. 252 — 253.

Однако снабжение работало с перебоями. В Быковском сельпо Юринского района хлеба не было по 3 — 5 дней, в Моркинском — 5 — 8, в Сернурском — до 8 дней. Соль, спички выдавали нерегулярно, мыла практически не было, продукты отсутствовали¹⁹.

Трудоустройство эвакуированных было обязательным. На 30 апреля 1943 г. из 11 893 трудоспособных работали 10 039 чел. (84 %). Большинство было занято в промышленности и сельском хозяйстве, меньшая часть — на транспорте и в прочих отраслях²⁰.

Среди эвакуированных встречались и настоящие передовики. В колхозе им. Тельмана Оршанского района М. Л. Иванов из Смоленской области выработал 311 трудодней, П. А. Канеп — 621, Х. Ф. Косарева — 664. Жена полковника Емельянова стала председателем колхоза им. Фрунзе и вывела его в передовые²¹.

Однако имелись и отказы в трудоустройстве. В колхозах Оршанского, Звениговского, Параньгинского районов некоторые председатели не предоставляли работу эвакуированным, ссылаясь на достаточную обеспеченность рабочей силой. Трактористка Гайнутдинова из Смоленска долго «обивала пороги», пока не устроилась в МТС, где перевыполняла нормы и получила премию²².

С 1944 г. начался процесс возвращения эвакуированных. Постановления СНК Марийской АССР регламентировали реэвакуацию в Калининскую, Ленинградскую, Новгородскую, Псковскую области, Эстонскую ССР²³. Для многих выезд был затруднен отсутствием средств и одежды. Комиссии при райисполкомах рассматривали просьбы и выделяли пособия от 100 до 300 руб. К 1 мая 1946 г. в Йошкар-Оле оставался 1591 эвакуированный, но полной статистики по республике, к сожалению, нет²⁴.

Заключение

Масштабы эвакуации в Марийскую АССР были значительными для небольшого региона. Особенности организации определялись слабой инфраструктурой региона, необходимостью быстрого создания управленческих структур и привлечения широкого круга учреждений к приему людей. Специфической чертой стало размещение крупных эвакуированных предприятий и вузов, что требовало перераспределения ресурсов. Расселение преимущественно в сельской местности (более 58 %) также отличало республику от более индустриальных соседей. Повседневность эвакуированных была наполнена борьбой за выживание: жилищная теснота, перебои со снабжением, нехватка одежды и обуви, тяжелый труд. Вместе с тем документы сохранили множество примеров самоотверженной работы, взаимопомощи, заботы о детях. Несмотря на все трудности, Марийская АССР справилась с возложенной на нее задачей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Васильева С. И. Изменения численности и состава колхозного крестьянства Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941 — 1945) // Сельское хозяйство Марийской АССР в 1940 — 1960 гг. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1981. С. 3 — 24.

¹⁹ Исполнительная власть Республики Марий Эл. 1921 — 2008. С. 150.

²⁰ Кошкина О. А. Указ. соч. С. 217.

²¹ Там же. С. 217.

²² Там же. С. 218 — 219.

²³ Там же. С. 226.

²⁴ Там же. С. 227.

2. Кошкина О. А. Эвакуация из Ленинграда в Марийскую АССР // Побратимы: регионам, принявшим жителей блокадного Ленинграда, посвящается. Москва: Политическая энциклопедия, 2019. С. 305 — 332.

3. Кошкина О.А. Эвакуация населения в Марийскую АССР в годы Великой Отечественной войны // Марийский археографический вестник. 2015. № 25. С. 17 — 23.

4. Они ковали Победу. Город Йошкар-Ола: поименные списки тружеников тыла Великой Отечественной войны. Йошкар-Ола: СТРИНГ, 2010. 260 с.

REFERENCES

1. Vasilyeva S. I. Changes in the number and composition of the collective farm peasantry of the Mari ASSR during the Great Patriotic War (1941 — 1945) // Agriculture of the Mari ASSR in 1940 — 1960. Yoshkar-Ola;1981:3 — 24. (In Russ.)

2. Koshkina O. A. Evacuation from Leningrad to the Mari ASSR // The twin brothers: dedicated to the regions that received residents of besieged Leningrad. Moscow;2019:305 — 332. (In Russ.)

3. Koshkina O.A. Evacuation of the population to the Mari ASSR during the Great Patriotic War // Mari Archeographic Bulletin. 2015;25:17 — 23. (In Russ.)

4. They forged a Victory. The city of Yoshkar-Ola: named lists of home front workers of the Great Patriotic War. Yoshkar-Ola;2010:260. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.06.2026;
одобрена после рецензирования 31.08.2026; принята к публикации 04.09.2026

Информация об авторе:

Кошкина Ольга Анатольевна, главный научный сотрудник
Марийского научно-исследовательского института
языка, литературы и истории им. В. М. Васильева
(424036, Россия, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44),

доктор исторических наук,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2482-9628>, koshkina_81@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 08.06.2026;
approved after reviewing 31.08.2026; accepted for publication 04.09.2026

Information about the author:

Olga Anatolyevna Koshkina, Chief Researcher, V. M. Vasiliev Mari Scientific
Research Institute of Language, Literature and History
(44, st. Krasnoarmeyskaya, Yoshkar-Ola, 424036, Russia),

Doctor of Historical Sciences,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2482-9628>, koshkina_81@mail.ru

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 08.06.2026 ситнӧ;
рецензиленӧ хысӧан 31.08.2026 ырланӧ; 04.09.2026 пичете йышӧанӧ

Автор сӧнчен:

Кошкина Ольга Анатольевна, В. М. Васильев ячӧллӧ

Мари чӧлхе, литература тата истори

ӧслӧлӧх тӧпчев институчӧн ӧслӧлӧх тӧп ӧстешӧ

(424036, Раҥсей, Йошкар-Ола хули, Красноармейски ур., 44),

истори ӧслӧлӧхӧсен докторӧ,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2482-9628>, koshkina_81@mail.ru

Пайталӧх конфликчӧ: автор пайталӧх конфликчӧ сӧжкине пӧлтерет.

Автор ал ӧыраӧан юлашки вариантне вуласа тухнӧ, ырланӧ.

УДК 027.7:94(470.344)''1941/1945''

ББК 78.34+63.3(2Рос.Чув)622

Обзорная статья

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ОБ ЭВАКУАЦИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С. Ю. Михайлова¹, А. Л. Музыкова

¹ Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Россия
svemikh1@rambler.ru
alinasmirnova@list.ru

Аннотация. В статье представлен научный обзор информационных ресурсов, посвященных истории эвакуации населения в годы Великой Отечественной войны, содержащихся в физическом и виртуальном пространствах Научной библиотеки Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова. Эмпирической базой выступили как тематические материалы выставок и издания, созданные в разные годы сотрудниками указанной библиотеки, так и фундаментальные работы ученых, хранящиеся в ее фондах. Университетские библиотеки на современном этапе содержат множество интерактивных ресурсов и имеют большой учебно-методический потенциал. Авторами статьи охарактеризованы возможности и средства Научной библиотеки Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова для сохранения исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны и формирования патриотического сознания у студенческой молодежи. В результате работы исследователями сформулировано предложение о необходимости активизации деятельности университетских библиотек по обеспечению возможности свободного удаленного доступа к достоверным историческим источникам из библиотечных баз и созданию путеводителей по тематическим ресурсам различных образовательных и культурных учреждений, представленным в интернете.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, историческая память, Чувашский государственный университет, научная библиотека

Для цитирования: Михайлова С. Ю., Музыкова А. Л. Информационный потенциал университетской библиотеки для сохранения исторической памяти об эвакуации в годы Великой Отечественной войны // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 3. С. 45 — 53

© Михайлова С. Ю., Музыкова А. Л., 2026

Review

THE INFORMATION POTENTIAL OF UNIVERSITY LIBRARY FOR PRESERVING THE HISTORICAL MEMORY ABOUT THE EVACUATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

S. Y. Mikhailova¹, A. L. Muzyakova

I. N. Ulyanov Chuvash State University,
Cheboksary, Russia
svemikh1@rambler.ru
alinasmirnova@list.ru

Abstract. The article presents review of information resources devoted to the history of the evacuation of the population during the Great Patriotic War held in the physical and virtual collections of the Scientific Library of the I. N. Ulyanov Chuvash State University. The research material consists of thematic exhibition materials and publications created in different years by the library's staff and fundamental scholarly works held in the library's collections.

University libraries today contain numerous interactive resources and have significant pedagogical potential. The authors of the article describe the capabilities and resources of the Scientific Library of the I. N. Ulyanov Chuvash State University for preserving historical memory about the events of the Great Patriotic War and fostering patriotic consciousness among student youth. The study proposes the need to intensify the activities of university libraries in providing free remote access to reliable historical sources from library databases and in creating guides to thematic resources of various educational and cultural institutions available online.

Keywords: the Great Patriotic War, evacuation, historical memory, the Chuvash State University, university library

For citation: Mikhailova S. Y., Muzyakova A. L. The information potential of university library for preserving the historical memory about the evacuation during the Great Patriotic War // Modern humanities. 2026;2(3):45 — 53

Тиишкерӹ статйи

УНИВЕРСИТЕТ БИБЛИОТЕКИСЕНЧИ ТӒВАН СӢРШЫВӒН АСЛӒ ВӒРСИ СУЛӢСЕНЧИ ЭВАКУАЦИЕ АСРА УПРАСА ХӒВАРМА ПУЛӒШАКАН ИНФОРМАЦИ МАЙӢСЕМ

С. Ю. Михайлова¹, А. Л. Музякова

¹ И. Н. Ульянов ячӢллӢ ЧӒваш патшалӒх университетчӢ,

Шупашкар хули, Раçсей

svemikh1@rambler.ru

alinasmirnova@list.ru

Аннотаци. Статйя И. Н. Ульянов ячӢллӢ ЧӒваш патшалӒх университетчӢн библиотекинчи чӢн пур (тӢслӢхрен, кӢнекесем) тата виртуаллӒ шайри информаци ресурсӢсен ТӒван сӢршывӒн аслӒ вӒрси сулӢсенчи эвакуацие халалланӒ пайне аслӒлӒх тӢлӢшӢнчен тишкернӢ. Тишкерӹре библиотека фончӢсенче управанакан ятарлӒ темӒпа ирттернӢ куравсен материалне, библиотека ӢстетӢсем хатӢрленӢ кӒларӒмсене тата асчахсен анлӒ та тарӒн ӢсӢсене пӒхса тухнӒ. Хальхи вӒхӒтра университет библиотекисем интерактивлӒ ресурссемпе те, вӢренӹ тата методика хатӢрсемпе те пуян. Статйя авторӢсем И. Н. Ульянов ячӢллӢ ЧӒваш патшалӒх университетчӢн аслӒлӒх библиотекинчи ТӒван сӢршывӒн аслӒ вӒрсин пулӒмӢсене халӒх асӢнче управса хӒварма тата студентсен патриотизмла Ӣс-тӢнне аталантарма пулӒшакан майсемпе хатӢрсем сӢнчен сырса панӒ. Ёсне вӢсленӢ май тишкерӹсӢсем университет библиотекисен хӒйсен базисенчи историпе сыхӒннӒ шанчӒклӒ сӒлкуссемпе аякран кӢрсе паллашма майсем туса пама хастартарак Ӣслемеллине тата вӢренӹ тата культура учрежденийӢсем интернет услӒхне кӒларнӒ ятарлӒ темӒпа пухнӒ ресурссем сӢнчен тунӒ кӒтарткӒсем кирлине палӒртнӒ.

ТӢп сӒмахсем: ТӒван сӢршывӒн аслӒ вӒрси, эвакуаци, истори ас тӒвӒмӢ, ЧӒваш патшалӒх университетчӢ, аслӒлӒх библиотеки

ЦитатӒлама: Михайлова С. Ю., Музякова А. Л. Университет библиотекисенчи ТӒван сӢршывӒн аслӒ вӒрси сулӢсенчи эвакуацие асра управса хӒварма пулӒшакан информаци майӢсем // Хальхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 3 №. С. 45 — 53

Введение

Современной действительностью с присущими ей нестабильностью и неопределенностью обусловлены новые требования к воспитанию молодежи. «Совершенно очевидно, что молодежь будет носителем позитивной повестки только при условии, что будут правильно сформированы их взгляды на традиционные семейные ценности, патриотизм и историческую правду» [5, с. 108]. В воспи-

тании молодежи ключевая роль отведена учреждениям высшего образования. В них платформой для формирования смысловых ориентиров молодых людей призвана стать историческая память о Великой Отечественной войне. Центром ее информационного обеспечения в Чувашском государственном университете им. И. Н. Ульянова по праву может считаться Научная библиотека, в которой сосредоточены значительные информационные ресурсы по истории Великой Отечественной войны, в том числе эвакуации.

Значение эвакуации в достижении Великой Победы невозможно переоценить. Как отмечает М. Н. Потемкина, «масштабные эвакуационные процессы, осуществленные в СССР в начальный период Великой Отечественной войны, должны не только быть запечатлены в исторической памяти, но и подвергаться глубокому научному анализу» [3, с. 62].

Необходимо подчеркнуть, что в целом роли библиотек в сохранении исторической памяти о событиях 1941 — 1945 гг. посвящено большое количество научных статей. В особенности, рост публикационной активности по данной тематике отмечен в рамках проектов и мероприятий, приуроченных к юбилейным датам. К примеру, в 2025 г. — год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг. — проведены две конференции: 17 апреля — Межрегиональная научно-практическая конференция «Роль библиотек в сохранении памяти о Великой Отечественной войне» (с международным участием) в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской; 14 — 15 мая — Всероссийская научно-практическая конференция «Сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне: роль библиотек» в Российской государственной библиотеке, по итогам которых опубликованы сборники статей [4; 6]. Между тем в отношении вузовских библиотек подобные публикации не столь многочисленны [1; 7], несмотря на то, что указанные из них отнесены к одной из крупнейших библиотечных групп в стране.

По данным на 2018 г., в России насчитывалось «свыше 500 вузовских библиотек с общим фондом более 430 млн печатных и неопубликованных документов, почти 5 млн читателей, около 20 тыс. человек персонала»¹. Наш исследовательский интерес также связан и со спецификой деятельности университетской библиотеки, которая, будучи частью интегрированного информационно-образовательного пространства вуза, сочетает в себе функции, отличающие ее от традиционных публичных библиотек: в первую очередь, формированием образовательной среды, управлением знаниями ресурсами и в конечном счете обеспечением повышения качества образования и науки.

Материалы и методы

В основе настоящей работы лежит научный обзор информационных ресурсов, посвященных истории эвакуации населения в годы Великой Отечественной войны, содержащихся в физическом и виртуальном пространствах Научной библиотеки Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова. В качестве эмпирической базы выступают как тематические материалы выставок и издания, созданные в разные годы сотрудниками указанной библиотеки, так и фундаментальные работы ученых, хранящиеся в ее фондах.

¹ Концепция развития вузовских библиотек России // Научная библиотека Томского государственного университета: [сайт]. URL: http://www.lib.tsu.ru/sites/default/files/konceptiya_razvitiya_universitetskikh_bibliotek_rossii_v2.pdf (дата обращения: 19.04.2026).

Результаты исследования и их обсуждение

Основной целью деятельности Научной библиотеки Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова «является информационная поддержка образовательной, научно-исследовательской, воспитательной и иных видов деятельности Университета, полное и оперативное удовлетворение информационных потребностей всех категорий пользователей посредством предоставления библиотечно-информационных услуг»². Реализации обозначенной цели призваны содействовать накопленные и регулярно обновляемые информационные ресурсы. По состоянию на 2020 г. Научная библиотека вуза обладала «обширной коллекцией отечественных и зарубежных изданий в печатном (1 584 785 ед. хр.) и электронном форматах. Информация обо всех изданиях отражена в традиционных и электронном каталогах. Межбиблиотечный абонемент и служба электронной доставки документов позволяют заказать отсутствующие в фонде библиотеки книги и статьи» [2, с. 152].

Составной частью этой коллекции являются материалы, отражающие историю эвакуации в период Великой Отечественной войны. В целом в библиотечном фонде представлено несколько сотен документов (книг) о военных годах. Часть из них посвящена тем или иным вопросам эвакуации.

Вопросы историографии эвакуации в годы Великой Отечественной войны затронуты в автореферате диссертации Е. Л. Храмковой «Россия в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.: проблемы историографии тыла» (1999), работе В. В. Тимофеева «Советский тыл в годы Великой Отечественной войны: историография проблемы (на материалах республик ВВЭР)» (2005) и др.

Об организации эвакуации пользователи университетской библиотеки могут узнать из книг Е. И. Финогенова, М. И. Лихоманова, Л. Т. Позиной «Партийное руководство эвакуацией в период Великой Отечественной войны, 1941 — 1942 гг.» (1985), «Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны» (1988), А. К. Сорокина «В штабах Победы: очерки истории государственного управления в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.» (2022) и др.

В документах библиотечного фонда наиболее полно освещена эвакуация населения. Сведения о массовом перемещении населения могут быть почерпнуты пользователями из авторефератов диссертаций С. Б. Бирюковой «Проблемы эвакуации в годы Великой Отечественной войны (на материалах республик Мордовия, Чувашия, Марий Эл)» (1996), А. В. Николенко «Деятельность государственных и партийных органов по жизнеобеспечению эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны (на материалах Архангельской и Вологодской областей)» (2002), Ф. А. Киселева «Государственная политика по отношению к эвакуированному населению в годы Великой Отечественной войны (на материалах Кировской области и Удмуртской АССР)» (2004), Ч. Р. Арслановой «Эвакуированное и депортированное в Башкирскую АССР население в годы Великой Отечественной войны (1941 — 1945)» (2006), С. О. Козурмана «Эвакуированное и перемещенное население на территории Саратовской области в годы Великой Отечественной войны (1941 — 1945 гг.)» (2011), Н. Ю. Тол-

² Документы. Положение о Научной библиотеке ФГБОУ ВО «ЧГУ им. И.Н. Ульянова» от 22.11.2023 г. // Научная библиотека ЧГУ им. И. Н. Ульянова: [сайт]. URL: <http://library.chuvsu.ru/index.php?page=502000000> (дата обращения: 19.04.2026).

стовой «Эвакуированные в годы Великой Отечественной войны на территорию Чувашской АССР: организация размещения, социальная адаптация, трудовая деятельность» (2023) и др.

Наряду с вышеперечисленным, в библиотечном фонде представлены документы об эвакуационных госпиталях, в том числе «Сборник работ о лечении раненых и больных за время Великой Отечественной войны: по материалам тыловых эвакогоспиталей» (1946), труды Г. А. Алексеева «Эвакогоспитали Чувашии в годы Великой Отечественной войны. 1941 — 1945 гг.» (1991), Н. В. Овчинниковой, А. Г. Лешукова, В. Я. Рушанина, А. В. Лушниковой «Герои госпиталя 1722: Судьбы врачей, медицинского персонала и красноармейцев, находившихся на лечении в челябинском эвакогоспитале в годы Великой Отечественной войны» (2022) и др.

Организация и проведение эвакуации промышленных объектов рассмотрены в книгах Н. А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» (1948), Г. С. Кравченко «Военная экономика СССР, 1941 — 1945» (1963), М. И. Лихоманова «Организаторская работа партии в промышленности в первый период Великой Отечественной войны (1941 — 1942 гг.)» (1969), Г. А. Куманева «На службе фронта и тыла: железнодорожный транспорт СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938 — 1945» (1976), «Энергия Победы» (2005), «Военная экономика СССР — важнейший фактор Великой Победы (1941 — 1945 гг.)» (2015) и др.

Информация об эвакуации культурных ценностей отражена в книгах «Советская культура в годы Великой Отечественной войны» (1976), Л. В. Максаковой «Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны» (1977) и «Спасение культурных ценностей в годы Великой Отечественной войны» (1990), «Голос прошлого» (1991) и др.

Об отдельных аспектах реэвакуации пользователи библиотеки могут узнать из книги «Возрождение прифронтовых и освобожденных районов СССР в годы Великой Отечественной войны, 1941 — 1945» (1986) и др.

С учетом того, что большинство пользователей библиотеки образовано обучающимися, то целесообразно выделить в отдельный блок документов, адресованных студентам, а именно, учебных и методических пособий, затрагивающих те или иные аспекты эвакуации в годы Великой Отечественной войны: «Экономическая история СССР» (1967), «Советский тыл в годы Великой Отечественной войны» (1986), Е. В. Суховой «Чувашия в годы Великой Отечественной войны: единство фронта и тыла. Социальный и духовный аспекты» (2002), С. В. Ильина «Экономическая история России» (2015), О. В. Андреева, В. В. Андреева, Д. А. Ялтаева «Великая Отечественная война: изучение, сохранение памяти и преподавание» (2020), Г. М. Ипполитова, Т. В. Филатова «СССР в годы Великой Отечественной войны (2 июня 1941 — 9 мая 1945)» (2022) и др.

Следует упомянуть и об уникальных книгах, опубликованных в Чувашском книжном издательстве в период Великой Отечественной войны, и хранящихся в фонде сектора редких книг и рукописей Научной библиотеки, в том числе: К. С. Турхан «Атакъра» («В атаке», 1941 г.), К. В. Кудряшов «Героические образы прошлого» (1942), М. Н. Данилов-Чалдун «Фронтра» («На фронте», 1944 г.), сборник «Чувашский народ в помощь фронту» (1944), М. А. Андреев «Чувашия в Великой Отечественной войне» (1945) и др. Этим

изданиям посвящена специальная выставка, подготовленная сотрудниками вузовской библиотеки³.

В целом для ознакомления пользователей с документами, содержащими информацию об истории Великой Отечественной войны и эвакуации как ее неотъемлемой части, в университетской библиотеке использованы разнообразные формы выставок. Например, к 65-летию Победы организована тематическая выставка, на которой представлены публикации, рассказывающие о роли библиотек в годы войны, о колоссальном труде библиотекарей, сумевших с честью перенести тяжелые испытания военного времени⁴; к 70-летию Победы — виртуальная книжная выставка «Память нужна живым», повествующая о деятельности и подвигах медиков в эвакогоспиталях и других медицинских учреждениях Чувашии в годы Великой Отечественной войны⁵. Виртуальная книжная выставка «Великая Отечественная война в воспоминаниях преподавателей ЧГУ им. И. Н. Ульянова» — это дань памяти 200 преподавателям и сотрудникам вуза — участникам Великой Отечественной войны⁶.

Примечательно, что крупнейшей научной библиотекой Чувашской Республики организованы не единичные выставки, а циклы выставок, объединенных одной темой и представленных в отделах, на абонементных и в читальных залах факультетов. Так, в преддверии празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне сотрудниками Научной библиотеки Чувашского государственного университета подготовлены следующие книжные выставки: «Не уйдет из памяти война народная» (читальный зал строительного факультета); «Маршалы Победы» (абонемент естественнонаучных и технических факультетов); «Подвигу жить в веках» (фойе корпуса Г); «Салют Победы» (читальный зал машиностроительного факультета); «Спасая жизни» (читальный зал медицинского факультета); «Бессмертен их подвиг: преподаватели и сотрудники ЧГУ — участники Великой Отечественной войны» (абонемент исторического, географического, юридического факультетов); «Строка, оборванная пулей» (абонемент художественной и научной литературы); «Война и Победа — вечно в наших сердцах» (читальный зал периодики); «И память о войне нам книга оставляет» (отдел редких книг и рукописей). При этом в читальном зале строительного факультета наряду с книжной выставкой представлены стенгазеты студентов строительного факультета, рисунки школьников, фотографии прадедов студентов — участников Великой Отечественной войны⁷.

³ Книги, изданные в Чувашии в годы Великой Отечественной войны: виртуальная выставка книг из фонда сектора редких книг и рукописей Научной библиотеки ЧГУ им. И. Н. Ульянова. URL: <http://library.chuvsu.ru/news/Virtual%20exhibitions/Книги,%20изданные%20в%20период%20ВОВ.pdf> (дата обращения: 19.04.2026).

⁴ Сохранить память о войне, о подвиге нашего народа — наш долг // Научная библиотека ЧГУ им. И. Н. Ульянова: [сайт]. URL: <http://library.chuvsu.ru/index.php?page=701000024> (дата обращения: 19.04.2026).

⁵ Память нужна живым: виртуальная выставка книг из фонда Научной библиотеки ЧГУ им. И. Н. Ульянова. URL: <http://library.chuvsu.ru/news/Virtual%20exhibitions/Память%20нужна%20живым.pdf> (дата обращения: 19.04.2026).

⁶ Великая Отечественная война в воспоминаниях преподавателей ЧГУ им. И. Н. Ульянова: виртуальная выставка книг из фонда Научной библиотеки ЧГУ им. И. Н. Ульянова. URL: <http://library.chuvsu.ru/news/Virtual%20exhibitions/Великая%20Отечественная%20война%20в%20воспоминаниях.pdf> (дата обращения: 19.04.2026).

⁷ Цикл выставок, посвященных 70-летию Победы в Великой Отечественной войне // Научная библиотека ЧГУ им. И. Н. Ульянова: [сайт]. URL: <http://library.chuvsu.ru/?eventid=97> (дата обращения: 26.04.2026).

К одному из действенных средств патриотического воспитания подрастающего поколения отнесены различные мероприятия, посвященные Великой Отечественной войне, проводимые в стенах вузовской библиотеки, — встречи и презентации. К примеру, 13 мая 2022 г. в библиотеке организовано мероприятие «Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны» с участием обучающихся и преподавателей, библиотечных работников, а также представителей Чебоксарско-Чувашской епархии⁸.

Заключение

Сотрудниками Научной библиотеки Чувашского государственного университета проведена значительная работа по сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне, в том числе и об эвакуации в военные годы, формированию патриотического сознания и трансляции памяти о подвигах предков следующим поколениям. Собранные в ней информационные ресурсы, представленные книгами, периодикой, рукописями, а также личными библиотеками ученых университета, известных деятелей науки и культуры, позволяют обеспечить доступ к разнообразной информации (в том числе и в электронном виде) для качественной организации образовательного процесса студентов и научно-исследовательской деятельности профессорско-преподавательского состава.

Среди практикуемых форм представления информации — традиционные библиографические списки литературы, справочно-информационные издания, электронные презентации, традиционные и виртуальные выставки книг. На наш взгляд, в качестве пожелания для усовершенствования деятельности в контексте сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне может быть сформулировано предложение о необходимости активизации деятельности по обеспечению возможности свободного удаленного доступа к достоверным историческим источникам из библиотечных баз и созданию путеводителей по тематическим ресурсам различных образовательных и культурных учреждений, представленным в интернете.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Костицина А. В. «Живая память»: тема Великой Отечественной войны в социокультурной деятельности библиотеки вуза // Библиотека как ресурс сохранения исторической памяти региона: сборник тезисов по материалам IV Межрегионального научно-практического семинара (Горловка, 27 сентября 2024 г.). Горловка: Донецкий гос. пед. ун-т им. В. Шаталова, 2024. С. 39 — 42.
2. Никитина Н. Д. Научная библиотека ЧГУ имени И. Н. Ульянова: история, современное состояние и перспективы развития // Современное общество: актуальные проблемы и перспективы развития в социокультурном пространстве: сборник научных статей по итогам VII Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 31 марта 2020 г.) / под ред. Г. Н. Петрова. Чебоксары: Плакат, 2020. С. 146 — 155.
3. Потемкина М. Н. Организационный опыт эвакуации промышленных предприятий в 1941 — 1942 гг.: проблемы и результаты // Уральский исторический вестник. 2025. № 1 (86). С. 62 — 70.
4. Роль библиотек в сохранении памяти о Великой Отечественной войне: материалы межрегиональной (с международным участием) научно-практической конференции, посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 годов (Оренбург, 17 апреля 2025 г.). Оренбург: Оренбург. обл. универсал. науч. б-ка им. Н. К. Крупской, 2025. 240 с.

⁸ Мероприятие «Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны» // Научная библиотека ЧГУ им. И. Н. Ульянова: [сайт]. URL: <http://library.chuvsu.ru/index.php?eventid=510> (дата обращения: 19.04.2026).

5. Селезнева И. О. Великая Отечественная война через призму молодежного восприятия: сохранение исторической правды // *Международная жизнь*. 2026. № 1. С. 108 — 111.

6. Сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне: роль библиотек: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 14 — 15 мая 2025 г.). Москва: Пашков дом, 2025. 418 с.

7. Хуаде М. А., Протасова Н. С. Научно-исследовательский проект «Герои Великой Отечественной войны живы, пока жива о них память» Научной библиотеки Кубанского государственного университета // *Казачество на страже рубежей Отечества: материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 215-летию генерал-лейтенанта Я. П. Бакланова* (Новочеркасск, 6 — 7 июня 2024 г.). Москва: Рос. гос. б-ка, 2024. С. 584 — 589.

REFERENCES

1. Kostitsina A. V. “Living Memory”: the Theme of the Great Patriotic War in the Sociocultural Activities of a University Library // *Library as a Resource for Preserving the Historical Memory of the Region: Collection of Theses Based on the Materials of the IV Interregional Scientific and Practical Seminar* (Gorlovka, September 27, 2024). Gorlovka;2024:39 — 42. (In Russ.)

2. Nikitina N. D. The Scientific Library of I. N. Ulyanov Chuvash State University: History, Current State, and Development Prospects // *Modern Society: Current Problems and Development Prospects in the Sociocultural Space: a collection of scientific articles based on the results of the VII International Scientific and Practical Conference* (Cheboksary, March 31, 2020). Cheboksary;2020:146 — 155. (In Russ.)

3. Potemkina M. N. Organizational experience of evacuating industrial enterprises in 1941 — 1942: problems and results // *Ural Historical Bulletin*. 2025;1(86):62 — 70. (In Russ.)

4. The role of libraries in preserving the memory of the Great Patriotic War: materials of an interregional scientific and practical conference with international participation, dedicated to the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War of 1941 — 1945 (Orenburg, April 17, 2025). Orenburg;2025:240. (In Russ.)

5. Selezneva I. O. The Great Patriotic War through the lens of young people’s perception: preserving historical truth // *Mezhdunarodnaya zhizn*. 2026;1:108 — 111. (In Russ.)

6. Preserving the historical memory of the Great Patriotic War: the role of libraries: materials of the All-Russian scientific and practical conference (Moscow, May 14 — 15, 2025). Moscow;2025:418. (In Russ.)

7. Huade M. A., Protasova N. S. Research project “Heroes of the Great Patriotic War are alive as long as their memory lives on” at the Scientific Library of Kuban State University // *Cossacks on Guard of the Fatherland’s Borders: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference dedicated to the 215th anniversary of Lieutenant General Ya. P. Baklanov* (Novocherkassk, June 6 — 7, 2024). Moscow;2024:584 — 589. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.06.2026;
одобрена после рецензирования 31.08.2026; принята к публикации 04.09.2026

Информация об авторах:

Михайлова Светлана Юрьевна, профессор
Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 15),
доктор исторических наук,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4519-4614>, svemikh1@rambler.ru

Музыкава Алина Леонидовна, независимый исследователь,
кандидат исторических наук,
<https://orcid.org/0000-0002-0007-5518>, alinasmirnova@list.ru

Вклад авторов:

Михайлова С. Ю. — разработка концепции статьи,
сбор и анализ материала;

Музыкава А. Л. — сбор и анализ материала, редактирование
и подготовка текста статьи.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 08.06.2026;
approved after reviewing 31.08.2026; accepted for publication 04.09.2026

Information about the authors:

Svetlana Yu. Mikhailova, professor,

I. N. Ulyanov Chuvash State University

(15, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),

Doctor of Historical Sciences,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4519-4614>, svemikh1@rambler.ru

Alina L. Muzyakova, independent researcher,

Candidate of Historical Sciences,

<https://orcid.org/0000-0002-0007-5518>, alinasmirnova@list.ru

Contribution of the authors:

Mikhailova S. Y. — development of the concept of the article,
collection and analysis of the material;

Muzyakova A. L. — collection and analysis of the material,
editing and preparation of the text of the article.

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 08.06.2026 ڇитнѐ;

рецензиленѐ хыџџан 31.08.2026 ырланă; 04.09.2026 пичете йышаннă

Авторсем ڇинчен:

Михайлова Светлана Юрьевна, И. Н. Ульянов ячѐллѐ

Чăваш патшалăх университетѐн профессорѐ

(428015, Раџсей, Шупашкар хули, Мускав пр., 15),

истори аслăлăхѐсен докторѐ,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4519-4614>, svemikh1@rambler.ru

Музякова Алина Леонидовна, ирѐклѐ тѐпчевѐ,

истори аслăлăхѐсен кандидатѐ,

<https://orcid.org/0000-0002-0007-5518>, alinasmirnova@list.ru

Авторсем тўни:

Михайлова С. Ю. — статья концепцине палăртнă,

материал пухса тишкернѐ;

Музякова А. Л. — материал пухса тишкернѐ, статья текстне

редакцилесе пичете хатѐрленѐ.

Пайталăх конфликчѐ: авторсем пайталăх конфликчѐ ڇуккине пѐлтереџѐ.

Авторсем ал ڇырăвăн юлашки вариантне вуласа тухнă, ырланă.

УДК 930:94(470.344)''15/16''

ББК 63.3(2 Рос.Чув)4

Научная статья

РАССЕЛЕНИЕ «ЯСАЧНЫХ ЧУВАШЕЙ» В XVI — XVII ВЕКАХ В КАРТОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

С. В. Охотникова

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
svetlana-goncharova7@rambler.ru

Аннотация. В статье представлен историографический обзор применения методов исторического картографирования для изучения расселения «ясачных чувашей» и «служилых татар» на территории Казанского и Свияжского уездов в XVI — XVII вв. Анализируется эволюция подходов к картографированию — от первых схематических карт середины XX в. до современных цифровых реконструкций с использованием географических информационных систем (ГИС). Автором рассмотрены ключевые работы чувашских и татарских исследователей (В. Д. Димитриев, Р. Г. Галлямов, Г. И. Аминова, Н. С. Мясников, Н. С. Березина и др.), включающие карты, а также коллективные проекты по реконструкции административно-территориального деления. В статье показано, каким образом картографирование позволило визуализировать этносоциальную мозаику региона, выявить зоны смешанного проживания, динамику переселений и процессы языковой и религиозной ассимиляции населения; отмечены основные источниковедческие проблемы (фрагментарность данных, изменчивость этнического статуса, сложность локализации селений) и перспективы дальнейших исследований, включая создание серий динамических карт и междисциплинарный анализ ландшафта, дорог и оборонительных линий. В результате сделан вывод, что историко-картографический метод, особенно в сочетании с геоинформационными технологиями, является эффективным инструментом пространственного анализа этносоциальных процессов в Среднем Поволжье.

Ключевые слова: ясачные чуваше, служилые татары, историческое картографирование, ГИС-технологии, Казанский уезд, Свияжский уезд, расселение

Для цитирования: Охотникова С. В. Расселение «ясачных чувашей» в XVI — XVII веках в картографических материалах: историографический обзор // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 3. С. 54 — 74

© Охотникова С. В., 2026

Scientific article

THE RESETTLEMENT OF THE “YASAK CHUVASH” IN THE 16TH — 17TH CENTURIES IN CARTOGRAPHIC MATERIALS: A HISTORIOGRAPHIC REVIEW

S. V. Okhotnikova

Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia
svetlana-goncharova7@rambler.ru

Abstract. The article presents a historiographical overview of the application of historical cartographic methods to study the settlement of “Yasak Chuvash” and “Service Tatars” in the Kazan and Sviyazhsk districts in the 16th — 17th centuries. The evolution of cartographic approaches is analysed — from the first schematic maps of the mid-20th century to modern digital reconstructions using geographic information systems (GIS). The author examines the key works of Chuvash and Tatar researchers (V. D. Dimitriev, R. G. Gallyamov, G. I. Aminova,

N. S. Myasnikov, N. S. Berezina, and others), which include maps, as well as collective projects aimed at reconstructing the administrative-territorial division. The article demonstrates how mapping made it possible to visualize the ethnosocial mosaic of the region, identify zones of mixed settlement, the dynamics of resettlement, and the processes of linguistic and religious assimilation of the population; it highlights the main source-related problems (the fragmentary nature of the data, the variability of ethnic status, the difficulty of locating settlements) and the prospects for further research, including the creation of series of dynamic maps and an interdisciplinary analysis of the landscape, roads, and defensive lines. The article concludes that the historical-cartographic method, especially when combined with geoinformation technologies, is an effective tool for the spatial analysis of ethnosocial processes in the Middle Volga region.

Keywords: Yasak Chuvash, Service Tatars, historical cartography, GIS technologies, Kazan Uezd, Sviyazhsky Uezd, settlement patterns

For citation: Okhotnikova S. V. The resettlement of the “Yasak Chuvash” in the 16th — 17th centuries in cartographic materials: a historiographic review // Modern humanities. 2026;2(3):54 — 74

Äsläläx statiiu

«ЯСАК ЧАВАШЁСЕМ» XVI — XVII ЁМЁРСЕНЧЕ ПУРÄННÄ ВЫРÄНСЕНЕ КАРТОГРАФИ МАТЕРИАЛЁНЧЕ ПАЛÄРТНИ: ИСТОРИОГРАФИ ТИШКЕРЁВЁ

С. В. Охотникова

Чăваш патшалăх гуманитарĕ аслăлăхĕсен институчĕ,
Шупашкар хули, Раççей
svetlana-goncharova7@rambler.ru

Аннотаци. XVI — XVII ёмёрсенче Хусан тата Сёве уесёсенче пурăннă «ясак чăвашёсеме» «хёсмет тутарёсене» халалланă тĕпчевсенчен чылайăшне картографи материалне кĕртнĕ. Статъяра сак ёсенче истори картографийĕн меслечёе усă курнин историографине пăхса тухнă. Картографи аталанăвĕн съл-йёрне — XX ёмёр варринчи пирвайхи схемăллă карттăсенчен пусласа хальхи вăхăтри геоинформаци системине (ГИС) тĕпе хурса тăвакан цифра реконструкциясене таранах — тишкернĕ. Автор чăваш тата тутар тĕпчевсисен (В. Д. Димитриев, Р. Г. Галлямов, Г. И. Аминова, Н. С. Мясников, Н. С. Березина тата ыт.) карттăсеме иллюстрациленĕ тĕп ёсёсене, ушкăнпа хатĕрленĕ тĕрлĕ вăхăтри администрацие территории пайланăвне кăтартакан проектсене пăхса тухнă. Статъяра картографи материалёсем этносеме социаллă ушкăнсем регионта мĕнле вырнаçнине курăмлă тума, хутăш пурăнакан тăрăхсене тупса палăртма, сынсем пĕр сĕртен тепĕр сĕре куçса ларнине тата чĕлхе е тĕн ассимиляциян процесёсене сăнама май панине кăтартса панă. Кунсăр пуçне тишкерĕ ёсĕнчи йывăрлăхсене (истори сăлкуçсем тулли пулманни, ушкăнсен этнос статусĕ ушăнма пултарни, тепĕр чухне ялсен вырăнне татăклăн палăртма сукки) тата малашнехи тĕпчев съл-йёрне (тĕслĕхрен, вăхăт иртнĕсем пулнă улшăнусене кăтартакан карттăсен ярамне хатĕрлесси; ландшафт уйрăмлăхсене, сълсен тата хўтĕлев чиккисен уйрăмлăхсене тĕрлĕ дисциплина шайёнче пĕрлешсе пăхса тухасси) палăртнă. Тишкерĕ пĕтĕмлетёвĕнче истори картографийĕн меслечĕ (уйрăмах ку меслетпе пĕрле геоинформаци технологийёсеме те усă курсан) Вăтам Атăл таврашĕнчи этносеме тата социаллă ушкăнсен процесёсене тĕпче пулăшакан тухăслă хатĕр пулнине палăртнă.

Тĕп сăмахсем: ясак чăвашёсем, хёсмет тутарёсем, истори картографийĕ, ГИС технологийёсем, Хусан уесĕ, Сёве уесĕ, халăхсем вырнаçни

Цитатăлама: Охотникова С. В. «Ясак чăвашёсем» XVI — XVII ёмёрсенче пурăннă вырăнсене картографи материалёнче палăртни: историографи тишкерёвĕ // Хальхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 3 №. С. 54 — 74

Введение

Особенности территориального размещения этносов оказывают весьма существенное влияние на этнические процессы. Однако для правильного понимания этнической ситуации изучения лишь сложившегося расселения народов и современной их численности явно недостаточно: к этим процессам необходимо подходить исторически. Расселение «ясачных чувашей» в Среднем Поволжье в XVI — XVII вв. — ключевой процесс формирования современного этнокультурного ландшафта региона. Историческое картографирование здесь выступает мощным инструментом анализа.

Цель данной статьи — систематизировать и проанализировать опыт применения методологии картографирования в современных исторических исследованиях, посвященных реконструкции и изучению процессов расселения многочисленной группы населения Среднего Поволжья — «ясачных чувашей» — в период после присоединения Казанского края к Русскому государству, а также показать возможности историко-картографического подхода в изучении этносоциальных процессов в Казанском крае в XVI — XVII вв. Актуальность данного исследования обусловлена современными потребностями исторической науки, где анализ расселения предполагает пространственную визуализацию исторических источников.

Материалы и методы

Источниками исследования выступили изданные в разные годы труды, содержащие картографические материалы о расселении «ясачных чувашей» в XVI — XVII вв. При написании статьи применены принципы историзма, объективности и системности, использованы сравнительно-исторический метод исследования и историко-картографический анализ. Сравнительно-исторический метод применялся для сопоставления различных картографических и нарративных источников, а также выявления эволюции подходов к отображению расселения «ясачных чувашей». Историко-картографический анализ был направлен на изучение методики создания карт, способов визуализации этнических и административных границ, а также на оценку степени достоверности и репрезентативности картографических материалов.

Результаты исследования и их обсуждение

В настоящее время исследователи сходятся во взглядах относительно социального статуса «ясачных чувашей», упоминаемых в исторических источниках XVI — XVII вв. Они рассматриваются как феодально-зависимые жители Казанского края, известные как «черный люд», которые проживали в общинах, выплачивая натуральный налог (ясак) и различные налоги. Как татарские, так и чувашские ученые придерживаются одинаковой точки зрения на территорию расселения «ясачных чувашей». Считается, что основная часть этого населения проживала в центральной части Казанского ханства и на правобережье Волги. После вхождения ханства в состав Русского государства и изменений в административном делении они оказались главным образом на территории Казанского и Свияжского уездов [23, с. 21].

Географические рамки исследования ограничены территорией расселения «ясачных чувашей» в рассматриваемый период. Во второй половине XVI в. в Среднем Поволжье была создана новая система административно-территориального деления и воеводская система управления. После присоединения Казанского ханства к Русскому государству его территория была разделена на два уезда — Казанский и Свияжский. К Свияжскому уезду отошли Горные районы (Правобережье),

населенные в основном чувашами, марийцами, мордвой, частично татарами. В середине XVI в. северо-восточные пределы Свияжского уезда выходили к Волге. Южная граница уезда на востоке проходила по северной части Камско-Устьинского и центральной части Апастовского районов Татарстана. Юго-западный угол Свияжского уезда находился в районе р. Кошлаушки (Вурнарский муниципальный округ Чувашии). Оттуда граница между уездами шла на север по р. Тюръяры, а затем до Волги — по р. Цивиль [11, с. 5 — 6].

Казанский уезд оформился во второй половине XVI в. из большей части земель бывшего Казанского ханства и включал обширные территории левобережья Волги. Население Казанского уезда составляли чувашаи, татары, а также марийцы, башкиры, удмурты и другие народы края.

Первые описания присоединенных земель, проведенные в 1560-е гг., зафиксировали границы указанных уездов. В исторической литературе традиционно принято считать, что естественной границей между ними была р. Волга. В материалах писцовых книг второй половины XVI — первой половины XVII в. отразилась динамика изменения границ территорий уездов, свидетельствующая, что речная граница была лишь временной. В частности, по ним можно проследить изменение южных и западных границ Казанского уезда: с 1570-х гг. планомерно происходил процесс их расширения за счет освоения земель в округе крепости Тетюши [22, с. 163 — 169]. В целом внешние границы Казанского и Свияжского уездов вплоть до середины XVII в. были очень неопределенными, особенно с юга и юго-востока [8, с. 69].

Историко-картографический метод исследования исторических процессов хорошо известен в отечественной историографии. Особое значение он имеет для реконструкции процессов расселения, позволяя визуализировать социальную и этническую мозаичность Казанского и Свияжского уездов, проследив границы расселения «ясачных чувашей» и «служилых татар». Изучение расселения данных групп населения имеет давнюю исследовательскую традицию. В послевоенный период рассматриваемая проблематика получила развитие в работах казанских исследователей. В 1950-е гг. наиболее полной картой селений Казанского ханства накануне его присоединения к Русскому государству была карта, составленная Н.Ф. Калининым и опубликованная в первом томе «Истории Татарской АССР» [16]. В этой карте было отмечено 167 селений, расположенных в Казанском и Свияжском уездах второй половины XVI в.

Повышенный интерес к разработке проблем картографического источниковедения и карте как инструменту познания исторических явлений ученые проявляли в 1960 — 1970-е гг. В этот период Е. И. Чернышев, опираясь на писцовые книги Казанского и Свияжского уездов XVI — начала XVII в., отметил на карте упомянутые в них селения [30, с. 274 — 275]. Кроме писцовых материалов им были привлечены межевые, переписные книги и другие делопроизводственные документы XVI в., археологические источники и сведения краеведов. Это дало возможность значительно пополнить перечень населенных пунктов Казанского ханства первой половины XVI в. и обозначить на картограмме 700 селений.

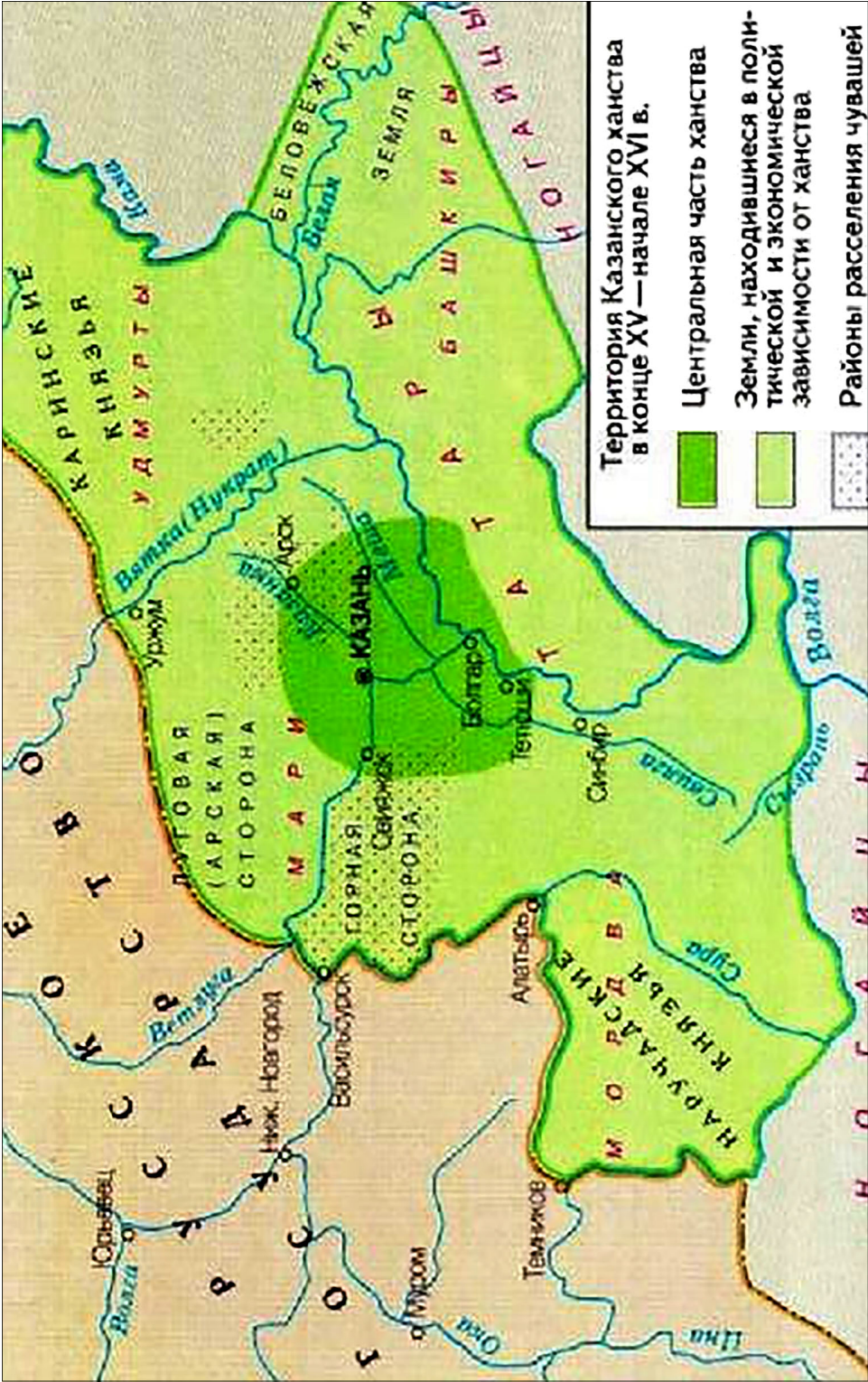
Исследователь отнес все населенные пункты левобережья Волги, упомянутые в писцовых книгах как селения «ясачных чувашей», к территории проживания этнических татар. Он придерживался мнения, что термин «ясачные чувашаи» в письменных источниках XVI — XVII вв. не имел этнического значения, а являлся социальным понятием, обозначавшим ясачное население Казанского края

в целом, из чего следовало, что ясачные татары упоминаются в русских письменных источниках под названием «ясачные чувашаи» [29, с. 275].

Современные исследования показали, что часть селений на карте Е. И. Чернышева локализована неверно, существование некоторых населенных пунктов вызывает сомнения [2]. Так, ученый включил в список все населенные пункты болгарских времен, в том числе существовавшие на территории Закамья в XII — XIII вв., но исчезнувшие во второй половине XIV — первой половине XV в. Имелись ошибки и в территориальной локализации административных единиц: в частности, был оставлен без внимания факт наличия в писцовой книге Казанского уезда 1565 — 1568 гг. Чувашской административной даруги. Несмотря на указанные недостатки, долгое время карта, составленная Е. И. Чернышевым, воспринималась историками без всякой критики.

В 1980 — 1990-е гг. интерес к картографическому методу в исторических исследованиях значительно снизился. Это было связано с тем, что разработанная методика во многом исчерпала себя [17]. С начала 2000-х гг. начался новый этап в применении историко-картографического метода для изучения расселения народов Среднего Поволжья, связанный с внедрением компьютерных технологий и переходом на цифровые методы картографирования. В этот период взгляды чувашских исследователей на территорию проживания «ясачных чувашей» в Казанском крае получили отражение при составлении карты «Расселение чувашей в начале XVI века», опубликованной в книге «Чуваши: этническая история и традиционная культура» без указания авторства (ил. 1). Карта наглядно демонстрирует, что ко времени присоединения Среднего Поволжья к России в середине XVI в. одна группа «ясачных чувашей» обитала в центральных и северных районах территории современной Чувашии (южная граница их земель проходила по р. Кубне), другая — в Приказанье и Заказанье. При ее составлении, несомненно, были учтены подсчеты В. Д. Димитриева, согласно которым по писцовой книге Казанского уезда 1602 — 1603 гг. на левобережной части Казанского ханства насчитывалось не менее 200 чувашских деревень (больше, чем татарских) [9, с. 40], по писцовым книгам Свияжского уезда в уезде было 29 чувашских и 11 татарско-чувашских деревень [11, с. 9]. Картографирование селений «служилых татар» в задачи авторов не входило.

На основе методов ретроспективного моделирования, исторического сопоставления и картографирования Р. Г. Галлямову удалось определить территориальные пределы политико-административных даруг в Казанском ханстве в привязке к сети его населенных пунктов (городам, селам, слободам). Для этих целей автором был привлечен имеющийся корпус письменных источников, прежде всего, писцовые книги Русского государства XVI — начала XVII вв. К работам татарского историка также прилагается карта-схема с ретроспективной реконструкцией податно-административных даруг — Арской, Алатской, Галицкой, Зюрейской, Ногайской и Крымской (ил. 2). Согласно гипотезе исследователя, территория проживания чувашского населения на Горной стороне Волги в административном плане относилась к так называемой Крымской (или Буртасской) даруге. В своих утверждениях Р. Г. Галлямов опирался на ранее установленный принцип устройства податно-административных даруг в Казанском ханстве в привязке к главным сухопутным торгово-дипломатическим трактам в государстве, при этом главным аргументом в пользу выдвинутой гипотезы стало наличие в ханский период на правобережье Волги Крымского сухопутного тракта, пролегавшего из Казани в Приазовье и Крым, на земли бывшего Крымского ханства.

Ил. 1. Казанское ханство в конце XV — начале XVI в. [13, обложка; 14, с. 37]

Ил. 2. Даруги Казанского ханства [6, с. 139; 7, с. 281]

По мнению Р. Г. Галлямова, вместо более поздней Зюрейской даруги Казанского уезда, первое упоминание которой в источниках относится лишь к 1573 — 1574 гг., в XV — первой половине XVI в. существовала Чувашская даруга, растянувшаяся широкой полосой от Казани на восток, вплоть до Средней Камы, с подразделением на Верхнюю, Среднюю (так называемую Иски-Юртовскую) и Нижнюю Чувашскую даруги [6]. Анализ выявленных названий даруг позволил ученому сделать вывод, что название «Чувашская даруга» в своей основе имело этносословное понятие, то есть наименование даруги связано с численным преобладанием на ее территории «ясачных чувашей». Под «чувашами» в данном случае автор понимал «черный люд» из числа податного булгаро-татарского населения Казанского ханства [7, с. 297, 305].

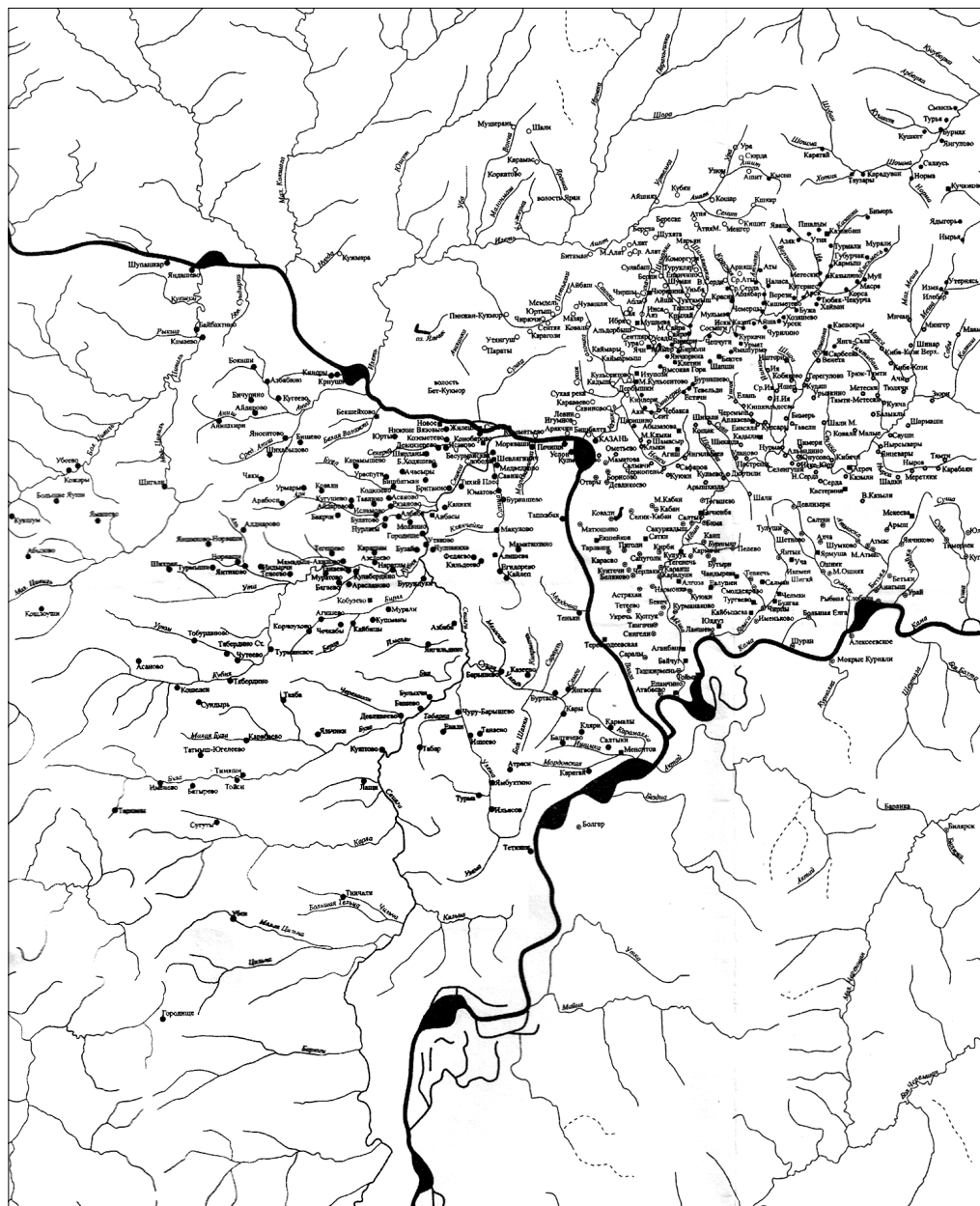
В этот же период проблемой картографирования селений Казанского ханства занималась Г. И. Аминова [2]. Ею была проведена большая работа по составлению списка населенных мест Казанского ханства, включившего в себя около 690 селений с указанием их географической и административной привязки (даруги, уезда). Наряду с источниками, использованными Е. И. Чернышевым, Г. И. Аминовой, были привлечены данные археологических исследований, чувашские исторические предания и татарские родословные (шеджере). На основании указанного списка была создана подробная карта центральной части Казанского ханства (ил. 3). К сожалению, этносословная маркировка обозначенных на карте селений не входила в задачи исследования. Однако накопленный опыт картографирования имел важное значение для дальнейших изысканий.

С 2010-х гг. исторические исследования акцентируют внимание на пространственных моделях расселения, реконструированных по материалам писцовых и переписных книг XVI — XVII вв. с применением ГИС-технологий (например, ArcGIS, QGIS, SAS.Planet). Основная идея ГИС — объединение данных о местоположении с другими типами информации, что позволяет создавать целостные картины происходящего на определенной территории. Например, в исторических исследованиях одна и та же территория может содержать информацию об археологических памятниках, административно-территориальном делении, местоположении дорог и населенных пунктов. ГИС на историческую тематику соединяют в себе результаты археологических раскопок, данные разнородных письменных источников, сведения учетно-статистического характера и картографические материалы, проходящие перед включением в ГИС обработку и преобразование. Осуществляя анализ этих материалов во взаимосвязи, ГИС формируют новые знания и представляют их в современных формах [3, с. 121].

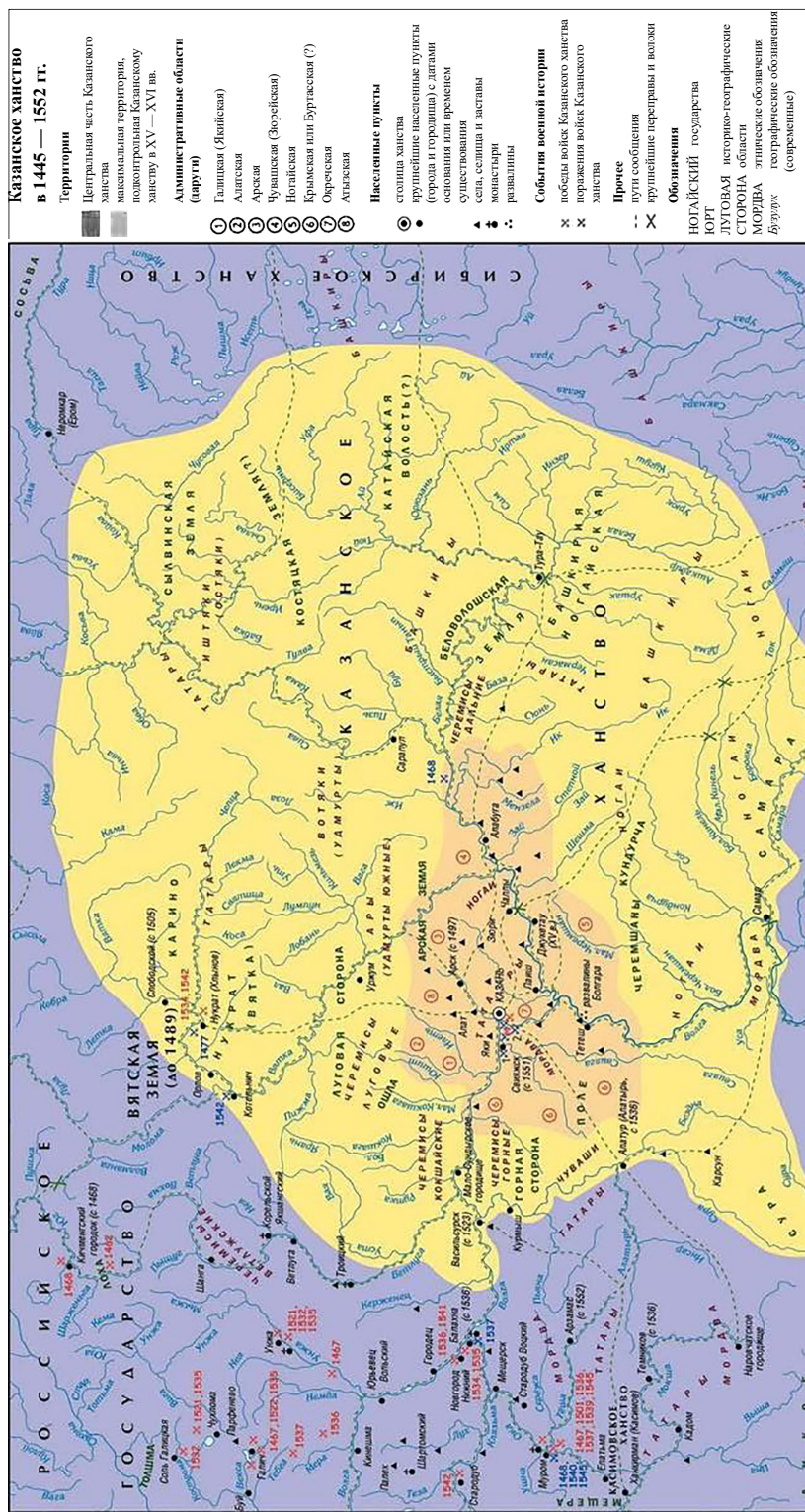
Для лучшего понимания специфики создания современных карт рассмотрим подробнее возможности применяемых ГИС-технологий. Основные объекты, с которыми пользователь работает в ГИС — это картографические слои (layers). Обычный слой представляет собой таблицу, каждой строке которой соответствует один объект на карте. При разработке карты исследователь создает несколько отдельных тематических слоев на одной картографической основе. По возможности для прослеживания динамики следует показать процесс во времени, создав серию карт на разные даты (например, 1550-е, 1600-е, 1650-е гг.). Таким образом, использование ГИС-технологий при наличии необходимой источниковой базы позволяет создавать многослойные и динамичные карты, обеспечивающие высокий уровень информативности. Однако источники о расселении «ясачных чувашей»

шей» и «служилых татар» Казанского и Свияжского уездов достаточно малочисленны. Рассмотрим имеющийся опыт применения ГИС-технологий в условиях весьма ограниченной источниковой базы.

Историко-картографический подход в анализе расселения данных групп был применен в коллективном проекте Института истории им. Ш. Марджани АН РТ «История татар». В четвертом томе издания была опубликована карта «Казанское ханство в 1445 — 1552 гг.», автором которой является историк-картограф

Ил. 3. Административная карта Казанского ханства [2, вкладка]

Ил. 4. Казанское ханство в 1445 — 1552 гг. [15, с. 1084]

А. А. Астайкин (ил. 4). Для нанесения локализаций административных областей (даруг) и населенных пунктов по сведениям переписных книг использовались ГИС-технологии.

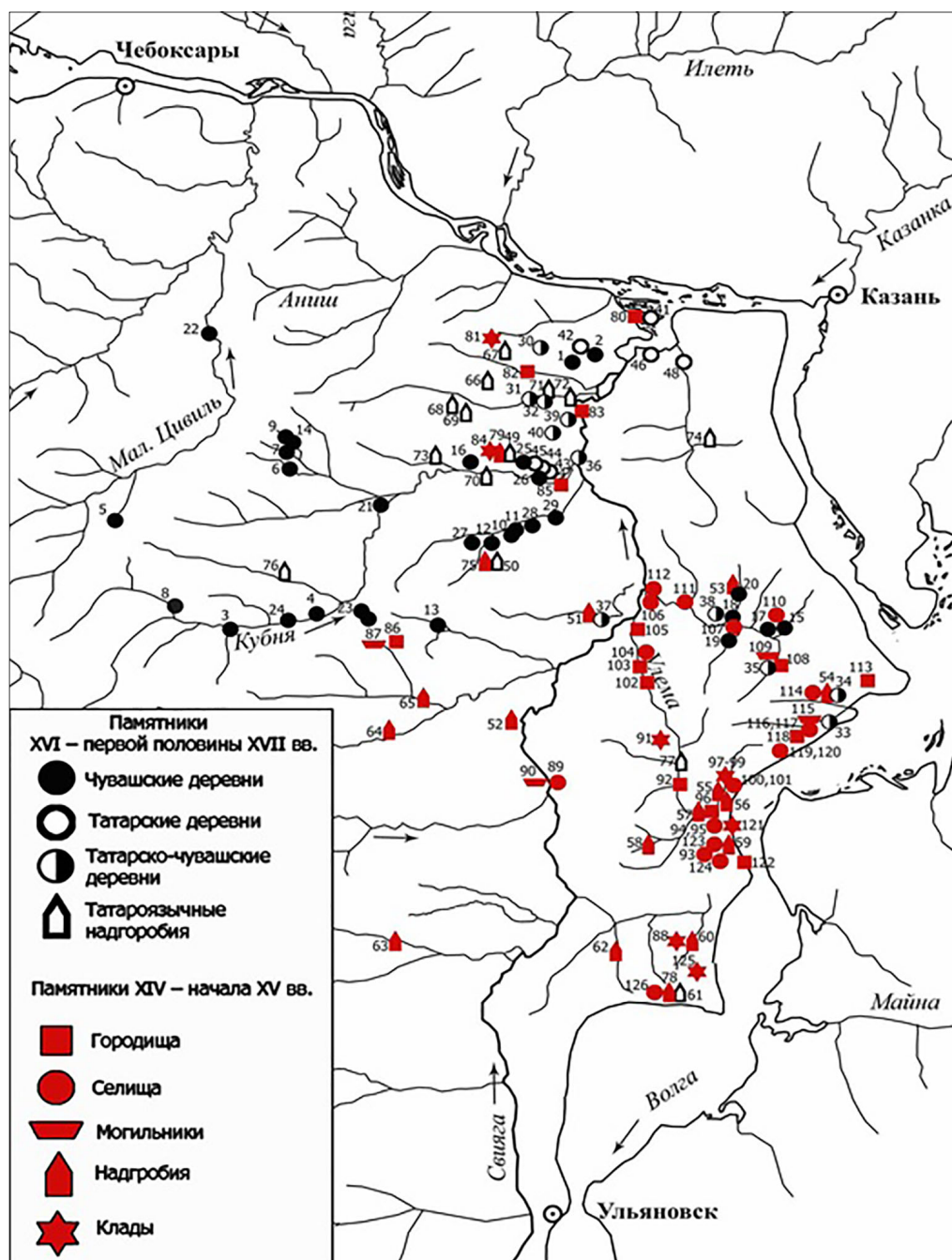
В основу данной карты были положены результаты исследований казанских ученых. Среди них преобладали взгляды одного из авторов коллективного труда Д. М. Исакова, утверждавшего, что в Казанском уезде, являвшемся центром этнической территории казанских татар, чувашей не могло быть больше, чем татар, а термин «ясачные чувашаи» отражал социальное положение, а не этническую принадлежность этой категории населения: «...существование у казанских татар двух этносословных страт — “черни” (кара халык), именовавшейся в русскоязычных источниках XVI — XVII вв. “ясачными чувашами”, и социальных верхов, являвшихся потомками золотоордынских татар с клановым делением и со второй половины XVI в. именовавшимися “служилыми татарами”, является историческим фактом» [15, с. 790]. Рассматриваемая карта в полной мере отразила данную гипотезу, обозначив центральную часть Казанского ханства на момент его присоединения к Русскому государству как территорию проживания этнической общности татар, а территорией расселения чувашей — правобережные земли, подконтрольные Казанскому ханству.

В работах чувашских исследователей ГИС-технологии для анализа расселения «ясачных чувашей» были впервые использованы в исследовании К. М. Вериялова [4]. Создание «Карты булгарских археологических памятников XIV — начала XV века и населенных пунктов XVI — первой половины XVII века в Предволжье» базировалось на анализе писцовой книги Свияжского уезда 1565 — 1567 гг. и работах В. Д. Дмитриева [10; 11]. При картографировании археологических памятников автором были использованы труды Р. Г. Фахрутдинова [28] и Д. Г. Мухаметшина [18]. Кроме того, были привлечены этимологические данные К. Насыри об основании ряда татарских населенных пунктов Предволжья чувашами [20]. Целью проведенного исследования являлось наглядное сравнение расположения археологических памятников волжских булгар в период Золотой Орды и селений «ясачных чувашей» середины XVI — начала XVII в., а также одновременных им мусульманских эпитафий и татарских населенных пунктов на территории Предволжья (ил. 5).

Идентификация населенных пунктов XVI в. с современными названиями осуществлялась автором по соответствующим справочникам [21]. В случае, если название населенного пункта не сохранилось, его месторасположение отмечалось по близлежащим топографическим объектам, а в наиболее спорных случаях селения на карте не фиксировались. Автору удалось идентифицировать 29 «чувашских», 11 «чувашско-татарских» и 8 «татарских» деревень.

Составитель карты отметил ограниченность использованной источниковой базы. В писцовую книгу Свияжского уезда попало только то ясачное население, которое имело землевладения по соседству с помещичьими и монастырскими селениями, а также упомянутое в связи с переходом чувашских и татарских земель в руки русских феодалов, либо же при описании земель русских полоняников, проживавших в «чувашских» и «чувашско-татарских» селениях. Таким образом, на карте отмечена лишь малая часть нерусских деревень Свияжского уезда.

Проведенное картографирование позволило подтвердить и уточнить несколько важных выводов по поводу расселения «ясачных чувашей» и «служилых татар», сделанных чувашскими исследователями ранее. В период существования

Ил. 5. Карта булгарских археологических памятников XIV — начала XV в. и населенных пунктов XVI — первой половины XVII в. в Предволжье [4, с. 193]

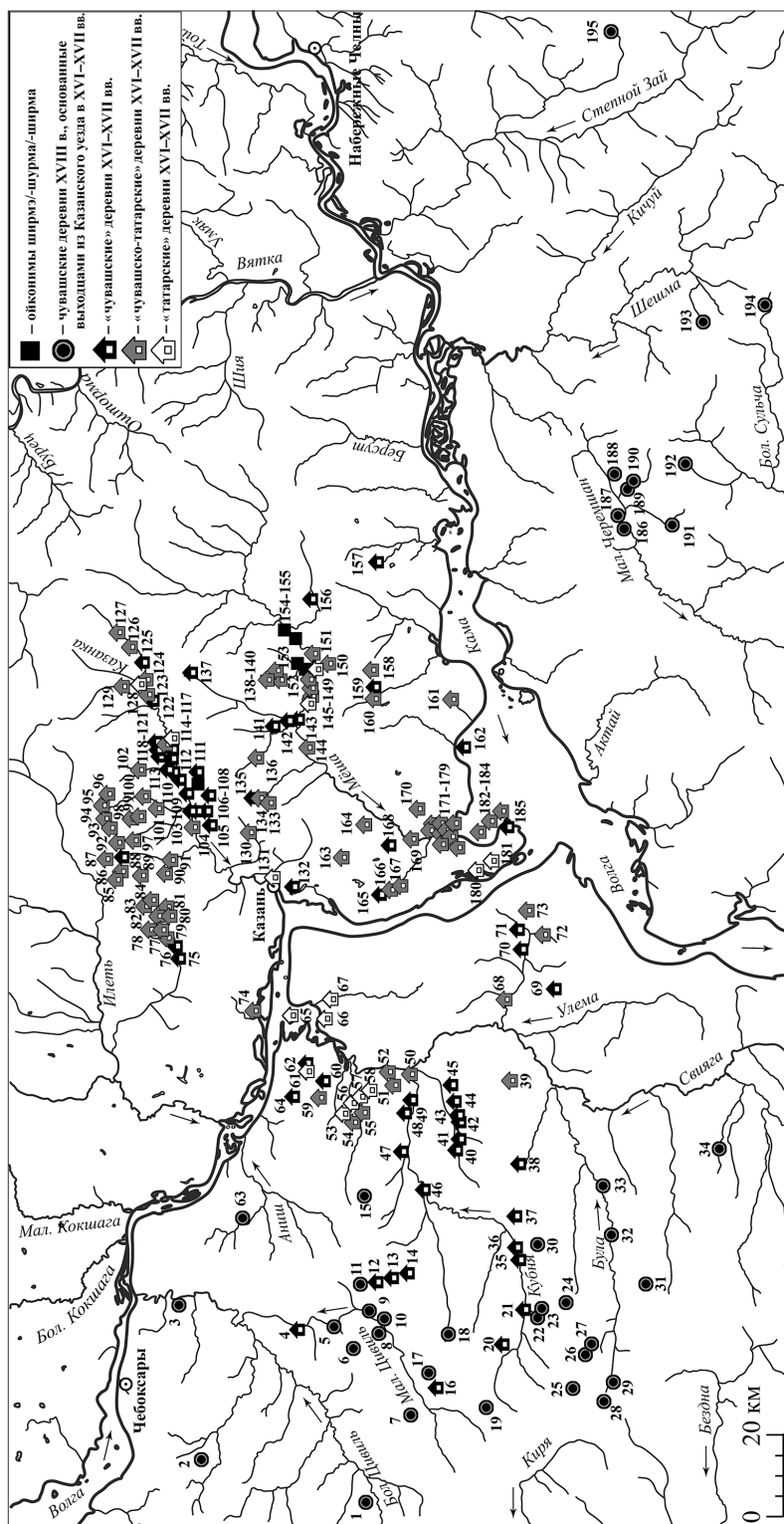
Казанского ханства территории к югу от рек Кубни и Сухой Улемы превращаются из-за набегов кочевников в Дикое поле, при этом происходит перемещение пост-булгарского населения в северные и северо-западные районы Предволжья.

Сравнение местонахождения ряда татароязычных мусульманских надгробий с поселениями «ясачных чувашей» свидетельствует о наличии совпадений в их расположении (например, Татарское Азлеево), что позволяет говорить о распространении у части данного населения мусульманства и татарского языка. Привлечение материалов археологических раскопок кладбищ с надгробиями этого периода (Тегешевский могильник) позволило утверждать, что там могли быть похоронены и язычники. Главным выводом автора стало утверждение, что «под “ясачной чувашей” могло упоминаться население различное как в религиозном (мусульмане/язычники), так и в языковом (чувашское/татарское) отношении» и тезис о «высокой степени этнической близости и даже неразделенности тогдашних “татар” и “чуваш”» [4, с. 193]. Таким образом, картографирование стало вспомогательным инструментом для наглядного подтверждения того факта, что в деревнях и селах Свияжского уезда, упомянутых в источниках XVI — XVII вв. как селения «ясачных чувашей», проживало этнически как чувашское, так и татарское население.

Кроме того, картографирование позволило выявить близкое расположение селений «ясачных чувашей», которые во второй половине XVII в. считались уже татарскими, к деревням «служилых татар». Наибольшая концентрация смешанных татарско-чувашских деревень, позднее ставших татарскими, на карте фиксируется на Нижней Свияге. Эти данные подтверждают высказанное чувашскими историками предположение, что «отатаривание» «ясачных чувашей» осуществлялось особенно интенсивно в местах близкого проживания с «татарами».

С помощью ГИС-технологий и путем анализа и обобщения накопленного материала чувашскими археологами Н. С. Мясниковым и Н. С. Березиной была составлена карта «Расселение “чувашей” и “татар” Казанского и Свияжского уездов в XVI — XVII вв.» (ил. 6). Главными источниками картографирования являлись писцовые книги г. Казани и уезда 1566 — 1568 гг., писцовая и межевая книги г. Свияжска и уезда 1565 — 1567 гг., писцовая книга Казанского уезда 1602 — 1603 гг. [24; 26; 27], а также многочисленные исследования В. Д. Димитриева о селениях Свияжского и Казанского уездов [9–13]. Среди последних особое значение имели списки левобережных чувашских деревень Казанского уезда, составленные по данным писцового описания г. Казани и Казанского уезда 1565 — 1568 гг., писцовой книги Казанского уезда 1602 — 1603 гг., отказных, отводных, отдельных, дозорных, межевых книг Казанского уезда 1642 — 1646 гг., переписной книги Казанского уезда 1678 г. и по данным публикации Б. Малова «Древние грамоты и разные документы: материалы для истории Казанской епархии» [13, с. 168 — 181].

В ходе работы авторами были обозначены на карте 68 «чувашских», 76 «чувашско-татарских» и 15 «татарских» деревень XVI — XVII вв., а также 38 чувашских деревень XVIII в., основанных выходцами из Казанского уезда в XVI — XVII вв. Селения «служилых татар» тяготеют к стратегическим населенным пунктам, таким как Казань, Свияжск, Тетюши. Напротив, «ясачные чуваше» в XVI — XVII вв. массово уходят на лесное правобережье Волги и в Заволжье, подальше от административных центров. Карта наглядно демонстрирует, что в XVII — XVIII вв. на территории современной Чувашии и в Закамье в Татарстане отдельными островками располагались чувашские деревни, переселившиеся

Ил. 6. Расселение «чувашей» и «татар» Казанского и Свияжского уездов в XVI — XVII вв. [19, с. 68 — 69]

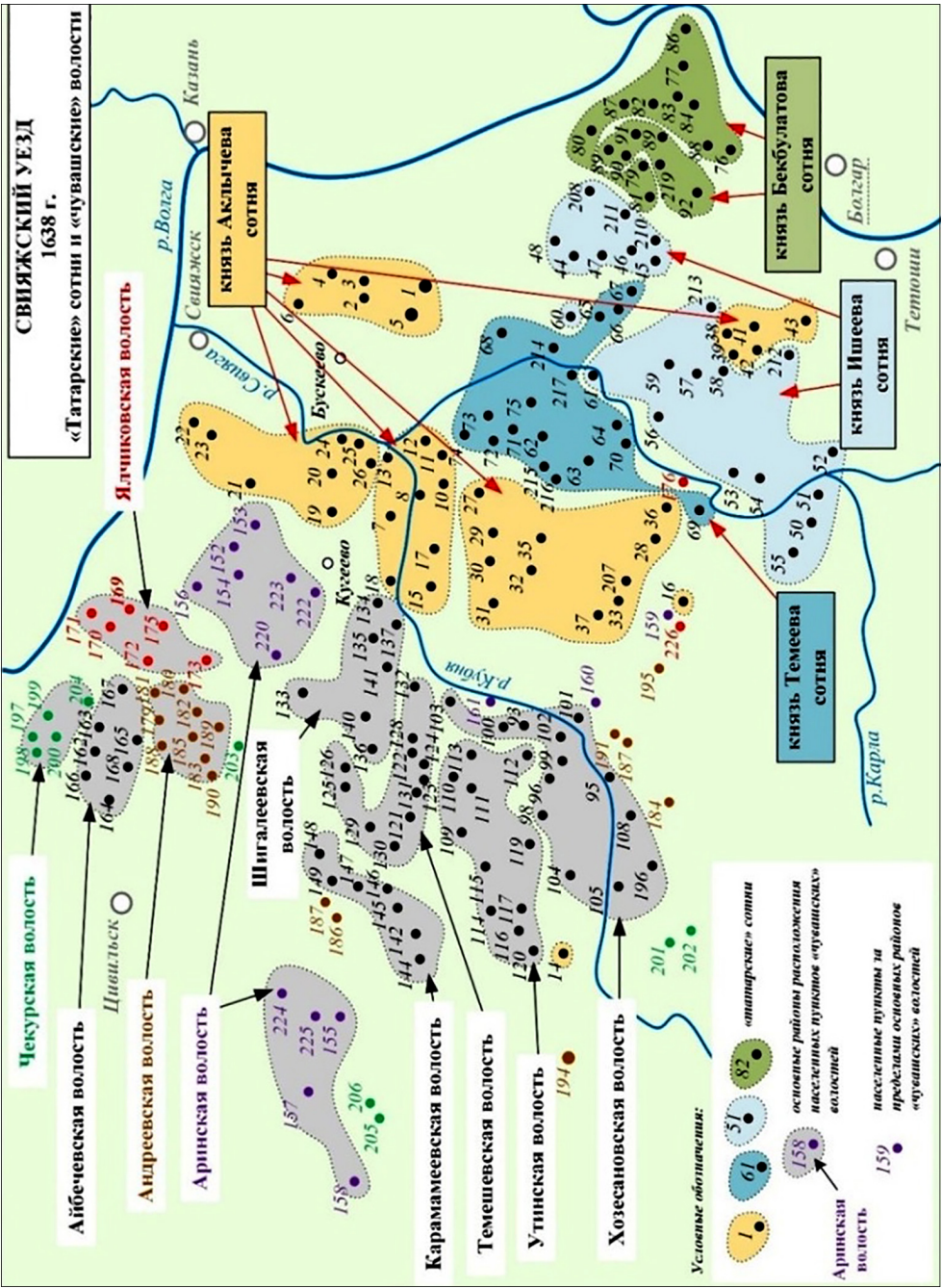
ся с левобережного Казанского уезда в XVI — XVII вв., но сохранявшие свою административную подчиненность до 1781 г. Их принадлежность к Казанскому уезду доказывает, что они переселились именно из ареала расселения «ясачных чувашей». Деревни, основанные «чувашами» Заказанья, до настоящего времени являются чувашскими, что свидетельствует о проживании в Казанском уезде в XVI — XVII вв. чувашезычного населения. Таким образом, картографирование не только позволило очертить районы расселения «ясачных чувашей» и «служилых татар» в XVI — XVII вв., но и проследить динамику и направления переселенческих процессов в XVIII в.

Реконструкция административно-территориального деления Свияжского уезда в первой половине XVII в. на основе сведений из материалов следственного дела 1638 г. о злоупотреблениях свияжского воеводы [25] была проведена казанскими историками М. М. Акчуриным и О. О. Владимировым. На созданной ими карте отмечены 226 селений десяти «чувашских» волостей (Хозесановской, Утинской, Темешевской, Шигалеевской, Карамамеевской, Аринской, Айбечевской, Ялчи-ковской, Андреевской, Чекурской) и четырех «татарских» сотен (князь Аклычевой, князь Ишеевой, князь Темеевой, князь Бекбулатовой). Целью исследования являлось изучение роли представителей татарской знати в структуре местного управления в правобережной части бывшего Казанского ханства, оказавшихся в составе Свияжского уезда (ил. 7). По этой причине при локализации селений авторы не разделяли населенные пункты на селения «ясачных чувашей» и «служилых татар». Однако при составлении карты ими было сделано наблюдение, что ясачные жители «татарских» сотен в отдельных документах обозначались «чувашами», также и в некоторых «чувашских» волостях жители могли быть указаны как «ясачные татары» [1, с. 163], что свидетельствует о смешанном проживании «чувашей» и «татар».

В ходе исследования авторами был сделан вывод, что после вхождения Горной стороны в состав Свияжского уезда «чувашские» волости находились в непосредственном ведении только уездной администрации. В четырех «татарских» сотнях, расположенных по соседству друг с другом и занимавших в 1623 г. около половины территории Свияжского уезда, наряду с русской уездной администрацией некоторыми группами местного населения продолжали управлять «по старине» татарские княжеские роды.

Составленная М. М. Акчуриным и О. О. Владимировым карта может составить основу для дальнейшего изучения расселения «ясачных чувашей» и «служилых татар» на территории Свияжского уезда в XVII в. Кроме того, анализ административно-территориального устройства, этнического и социального состава населения Свияжского уезда в XVII в. с привлечением историко-картографического подхода позволит в динамике проследить процесс «отатаривания» «ясачных чувашей».

В ходе картографирования исследователям приходилось сталкиваться с некоторыми проблемами. Прежде всего, трудностью является неполнота имеющихся источников, их данные часто фрагментарны. Не всегда является возможной точная локализация селений «ясачных чувашей» и «служилых татар», так как не все селения, упомянутые в писцовых книгах под старыми названиями, можно уверенно привязать к современной карте. Необходимо также учитывать тот факт, что «этнический статус» населения был весьма изменчив: часть служилых татар со временем могла перейти в ясачное состояние и, наоборот, в чувашских селениях могли жить ясачные татары.

Ил. 7. «Татарские» сотни и «чувашки» волости Свяжского уезда в 1638 г. [1, с. 166]

Несмотря на вышеперечисленные трудности, в настоящее время ученым удалось достигнуть значительных успехов в деле картографирования расселения «ясачных чувашей» в основных уездах Казанского края в XVI — XVII вв. Дальнейшее развитие данного проекта обладает значительными научными перспективами, но сопряжено с серьезными методологическими вызовами. Важным является создание ретроспективной картографической основы, однако реконструкция ландшафта Казанского края XVI — XVII вв. (границы лесов, болот, старые русла рек) является достаточно сложной задачей. Следующим шагом может стать привязка поселений «ясачных чувашей» и «служилых татар» к гидрографии (реки Кама, Волга, Свияга, Меша), дорогам, оборонительным линиям (засечные черты) и ресурсам (пашни, леса, бортные угодья).

Многообещающим может быть создание не одной статичной карты, а серии карт на ключевые даты с последующим анализом таких трансформаций, как добровольные и вынужденные переселения, изменение статуса селений (например, ясачное селение могло стать поместным), слияние, разделение, перенос деревень «ясачных чувашей» и «служилых татар». Подобная серия позволит выдвигать гипотезы о зонах контакта, взаимовлиянии и «отатаривании» части этнических чувашей в зонах плотного контакта со «служилыми татарами».

Дальнейшие перспективы картографирования расселения «ясачных чувашей» в XVI — XVII вв. весьма высоки, особенно с применением ГИС-методов. Оно позволит перевести изучение социальной истории региона на новый, визуальный и пространственно-аналитический, уровень. Однако успех проекта целиком зависит от тщательного анализа источников и применения междисциплинарного подхода, сочетающего навыки историка-архивиста, этнолога, лингвиста и картографа.

Данную работу по картографированию населенных пунктов Казанского края необходимо продолжить и для последующих столетий с привлечением материалов ревизий. Изучением расселения татар XVIII — XIX вв. на территории Восточного Закамья и Западного Приуралья современными геоинформационными методами успешно занимаются татарские коллеги из Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан [5]. Результаты их работы подчеркивают значение историко-картографического метода как инструмента выявления закономерностей этнокультурной динамики и пространственного анализа исторических источников, что открывает перспективы для интеграции подобных исследований в более широкие региональные и междисциплинарные проекты.

Заключение

Таким образом, изучение опыта картографирования расселения «ясачных чувашей» и «служилых татар» в Казанском и Свияжском уездах XVI — XVII вв. демонстрирует эволюцию подходов к историко-картографическому методу. От первых попыток схематичного отображения поселений до современных цифровых реконструкций, основанных на комплексном анализе письменных, археологических, топонимических и фольклорных источников, прослеживается стремление к более точному и детализированному воссозданию этносоциальной картины региона. Историко-картографический анализ расселения ясачных чувашей Казанского и Свияжского уездов показал, что данные письменных источников XVI — XVII вв. позволяют достаточно точно восстановить пространственную структуру населения региона. Писцовые и переписные книги предоставляют базовые сведения о названии, составе и налоговом статусе населенных пунктов, однако для получения целостной картины необходима их картографическая интерпретация.

В результате картографических реконструкций, проведенных на основе ГИС-методов, удалось установить, что территориальное расселение «ясачных чувашей» и «служилых татар» не было строго изолированным, а представляло собой динамическую систему, в которой наложение этноконфессиональных и административных факторов формировало уникальную географию культурного взаимодействия.

Несмотря на достигнутые успехи, историко-картографический подход в изучении расселения народов Среднего Поволжья сохраняет свой потенциал. Современные технологии позволяют создавать интерактивные карты, объединяющие данные из различных источников, проводить пространственный анализ и моделирование исторических процессов. Это открывает новые возможности для изучения этносоциальной структуры Казанского края в XVI — XVII вв., выявления закономерностей формирования этнических границ и этнокультурного взаимодействия.

В заключение следует отметить, что историческое картографирование является не только инструментом визуализации исторических данных, но и мощным средством анализа и интерпретации. Оно позволяет увидеть исторические процессы в пространственном измерении, выявлять скрытые связи и закономерности, а также способствует более глубокому пониманию этносоциальной истории Среднего Поволжья.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Акчурин М. М., Владимиров О. О. О месте татарской аристократии в структуре управления Горной стороны (Свияжского уезда). Вторая половина XVI — начало XVII в. // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10. № 1. С. 154 — 183.
2. Аминова Г. И. К методике составления административной карты Казанского ханства // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Казань: Фэн, 2002. С. 117 — 134.
3. Баталов Р. Н., Радченко Л. К. Обзор основных направлений использования ГИС-технологий в историко-картографических исследованиях // Вестник Сибирского государственного университета геосистем и технологий. 2020. № 25 (1). С. 119 — 135.
4. Вериялов К. М. Сравнительный анализ расселения волжских булгар XIV — начала XV века и «ясачной чувашей» XVI — первой половины XVII века в Предволжье // LI Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция: материалы Всероссийской (с международным участием) конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Упак, 5 — 8 февраля 2019 г.). Упак: Курган. гос. ун-т, 2019. С. 192 — 194.
5. Гайнуллин И. И., Абдуллин Х. М. Геоинформационные методы в исследовании татар — отставных солдат в 1816 — 1834 гг. (на примере Мензелинского уезда Оренбургской губернии) // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2025. № 1. С. 70 — 81.
6. Галлям Р. Г. Была ли Крымская (Буртасская) административная дорога в Казанском ханстве? (Постановка проблемы) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 4 (1). С. 138 — 142.
7. Галлямов Р. Г. Административные даруги Казанского ханства: опыт реконструкции // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Казань: Фэн, 2002. С. 280 — 316.
8. Гилязов И. А. Административно-территориальное устройство Среднего Поволжья во второй половине XVI — начале XX вв.: от Казанского уезда до Татарской АССР (исторический очерк) // Научный Татарстан. 2015. № 4. С. 68 — 77.
9. Димитриев В. Д. К вопросу о заселении юго-восточной и южной частей Чувашии // Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX вв.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. С. 294 — 325.
10. Димитриев В. Д. О последних этапах этногенеза чувашей // Болгары и чувашей / ред. В. Д. Димитриев, В. А. Прохорова. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1984. С. 23 — 57.
11. Димитриев В. Д. Сведения о чувашских землях, селениях и крестьянах в Свияжских писцовых книгах 1565 — 1567 гг. // Исследования по истории дореволюционной Чувашии / ред. И. И. Бойко. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1989. С. 3 — 16.

12. Димитриев В. Д. Чувашии материнские селения Свияжского, Кокшайского, Чебоксарского, Козьмодемьянского, Цивильского, Ядринского, Курмышского и Симбирского уездов первой половины XVIII века / сост. М. Н. Судаков. Чебоксары: ЧГИГН, 2006. 84 с.
13. Димитриев В. Д. Чувашии народ в составе Казанского ханства: предыстория и история / сост. Д. В. Басманцев. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 190 с.
14. Иванов В. П., Николаев В. В., Димитриев В. Д. Чуваши: этническая история и традиционная культура. Москва: ДиК, 2000. 95 с.
15. История татар: в 7 т. Т. 4. Татарские государства XV — XVIII вв. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 1112 с.
16. Калинин Н. Ф. Казанское ханство (XV — XVI вв.) // История Татарской АССР: в 2 т. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / под ред. Н.И. Воробьева [и др.]. Казань: Таткнигоиздат, 1955. С. 100 — 147.
17. Лисицкий Д. В. и др. Эволюция историко-картографического метода исследования исторических процессов в связи с применением мультимедийных методов // Гео-Сибирь. 2008. Т. 3. № 1. С. 118 — 121.
18. Мухаметшин Д. Г. Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. 132 с.
19. Мясников Н. С., Березина Н. С. Некоторые узловые проблемы средневековой истории чувашей и казанских татар в свете данных археологии // Татары и чувашы — ветви одного древа: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары; Казань, 7 — 8 октября 2021 г.) / сост. и отв. ред. Г. А. Николаев. Чебоксары: Новое Время, 2021. С. 46 — 74.
20. Насыри К. Археологические материалы (по селениям Свияжского уезда) // Избранные произведения. Казань: Татар. кн. изд-во, 1977. С. 41 — 67.
21. Нестеров В. А. Населенные пункты Чувашской АССР. 1917 — 1981 годы: справочник об административно-территориальном делении. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1981. 351 с.
22. Охотникова С. В. «Ясачные чувашы»: некоторые итоги и задачи изучения. Чебоксары: ЧГИГН, 2014. 38 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 16).
23. Охотникова С. В. Роль политического и географического факторов в формировании «этнической границы» чувашского и татарского народов во второй половине XVI — XVII веке // Татары и чувашы — ветви одного древа: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары; Казань, 7 — 8 октября 2021 г.) / сост. и отв. ред. Г. А. Николаев, Р. Р. Исхаков. Чебоксары: Новое Время, 2021. С. 163 — 169.
24. Писцовая книга Казанского уезда 1602 — 1603 годов / [сост. Р. Н. Степанов, статьи И. П. Ермалова, Р. Н. Степанова]. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. 240 с.
25. Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа: в 2 т. Т. 2. Местное управление и сословия г. Свияжск и уезда в первой половине XVII века (следственное дело 1638 г. о злоупотреблениях свияжского воеводы) / сост. А. А. Чибис. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. 268 с.
26. Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда. Письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565 — 1567 г.). Казань: Тип. Императ. ун-та, 1909. 143 с.
27. Список с писцовых книг по г. Казани с уездом: [1566 — 1568 гг.] / Издан Советом Казанской духовной академии к IV Археологическому съезду в Казани [сост. К. И. Невоструев]. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1877. 88 с.
28. Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Таткнигоиздат, 1975. 217 с.
29. Чернышев Е. И. Народы Среднего Поволжья в XVI — начале XX века: избранные труды / сост., авт. предисл., прим., указ. и сокр. И. З. Файзрахманов; под ред. И. К. Загидуллина. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. 548 с.
30. Чернышев Е. И. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Археология и этнография Татарии. Вып. 1: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 272 — 292.

REFERENCES

1. Akchurin M. M., Vladimirov O. O. On the place of the Tatar aristocracy in the management structure of the Mountain Side (Sviyazhsky district). The second half of the 16th — beginning of the 17th century // Golden Horde Review. 2022;10(1):154 — 183. (In Russ.)
2. Aminova G. I. To the methodology for compiling an administrative map of the Kazan Khanate // Kazan Khanate: actual research problems. Kazan; 2002:117 — 134. (In Russ.)

3. Batalov R. N., Radchenko L. K. Overview of the main directions of using GIS technologies in historical and cartographic research // Bulletin of the Siberian State University of Geosystems and Technologies. 2020;25(1):119 — 135. (In Russ.)
4. Veriyalov K. M. Comparative analysis of the resettlement of the Volga Bulgars of the 14th — beginning of the 15th century and the “Yasak Chuvash” of the 16th — the first half of the 17th century in the Pre-Volga region // LI Ural-Volga Archaeological Student Conference: I am all-Russian. (from international. participation) conferences of students, graduate students and young scientists, Upask, 5 — 8 February 2019. Upask:2019;192 — 194. (In Russ.)
5. Gainullin I. I., Abdullin H. M. Geoinformational methods in the study of Tatars — retired soldiers in 1816 — 1834. (on the example of the Menzelinsky district of the Orenburg province) // Gasyrlar avazy (Echo of the Ages). 2025;1:70 — 81. (In Russ.)
6. Gallam R. G. Was there a Crimean (Burtas) administrative road in the Kazan Khanate? (Formulation of the problem) // Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts. 2013;4(1):138 — 142. (In Russ.)
7. Gallyamov R. G. Administrative Darugs of the Kazan Khanate: reconstruction experience//Kazan Khanate: current research problems. Kazan;2002:280 — 316. (In Russ.)
8. Gilyazov I. A. Administrative-territorial structure of the Middle Volga region in the second half of the 16th — early 20th centuries: from the Kazan district to the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic (historical essay) // Scientific Tatarstan. 2015;4:68 — 77. (In Russ.)
9. Dimitriev V. D. On the issue of settlement of the southeastern and southern parts of Chuvashia // Chuvashia in the era of feudalism (16th — early 19th centuries). Cheboksary;1986:294 — 325. (In Russ.)
10. Dimitriev V. D. On the last stages of ethnogenesis of the Chuvash // Bulgarians and Chuvash / ed. V. D. Dimitriev, V. A. Prokhorova. Cheboksary;1984:23 — 57. (In Russ.)
11. Dimitriev V. D. Information about the Chuvash lands, villages and peasants in the Sviyazhsky scribe books of 1565 — 1567 // Research on the history of pre-revolutionary Chuvashia / ed. I. I. Boyko. Cheboksary;1989:3 — 16. (In Russ.)
12. Dimitriev V. D. Chuvash mother villages of Sviyazhsky, Kokshaysky, Cheboksary, Kozmodemyansky, Tsvilsky, Yadrinsky, Kurmysh and Simbirsky districts of the first half of the 18th century / Comp. M. N. Sudakov. Cheboksary;2006:84. (In Russ.)
13. Dimitriev V. D. Chuvash people as part of the Kazan Khanate: background and history / Comp. D. V. Basmantsev. Cheboksary;2018:190. (In Russ.)
14. Ivanov V. P., Nikolaev V. V., Dimitriev V. D. Chuvashi: ethnic history and traditional culture. Moscow;2000:95. (In Russ.)
15. History of the Tatars. In 7 vols. Vol. 4. Tatar states of the 15th — 18th centuries. Kazan;2014:1112. (In Russ.)
16. Kalinin N. F. Kazan Khanate (15th — 16th centuries) // History of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. In 2 vols. Vol. 1. From ancient times to the Great October Socialist Revolution / ed. N. I. Vorobyova [et al.]. Kazan;1955:100 — 147. (In Russ.)
17. Lisitsky D. V., Kolotkin M. N., Komissarova E. V., Rakunov V. A., Kolesnikov A. A., Fisher A. V. Evolution of the historical and cartographic method of studying historical processes in connection with the use of multimedia methods // Geo-Siberia. 2008;3(1):118 — 121. (In Russ.)
18. Mukhametshin D. G. Tatar epigraphic monuments. Regional features and ethnocultural options. Kazan;2008:132. (In Russ.)
19. Myasnikov N. S., Berezina N. S. Some nodal problems of the medieval history of the Chuvash and Kazan Tatars in the light of archeological data // Tatars and Chuvash are branches of the same tree: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Cheboksary — Kazan, October 07 — 08, 2021 / Comp. and resp. editor G. A. Nikolaev. Cheboksary;2021:46 — 74. (In Russ.)
20. Nasyri K. Archaeological materials (in the villages of Sviyazhsky district) // Selected works. Kazan;1977:41 — 67. (In Russ.)
21. Nesterov V. A. Settlements of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic. 1917 — 1981: reference book on administrative-territorial division. Cheboksary;1981:351. (In Russ.)
22. Okhotnikova S. V. “Yasachnye Chuvash”: some results and tasks of study: Report at the scientific session of the Chuvash State Institute of Humanities based on the results of work for 2014. Cheboksary;2014:38. (In Russ.)
23. Okhotnikova S. V. The role of political and geographical factors in the formation of the “ethnic border” of the Chuvash and Tatar peoples in the second half of the 16th — 17th centuries // Tatars and Chuvashes are branches of the same tree: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Cheboksary — Kazan, October 07 — 08, 2021 / Comp. and resp. editor G. A. Nikolaev, R. R. Iskhakov. Cheboksary;2021:163 — 169. (In Russ.)

24. The scribe book of the Kazan district of 1602 — 1603 / [comp. R. N. Stepanov, articles by I. P. Ermolaev, R. N. Stepanova]. Kazan;1978:240. (In Russ.)

25. A set of monuments of the history of Chuvashia and the Chuvash people. In 2 vols. Vol. 2. Local administration and estates of the city of Sviyazhsk and the county in the first half of the 17th century (investigative case of 1638 on abuses of the Sviyazhsky governor) / comp. A. A. Chibis. Cheboksary;2020:268. (In Russ.)

26. List from the scribe and boundary book of the city of Sviyazhsk and the county. Letters and land surveying by Nikita Vasilyevich Borisov and Dimitri Andreevich Kikin (1565 — 1567). Kazan;1909:143. (In Russ.)

27. List from scribe books in Kazan with the county: [1566 — 1568] / Published by the Council of the Kazan Theological Academy for the IV Archaeological Congress in Kazan [comp. K. I. Nevostruev]. Kazan;1877:88. (In Russ.)

28. Fakhrutdinov R. G. Archaeological sites of the Volga-Kama Bulgaria and its territory. Kazan;1975:217. (In Russ.)

29. Chernyshev E. I. Peoples of the Middle Volga in the 16th — early 20th centuries: selected works / Comp., Author foreword, approx., Decree. and abbr. I. Z. Fayzrakhmanov; ed. I. K. Zagidullina. Kazan;2020:548. (In Russ.)

30. Chernyshev E. I. Villages of the Kazan Khanate (according to scribe books) // Archeology and ethnography of Tatarstan. No. 1: Issues of ethnogenesis of Turkic-speaking peoples of the Middle Volga region. Kazan;1971:272 — 292. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 16.02.2026;
одобрена после рецензирования 22.04.2026; принята к публикации 24.08.2026

Информация об авторе:

Охотникова Светлана Валерьевна, научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1),

кандидат исторических наук,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-9824-8008>, svetlana-goncharova7@rambler.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 16.02.2026;
approved after reviewing 22.04.2026; accepted for publication 24.08.2026

Information about the author:

Svetlana V. Okhotnikova, researcher, Chuvash State Institute of Humanities
(29/1, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),

Candidate of Historical Sciences,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-9824-8008>, svetlana-goncharova7@rambler.ru

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 16.02.2026 ситнӗ;
рецензиленӗ хысӗн 22.04.2026 ырланӗ; 24.08.2026 пичете йышӑннӗ

Автор ҫинчен:

Охотникова Светлана Валерьевна, Чӑваш патшалӑх гуманитари
ӗслӗлӑхӗсен институчӗн ӗслӗлӑх ӗҫтешӗ

(428015, Раҫсей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),

истори ӗслӗлӑхӗсен кандидачӗ,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-9824-8008>, svetlana-goncharova7@rambler.ru

Пайталӑх конфликчӗ: автор пайталӑх конфликчӗ суккине пӗлтерет.

Автор ал ҫырайӑн юлашки вариантне вуласа тухнӗ, ырланӗ.

УДК 94(470.344)''1941/1945''

ББК 63.3(2Рос.Чув)622

Научная статья

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ ЭВАКУАЦИЕЙ НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Н. Ю. Толстова

Государственный исторический архив Чувашской Республики,
г. Чебоксары, Россия
ntolstova21@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается нормативно-правовая база, определявшая основы проведения эвакуации населения на территорию Чувашии в годы Великой Отечественной войны. Показывается значение различных органов управления по обеспечению реализации постановлений и распоряжений Государственного комитета обороны, Совета народных комиссаров СССР и Совета по эвакуации. Автором установлено, что общие принципы и направления деятельности органов управления по размещению, снабжению и трудоустройству эвакуированных граждан и промышленных предприятий, количественный состав этих учреждений определялись центральными органами власти. Однако эффективность проводившихся мероприятий во многом зависела от того, насколько быстро и точно принятые решения доводились до конкретных исполнителей на местах, насколько качественным был контроль за реализацией намеченных мер. Поэтому чрезвычайно важную роль в проведении эвакуации на территории Чувашии сыграли постановления и распоряжения Совнаркома Чувашской АССР, различные циркулярные письма, приказы уполномоченного Управления по эвакуации населения Чувашской АССР и начальника отдела Совнаркома Чувашской АССР по хозяйственному устройству эвакуированного населения, решения исполнительных комитетов районных советов депутатов трудящихся.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Чувашия, эвакуация, нормативно-правовая база, Совнарком Чувашской АССР, исполкомы районных советов депутатов трудящихся

Для цитирования: Толстова Н. Ю. Организационно-правовые основы деятельности органов управления эвакуацией населения на территории Чувашии в годы Великой Отечественной войны // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 3. С. 75 — 83

© Толстова Н. Ю., 2026

Scientific article

ORGANIZATIONAL AND LEGAL FRAMEWORK OF THE ACTIVITIES OF EVACUATION AUTHORITIES IN CHUVASHIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

N. Yu. Tolstova

State Historical Archive of the Chuvash Republic,
Cheboksary, Russia
ntolstova21@yandex.ru

Abstract. The article examines the regulatory framework that governed the evacuation of the population to the territory of Chuvashia during the Great Patriotic War. The role of various administrative bodies in implementing resolutions and orders of the State Defense Committee, the Council of People's Commissars of the USSR, and the Evacuation Council is examined. The author has established that the general principles and functions of administrative bodies

for the placement, supply, and employment of evacuated citizens and industrial enterprises, as well as the quantitative composition of these institutions, were determined by the central authorities. However, the effectiveness of the measures taken largely depended on how quickly and accurately the decisions taken were communicated to specific implementers on the ground and on the quality of monitoring. Therefore, the resolutions and orders of the Council of People's Commissars of the Chuvash ASSR, various circular letters, orders of the authorized Office for Population Evacuation of the Chuvash ASSR, for the economic organization of the evacuated population, as well as decisions of the executive committees of district councils of workers' deputies, played an extremely important role in carrying out the evacuation in Chuvashia.

Keywords: the Great Patriotic War, Chuvashia, evacuation, regulatory framework, Council of People's Commissars of the Chuvash ASSR, executive committees of district councils of workers' deputies

For citation: Tolstova N. Yu. Organizational and legal framework of the activities of evacuation authorities in Chuvashia during the Great Patriotic War // Modern humanities. 2026;2(3):75 — 83

Асלאьх статийи

ТАВАН СЁРШЫВАН АСЛА ВАРСИ СУЛЁСЕНЧЕ ЧАВАШ ЕН ТЕРРИТОРИЙЁНЧЕ ХАЛАХ ЭВАКУАЦИНЕ ЙЁРКЕЛЕКЕН ОРГАНСЕН ЁС-ХЁЛЁН ПРАВО НОРМИСЕН НИКЁСЁ

Н. Ю. Толстова

Чăваш Республикин историйĕн патшалăх архивĕ,
Шупашкар хули, Раçсей
ntolstova21@yandex.ru

Аннотаци. Статъяра Тăван сĕршыван асла вăрси сулĕсенче Чăваш ен территорийĕнчи эвакуаципе сыханă ёс-хĕлĕн право нормисен никĕсне пăхса тухă. Патшалăх хутĕлев комитетĕн, СССР Халăх комиссарĕсен советĕн тата Эвакуаци советĕн йышăнавĕсемпе хушăвĕсене пурнăса кĕртессинче вырăнти ертсе пыракан тĕрлĕ орган мĕнле ёсленине усса панă. Эвакуациленĕ граждансене тата промышленность предприятийĕсене йышăнса вырнастарассипе, кирлĕ япаласемпе тивĕстерессипе тата ёсе вырнастарассипе сыханă йитусене вырăнти ертсе пыракан органсем татса панă, ку учрежденийенче вай хуракансен йышне, вĕсен ёсĕн пĕтĕмĕшле принципĕсемпе сул-йĕрне центрти власть органĕсем палăртса тăнине кăтартса панă автор. Сапах та мероприятисен тухăçлăхĕ чылай чухне йышăнусене вырăнта ёслекенсем патне вăхăтра тата кирлĕ сĕре ситернинчен, палăртнă ёссене пурнăсланин палăхне сителĕклĕ таран тĕрĕслесе тăнинчен килнĕ. Çавăнпа та Чăваш ен территорийĕнчи эвакуаци процесне Чăваш АССР Совнаркомĕн йышăнавĕсемпе хушăвĕсем, Чăваш АССР эвакуаци управленийĕн уполномоченныйĕн тата Чăваш АССР Совнаркомĕн эвакуациленĕ халăха вырнастарнишĕн яваплă пай пуçлăхĕн сыравĕсемпе приказĕсем, ёс сыннисен депутатĕсен район совет ёс тăвакан комитетĕсен йышăнавĕсем пысăк витĕм кўнине палăртнă.

Тĕп сăмахсем: Тăван сĕршыван асла вăрси, Чăваш ен, эвакуаци, право нормисен никĕсĕ, Чăваш АССР Халăх комиссарĕсен советĕ, ёс сыннисен депутатĕсен район совет ёс тăвкомĕсем

Цитатăлама: Толстова Н. Ю. Тăван сĕршыван асла вăрси сулĕсенче Чăваш ен территорийĕнче халăх эвакуацине йĕркелекен органсен ёс-хĕлĕн право нормисен никĕсĕ // Хальхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 3 №. С. 75 — 83

Введение

Эвакуация в годы Великой Отечественной войны стала беспрецедентным по своим масштабам мероприятием. В то же время она не могла быть эффективной без слаженной работы самых различных органов и учреждений, в том числе в сфере государственного управления, транспорта, общественного питания. В этих условиях

большое значение приобретали точность правовых норм, регулировавших вопросы эвакуации, и быстрота их принятия и доведения до конкретных исполнителей. Поскольку к настоящему времени организационно-правовые аспекты деятельности органов управления эвакуацией в историографии рассмотрены слабо, в настоящей статье ставится цель осветить главные группы нормативно-правовых актов, лежавших в основе работы по размещению, снабжению и трудоустройству граждан, эвакуированных на территорию Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны.

Материалы и методы

Методологическую основу работы составляют принципы историзма и объективности. Исследование выполнено на материалах Государственного архива современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР) и Государственного исторического архива Чувашской Республики (ГИА ЧР). Привлеченный комплекс источников также включает нормативно-правовые акты, опубликованные сборники документов, в том числе оцифрованные материалы.

Результаты исследования и их обсуждение

Общие принципы деятельности органов управления эвакуацией населения определялись постановлениями и распоряжениями Государственного комитета обороны (ГКО), постановлениями ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров СССР, поскольку по всей стране была создана единая система руководства эвакуационными процессами с целью организованного перебазирования населения, промышленных предприятий, материальных ценностей и других ресурсов из прифронтовых и угрожаемых районов на восток.

Уже 24 июня 1941 г. соответствующим постановлением ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР был образован Совет по эвакуации при Совнаркоме СССР¹, которому предстояло сыграть ключевую роль в организации эвакуации в годы войны. Огромное значение имело принятое 5 июля 1941 г. правительством страны постановление № 1825-818сс «О порядке эвакуации населения в военное время»². Среди других наиболее важных постановлений Совнаркома СССР, связанных с размещением эвакуированного населения на территории Чувашии в годы Великой Отечественной войны, можно выделить следующие: «Об эвакуации рабочих и служащих эвакуируемых предприятий» (№ 1822-815сс от 5 июля 1941 г.); «Об утверждении Положения “Об эвакуационном пункте по эвакуации гражданского населения из прифронтовой полосы”» (№ 1823 от 5 июля 1941 г.); «Об ассигнованиях на содержание эвакуопунктов» (№ 1857 от 14 июля 1941 г.); «О питании эвакуируемого населения из прифронтовой полосы» (№ 1874 от 16 июля 1941 г.); «О ликвидации Управления по эвакуации населения» (№ 111-51с от 31 января 1942 г.); «О проверке деятельности разных учреждений, эвакуированных в тыл из оккупированных областей» (№ 1497 от 8 сентября 1942 г.) и др.³ Так, согласно постановлению Совнаркома СССР «Об ассигновании из союзного бюджета 10 млн руб. для оказания помощи эвакуируемому населению» от 16 июля 1941 г. Чувашской АССР предписывалось выделить 150,0 тыс. руб.⁴

¹ В штабах Победы. 1941 — 1945: Документы: в 5 кн. Кн. 1. 1941. «Вставай, страна огромная» / отв. ред. А. К. Сорокин. Москва: Научно-полит. кн., 2020. С. 70.

² Там же. С. 136 — 141.

³ Перечни постановлений и распоряжений СНК СССР. 1941 — 1945 гг. // Государственный архив РФ: сайт. URL: <https://statearchive.ru/1529> (дата обращения: 07.04.2026).

⁴ Под грифом «секретно»: Неизвестные и малоизвестные страницы истории Чувашии времен Великой Отечественной войны: сборник документов / сост. Д. А. Захаров, Е. В. Касимов. Чебоксары: ЧГИИЧ, 2016. С. 21.

В декабре 1941 г. распоряжением Совнаркома СССР № 10209-р были утверждены представленные Советом по эвакуации штатные расписания и должностные оклады Управления по эвакуации населения, аппарата уполномоченных Управления в республиках, краях, областях, городах и районах⁵. Распоряжением Совнаркома СССР № 16053-р от 21 августа 1942 г. правительство Чувашской АССР в двухнедельный срок обязано было обеспечить «набор 200 рабочих из числа эвакуированного населения для строительства Кременковского мелового завода Наркомстройматериалов РСФСР»⁶.

Органы управления эвакуацией на местах должны были руководствоваться такими постановлениями ГКО, как: «Об эвакуации промышленных предприятий» (№ 99 от 11 июля 1941 г.), «Об эвакуации раненых и больных из армейских госпиталей во внутренние районы страны» (№ 466 от 12 августа 1941 г.) и др.⁷

Существенная доля в нормативно-правовой базе по вопросам организации эвакуации в годы войны приходится на постановления и распоряжения Совета по эвакуации. Так, постановлением №26с от 10 июля 1941 г. было установлено, что размещение эвакуированных граждан «в пределах автономных республик, краев и областей производится по усмотрению соответствующих Совнаркомов республик, край(обл)исполкомов»⁸. Большое значение для организации работы по эвакуации населения и промышленных предприятий имели постановления Совета по эвакуации «О правилах эвакуации грузов и об охране их в пути» (№ СЭ-12сс от 3 июля 1941 г.), «О порядке учета эвакуируемого населения» (№ СЭ-20сс от 7 июля 1941 г.), «О порядке эвакуации предприятий, учебных заведений, организаций и учреждений» (№ СЭ-64сс от 6 августа 1941 г.), «Об утверждении Положения и штатов Управления по эвакуации населения при Совете по эвакуации» (№ СЭ-187 от 14 ноября 1941 г.)⁹. О количестве граждан, направляемых в Чувашскую АССР, говорилось, в частности, в постановлениях «Об эвакуации членов семей рабочих и служащих из г. Москвы» (№ СЭ-58с от 2 августа 1941 г.), «О дополнительной эвакуации женщин и детей из гор. Москвы» (№ СЭ-142сс от 9 октября 1941 г.), «Об эвакуации членов семей рабочих и служащих из г. Ленинграда» (№ СЭ-74сс от 13 августа 1941 г.)¹⁰.

В отличие от ранее упомянутых нормативно-правовых актов, многие из которых публиковались в различных сборниках документов, постановлений и распоряжений Совета по эвакуации опубликовано мало, хотя хорошо сохранились в Государственном архиве Российской Федерации и фондах региональных архивов. Правда, в течение 2020 — 2025 гг. несколько десятков постановлений Совета по эвакуации были оцифрованы и размещены в открытом доступе на сайте Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина в разделе «Президентская библиотека — учителям: обучение с использованием первоисточников» в доку-

⁵ ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 29. Л. 8.

⁶ Перечни постановлений и распоряжений СНК СССР. 1941 — 1945 гг. // Государственный архив РФ: сайт. URL: <https://statearchive.ru/1529> (дата обращения: 07.04.2026).

⁷ В штабах Победы. С. 178, 286.

⁸ Организация эвакуации // Электронная выставка документов «Эвакуация. Архангельск»: сайт. URL: <https://gaao29.ru/exhibition/evakuatsiyaarkhangelsk/Organizatsiya-evakuatsii/?ysclid=mno0fzafwz212026481> (дата обращения: 07.04.2026).

⁹ Вторая мировая война в архивных документах (комплекс оцифрованных архивных документов, кино- и фотоматериалов): документальный комплекс // Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина: сайт. URL: <https://www.prilib.ru/project/1298142> (дата обращения: 07.04.2026).

¹⁰ Там же.

ментальном комплексе «Вторая мировая война в архивных документах (комплекс оцифрованных архивных документов, кино- и фотоматериалов)»¹¹.

Можно отметить и роль приказов начальника Управления по эвакуации населения при Совете по эвакуации К. Д. Памфилова, в том числе о порядке представления отчетности о количестве эвакуированных граждан, прошедших через эвакуопункты и размещенных в регионе, об улучшении работы Центрального статистического бюро и др.¹²

Очевидно, что в организации процесса эвакуации принимали участие разные народные комиссариаты, связанные со здравоохранением, общественным питанием, транспортом. Например, 30 июня 1941 г. Наркоматом здравоохранения СССР было утверждено «Положение о медико-санитарном обслуживании гражданского населения, эвакуируемого из угрожаемых районов»¹³.

Говоря о решениях центральных органов власти, было бы неправильно не назвать и постановления ЦК ВКП(б). Хотя в советской правовой системе партийные документы не имели формального статуса законов, но фактически они играли ключевую роль в регулировании общественных отношений и оказывали определяющее влияние на правотворчество и правоприменение. Среди таких документов выделим постановление оргбюро ЦК ВКП(б) «О детях, эвакуированных из Москвы и Ленинграда» от 22 августа 1941 г.¹⁴, поскольку многие из них нашли временный приют в Чувашской АССР.

Советская вертикаль управления предусматривала также участие в принятии решений органов власти союзных республик. Для Чувашской АССР первоочередное значение имели постановления и распоряжения Совнаркома РСФСР, нередко дублировавшие союзное законодательство. Текущее управление эвакуационными процессами на территории РСФСР, в том числе и в Чувашии, осуществлялось посредством распоряжений отдела Совнаркома РСФСР по хозяйственному устройству эвакуированного населения, которые обычно рассылались по республикам, краям и областям в виде циркулярных писем¹⁵.

На территории Чувашии деятельность органов управления эвакуацией населения регулировалась также постановлениями Совета народных комиссаров Чувашской АССР, приказами и распоряжениями уполномоченного Управления по эвакуации населения по Чувашской АССР (до марта 1942 г.), начальника отдела хозяйственного устройства эвакуированных Совнаркома Чувашской АССР (с марта 1942 г.), вместе с тем на нее влияли решения исполкомов районных Советов депутатов трудящихся (далее райисполкомы, исполкомы райсоветов). Во многих случаях содержание указанных нормативно-правовых актов дублировало решения вышестоящих органов.

Уже в первые дни правительством республики были приняты постановления «Об образовании правительственной комиссии по приему, расквартированию и трудоустройству эвакуированного населения из зоны военных действий» (26 июня 1941 г.), «О размещении и устройстве на работу эвакуированного населения с прифронтовой полосы» (27 июня 1941 г.) и «О размещении эвакуиро-

¹¹ Вторая мировая война в архивных документах.

¹² ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 29. Л. 16 — 19; Д. 31. Л. 24 — 27; Д. 46. Л. 1.

¹³ Там же. Д. 31. Л. 8 — 10 об.

¹⁴ В штабах Победы. С. 322.

¹⁵ ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 50. Л. 25.

ванного населения с прифронтовой полосы» (1 июля 1941 г.)¹⁶. Согласно данным документам координацию работы по размещению эвакуированного населения в районах Чувашии осуществлял Переселенческий отдел при СНК Чувашской АССР, созданный еще в августе 1939 г., а вся ответственность по размещению новоприбывших граждан возлагалась на председателей райисполкомов.

В дальнейшем на основе нормативно-правовых актов центральных органов власти Совнаркомом Чувашской АССР принимались постановления, связанные с размещением, учетом и трудоустройством эвакуированного населения¹⁷, распределением по районам финансовых средств, предоставленных из бюджета СССР или РСФСР¹⁸, созданием, обеспечением и ликвидацией эвакуационных пунктов¹⁹, размещением и организацией работы эвакуированных предприятий²⁰ и детских домов²¹ и др.²²

Важная роль в организации помощи эвакуированному населению принадлежала циркулярным письмам, которые рассылались вышестоящими органами, в том числе правительством республики, непосредственным исполнителям на местах. Например, 31 июля 1941 г. Совнарком Чувашской АССР и Чувашский обком ВКП(б) обратились к председателям исполкомов райсоветов и секретарям райкомов партии с требованием упорядочить размещение и использование эвакуированных в районах республики, отметив при этом наличие большого числа недостатков в данной работе. Через неделю заместитель председателя Совнаркома Чувашской АССР В. Г. Григорьев указал наркомам, начальникам управлений при правительстве и руководителям центральных республиканских учреждений на недопустимость самовольного приглашения и размещения эвакуированных граждан²³. В сентябре 1942 г. в районы Чувашии за подписью председателя Совнаркома Чувашской АССР А. М. Матвеева и секретаря Чувашского обкома И. М. Чарыкова было направлено письмо с требованием улучшения работы среди эвакуированного населения, приводились конкретные факты «невнимательного отношения» к его нуждам²⁴. В феврале 1943 г. всем исполкомам районных и городских советов было разослано письмо за подписью заместителя председателя Совнаркома Чувашской АССР М. Ф. Терентьева о необходимости трудоустройства эвакуированных граждан преимущественно по их специальности²⁵.

В содержании циркулярных писем находили выражение решения, принятые по итогам заседаний Совнаркома Чувашской АССР и бюро Чувашского обкома ВКП(б), посвященных преодолению недостатков в работе райисполкомов среди эвакуированного населения. В частности, с начала войны и до весны 1943 г. на подобных заседаниях были заслушаны доклады председателей ис-

¹⁶ В тылу как на фронте: документы, воспоминания, статьи / сост. Ф. Н. Козлов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. С. 42 — 46; ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 30. Л. 1; Под грифом «секретно»... С. 17 — 20.

¹⁷ ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 29. Л. 24 — 25, 29 — 30, 47 — 48; Д. 30. Л. 3 — 5; Д. 56. Л. 43; Д. 65. Л. 26 об., 40 об.

¹⁸ Там же. Д. 30. Л. 7 — 9; Д. 31. Л. 20 — 21; Под грифом «секретно»... С. 29.

¹⁹ ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 29. Л. 11 — 11 об.; Д. 30. Л. 2 — 2 об.; Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 9, Л. 19.

²⁰ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 23. Д. 76. Л. 101 — 102; Д. 77. Л. 79 — 81.

²¹ ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 2191. Л. 85, 91.

²² Там же. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 31. Л. 22.

²³ Под грифом «секретно»... С. 22 — 24.

²⁴ ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 65. Л. 40 об.

²⁵ Там же. Л. 43 об.

полкомов Ишлейского, Калининского, Канашского, Красночетайского, Мариинско-Посадского, Сундырского, Урмарского, Цивильского, Чебоксарского, Янтиковского райсоветов²⁶.

Постановления правительства Чувашской АССР, касавшиеся эвакуированных граждан, должны были в обязательном порядке обсуждаться на заседаниях исполкомов райсоветов, после чего в колхозы, поселковые и сельские советы направлялись конкретные указания по реализации мероприятий, намеченных центральными и республиканскими органами власти по улучшению снабжения эвакуированного населения, оптимизации его размещения, трудоустройству и др. Контроль за обеспечением реализации данных мероприятий возлагался на районных уполномоченных Совета эвакуации населения. При этом в источниках нередко встречается информация о недопустимом затягивании в районах обсуждения постановлений правительства республики²⁷.

Заседания райисполкомов проводились и по инициативе инспекторов отдела Совнаркома Чувашской АССР по хозяйственному устройству эвакуанного населения, если в ходе проверки выявлялись негативные факты в организации жизни, снабжения и трудоустройства эвакуированных граждан. По итогам этих заседаний также принимались соответствующие решения, имевшие обязательный характер²⁸.

Участие райсоветов депутатов трудящихся в разрешении вопросов, связанных с жизнью эвакуированных на территорию Чувашии граждан, можно проиллюстрировать на конкретном примере. Так, в апреле 1943 г. по инициативе инспектора отдела Совнаркома Чувашской АССР по хозяйственному устройству эвакуанного населения Мазниной состоялось заседание исполкома Красночетайского райсовета. На заседании, ввиду отсутствия постоянного работника по работе с эвакуированным населением, было принято решение возложить его обязанности на заведующего общим отделом райисполкома. Ему предписывалось «немедленно уточнить списки эвакуированных по сельским советам и колхозам», «выявить и уточнить трудоспособных эвакуированных», «уточнить списки эвакуированных по их специальностям», «завести особый учет особо нуждающихся семей военнослужащих, многодетных и нетрудоспособных»²⁹. Одновременно указывалось, что председатели колхозов и сельсоветов должны были «немедленно отвести под индивидуальные огороды земельные участки..., а также оказывать материальную помощь... эвакуированному населению», «улучшить культурно-массовую работу среди эвакуированного населения...», «систематически проверять о состоянии жилищно-бытовых условий эвакуированного населения...», «трудоустроить всех трудоспособных эвакуированных на колхозном производстве»³⁰. Также предписывалось «немедленно устранить имеющиеся недостатки и ненормальное отношение со стороны отдельных граждан к эвакуированному населению». На председателя райпотребсоюза возлагалась обязанность улучшить торговлю хлебом и промтоварами, наказать лиц, виновных за разбазаривание продуктов, выделенных для эвакуированных граждан. Начальник райотдела НКВД должен был расследовать факт избиения одной из новоприбывших в район женщины, секретарь райсовета — проверить жилищные условия эвакуированных граждан. С целью

²⁶ ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 65. Л. 40 об.

²⁷ Там же. Д. 46. Л. 151, 174.

²⁸ Там же. Д. 65. Л. 46 об.

²⁹ Там же. Д. 66. Л. 87.

³⁰ Там же. Л. 87 об.

систематического контроля за исполнением принятых решений назначались ответственные лица из числа членов райисполкома, была определена дата нового заседания для обсуждения вопроса об итогах выполнения решений³¹. Проведенная в июле 1943 г. проверка показала, что многие указания не были выполнены, Красночетайскому райсовету рекомендовалось «принять решительные и окончательные меры к устранению... недостатков»³². Аналогичные процессы протекали и в других районах республики.

Вплоть до марта 1942 г. основная ответственность за реализацию мероприятий в отношении эвакуированных граждан лежала на уполномоченном Управления по эвакуации населения Чувашской АССР, опиравшегося, в свою очередь, на штат инспекторов, чья деятельность определялась особыми инструкциями и положениями, как поступавшими из Москвы³³, так и утверждавшимися начальником управления. Например, 18 декабря 1941 г. В. Г. Григорьевым были утверждены обязанности следующих инспекторов: по детским учреждениям; по трудоустройству; по жилищно-бытовому устройству и медицинскому обслуживанию эвакуированных; по снабжению эвакуированного населения; по продвижению эшелонов и по работе эвакуопунктов³⁴. Уполномоченным, а затем начальником отдела Совнаркома Чувашской АССР по хозяйству эвакуанов издавались приказы, главным образом по кадровым вопросам, но были приказы и по улучшению постановки учета и своевременного рассмотрения жалоб, уточнению фронта работ, контролю за трудовой дисциплиной³⁵. Также в Чувашии использовались памятки для проверки состояния работы среди эвакуированного населения, проживающего в том или ином районе республики, утвержденные начальником отдела Совнаркома Чувашской АССР по хозяйству эвакуанов Н. В. Жуковым³⁶.

Заключение

Таким образом, общие принципы и направления деятельности органов управления по размещению, снабжению и трудоустройству эвакуированных граждан и промышленных предприятий, количественный состав этих учреждений определялись центральными органами власти — Государственным комитетом обороны, Советами народных комиссаров СССР и РСФСР, Советом по эвакуации. Однако эффективность проводившихся мероприятий во многом зависела от того, насколько быстро и точно принятые решения доводились до конкретных исполнителей на местах, насколько качественным был контроль за реализацией намеченных мер. Поэтому чрезвычайно важную роль в проведении эвакуации на территории Чувашии сыграли постановления и распоряжения Совнаркома Чувашской АССР, различные циркулярные письма, приказы уполномоченного Управления по эвакуации населения Чувашской АССР и начальника отдела Совнаркома Чувашской АССР по хозяйственному устройству эвакуированного населения, решения исполнительных комитетов районных советов депутатов трудящихся.

³¹ ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 66. Л. 87 — 87 об.

³² Там же. Л. 88 — 88 об.

³³ Там же. Д. 29. Л. 14 — 15; Д. 66.

³⁴ Там же. Д. 29. Л. 1 — 7.

³⁵ Там же. Д. 33. Л. 3, 31, 35.

³⁶ Там же. Д. 66. Л. 1 — 1 об.

Статья поступила в редакцию 08.06.2026;
одобрена после рецензирования 31.08.2026; принята к публикации 04.09.2026

Информация об авторе:

Толстова Наталия Юрьевна, заведующий сектором научного центра
изучения архивных материалов о подвиге тружеников тыла
Государственного исторического архива Чувашской Республики
(428000, Россия, г. Чебоксары, пр. Ленина, 16в),
кандидат исторических наук,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-6270-9131>, ntolstova21@yandex.ru

*Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.*

The article was received by the editors on 08.06.2026;
approved after reviewing 31.08.2026; accepted for publication 04.09.2026

Information about the author:

Natalia Yu. Tolstova, Head of the sector of the Scientific Center
for the study of archival materials about the feat of home front workers,
State Historical Archive of the Chuvash Republic
(16v, Lenin Ave., Cheboksary, 428000, Russia),
Candidate of Historical Sciences,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-6270-9131>, ntolstova21@yandex.ru

*Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.
The author has read and approved the final version of the manuscript.*

Статья редакции 08.06.2026 җитнӗ;
рецензиленӗ хыҫҫӑн 31.08.2026 ырланӑ; 04.09.2026 пичете йышӑннӑ

Автор җинчен:

Толстова Наталия Юрьевна,
Чӑваш Республикин историйӗн патшалӑх архивӗн
тыл ӗҫченӗсен патӑрлӑхне кӑтартакан архив материалӗсен
ӗслӑлӑх центр пайӗн пуҫлӑхӗ
(428000, Раҫсей, Шупашкар хули, Ленин пр., 16в),
истори ӗслӑлӑхӗсен кандидачӗ,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-6270-9131>, ntolstova21@yandex.ru

*Пайталӑх конфликчӗ: автор пайталӑх конфликчӗ ҫуккине пӗлтерет.
Автор ал ҫырӑвӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.*

УДК 811.512.111

ББК 81.635.1

Научная статья

**ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ
В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ И ЗАДАЧИ РАЗРАБОТКИ
ЭЛЕКТРОННОГО КОРПУСА ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА**

А. П. Долгова

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
enzenz@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена одной из главных проблем морфологии — классификации слов по частям речи. Определение частеречного статуса каждой лексемы — обязательное условие создания морфологического анализатора электронного корпуса чувашского языка. Основная цель статьи — рассмотреть дискуссионные вопросы морфологии чувашского языка, имеющие отношение к распределению полнзначных слов по частям речи, и предложить пути решения отдельных проблем, связанных с неоднозначными трактовками и вызывающих затруднения при составлении грамматического словаря (списка основ с частеречными пометами) чувашского языка. В качестве принципов выделения частей речи предлагаются семантический, морфологический и синтаксический критерии. Из знаменательных частей речи с грамматической точки зрения (по категориальному семантическому и морфологическому категориальным признакам) достаточно четко дифференцируются глаголы и имена. Менее явственны признаки, по которым можно разграничить существительные, прилагательные, некоторые наречия и часть служебных слов. Наибольшую трудность представляет дифференциация слов чувашского языка с широким диапазоном синтаксических функций. Исходя из этого в статье отдельно рассматриваются вопросы разграничения существительных и прилагательных, существительных и наречий, существительных и числительных, прилагательных и наречий. В ряде случаев в качестве основного рассматривается такой фактор синтаксического критерия, как синтаксическая дистрибуция.

Ключевые слова: чувашский язык, критерии выделения частей речи, классификация слов по частям речи

Для цитирования: Долгова А. П. Проблема интерпретации частей речи в чувашском языкознании и задачи разработки электронного корпуса чувашского языка // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 3. С. 84 — 99

© Долгова А. П., 2026

Scientific article

**THE PROBLEM OF INTERPRETATION PARTS OF SPEECH
IN CHUVASH LINGUISTICS AND THE TASKS OF DEVELOPING
AN ELECTRONIC CORPUS OF THE CHUVASH LANGUAGE**

A. P. Dolgova

Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia
enzenz@yandex.ru

Abstract. The article addresses one of the main problems in morphology — the classification of words by parts of speech. Determining the part-of-speech status of each lexeme

is a prerequisite for creating a morphological analyzer for the electronic corpus of the Chuvash language. The main goal of the article is to examine controversial issues in the morphology of the Chuvash language related to the distribution of content words by parts of speech, and to propose ways to solve certain problems associated with ambiguous interpretations that cause difficulties in compiling a grammatical dictionary (a list of stems with part-of-speech labels) of the Chuvash language. We propose semantic, morphological, and syntactic criteria as principles for distinguishing parts of speech. From a grammatical point of view (based on categorical semantic and morphological categorical features), verbs and nouns are quite clearly differentiated among the notional parts of speech. The features for distinguish nouns, adjectives, some adverbs, and some function words are less obvious. The greatest difficulty lies in differentiating words in the Chuvash language that exhibit a wide range of syntactic functions. Accordingly, the article separately examines the issues of distinguishing between nouns and adjectives, nouns and adverbs, nouns and numerals, and adjectives and adverbs. In a number of cases, the main factor considered is a syntactic distribution.

Keywords: Chuvash language, criteria for distinguishing parts of speech, classification of words by parts of speech

For citation: Dolgova A. P. The problem of interpretation parts of speech in Chuvash linguistics and the tasks of developing an electronic corpus of the Chuvash language // Modern humanities. 2026;2(3):84 — 99

Äслăлăх статийи

ЧĂВАШ ЧĔЛХЕ ПĔЛĖВĔНЧЕ ПУПЛĖВ ПАЙĖСЕНЕ УЙĂРАССИНЕ ТĔПЧЕНИ ТАТА ЧĂВАШ ЧĔЛХИН ЭЛЕКТРОН КОРПУСНЕ ТĂВАС ЫЙТУСЕМ

А. П. Долгова

Чăваш патшалăх гуманитари äслăлăхĕсен институчĕ,
Шупашкар хули, Раççей
enzenz@yandex.ru

Аннотаци. Статъяра морфологин тĕп ыйтăвĕсенчен пĕрне — сăмахсене пуплĕв пайĕсене ушкăнлассине пăхса тухнă. Чăваш чĕлхин электрон корпусĕн морфологи анализаторне хатĕрленĕ май кашни лексема мĕнле пуплĕв пайне кĕнине палăртма тивет. Ку статьян тĕллеве — чăваш чĕлхи морфологийĕн тулли пĕлтерĕшлĕ сăмахсене пуплĕв пайĕсене ушкăнлассипе сыхăннă тавлашуллă ыйтăвĕсене пăхса тухасси тата грамматика словарьне (пуплĕв пайĕсене палăртнă сăмахсен списокне) йĕркеленĕ чухне тухса тăракан иккĕленÿсемпе йывăрлăхсене татса пама май паракан сÿлсем шыраси. Пуплĕв пайĕсене уйăрнă чухне семантика, морфологи тата синтаксис критерийĕсене шута илме сĕннĕ. Глаголсемпе ят пуплĕв пайĕсен категори пĕлтерĕшĕ тата сăмах улшăнăвĕн формисем пач урăхла пулнăран ытларах чухне вĕсене пĕр-пĕринчен тÿрех уйăрма пулат. Япала ячĕн, паллă ячĕн тата наречисенчен хăшĕ-пĕрин пуплĕв пайĕсене ушкăнлама май паракан паллисем усăмлах мар. Предложенире пурнăçлама пултаракан функцийĕсем нумай пулни, пĕр сăмахах предложенире тĕрлĕ член пулма пултарни вĕсене синтаксис критерине тĕпе хурса уйăрма чăрмантарать. Çак йывăрлăхсене шута илсе статъяра япала ячĕсемпе паллă ячĕсене, япала ячĕсемпе наречисене, япала ячĕсемпе хисеп ячĕсене, паллă ячĕсемпе наречисене пĕр-пĕринчен уйăрма май паракан факторсене кăтартма тăрăшнă. Тепĕр чухне уйăру принципĕсенчен чи пĕлтерĕшли синтаксис дистрибуцийĕ (урăхла каласан, сăмахан пуллеври сыхăнăвĕсене шута илни) пулма пултарать.

Тĕп сăмахсем: чăваш чĕлхи, пуплĕв пайĕсене уйăрмалли критерисем, сăмахсене пуллев пайĕсене ушкăнласси

Цитатăлама: Долгова А. П. Чăваш чĕлхе пĕлĖвĕнче пуплĕв пайĕсене уйăрассине тĕпчени тата чăваш чĕлхин электрон корпусне тăвас ыйтусем // Хальхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 3 №. С. 84 — 99

Введение

Одним из признаков имеющего шанс сохраниться языка с относительно небольшим числом носителей в современном мире является наличие многофункционального электронного корпуса. Создание полноценного лингвистического корпуса с функцией автоматической обработки текста предполагает разработку морфологического анализатора — программного комплекса автоматического морфологического анализа, применяющегося для поискового или статистического анализа больших объемов текста. На основе морфологической разметки производятся другие типы лингвистической разметки и виды автоматического анализа текстов.

В Чувашском государственном институте гуманитарных наук идет работа над электронным корпусом чувашского языка¹, на очереди — разработка морфологического анализатора [7, с. 88], одним из компонентов которого выступает словарь основ с грамматическими пометами (точнее, с указанием частеречного статуса каждой единицы реестра словаря) и вариантов некоторых из этих основ, обусловленных морфонологическими чередованиями. В чувашской лексикографии такой тип словарей, как грамматический, отсутствует. Следовательно, нет готового списка основ слов с частеречной идентификацией. В других типах лексикографических изданий по чувашскому языку, вышедших в свет в последние несколько десятилетий (например, в двуязычных или толковых словарях), информации о грамматических характеристиках слов, в том числе об их частеречном статусе, можно сказать, вообще нет. Факт выхода в последнее десятилетие нескольких обобщающих трудов по грамматике чувашского языка четкой ясности в этом отношении также не внес: морфология И. П. Павлова (2017) [11] и морфология В. И. Сергеева (2017) [13] отличаются в некоторых вопросах значительно. Различия в подходах встречаются и в посвященных анализу словообразования трудах И. П. Павлова (2014) [10] и Э. Е. Лебедева (2023) [6]. Технология создания морфологической разметки, в отличие от лингвистической теории, нередко предлагающей гипотетические тезисы и варианты решения, рассуждения о правомочности как той, так и другой позиции, не допускает размытых интерпретаций, двояких трактовок или противоречивых рекомендаций. Следовательно, специальное исследование проблемы частей речи с точки зрения их конкретных составов все еще актуально². Подвергнуть анализу все вопросы, связанные с этой проблемой, в одной статье невозможно, ведь в таком разрезе данная проблема на материале чувашского языка поднимается впервые. Наше внимание будет уделено части спорных вопросов, имеющих отношение к составам знаменательных частей речи и междометий. За рамками исследования, таким образом, остаются вопросы разграничения служебных частей речи, проблемы грамматикализации полнозначных слов и перехода их в послелого, частицы или союзы и некоторые другие.

Цель статьи — рассмотреть дискуссионные на сегодняшний день вопросы морфологии чувашского языка, имеющие отношение к распределению полнозначных слов по частям речи, и предложить пути решения отдельных проблем,

¹ Электронный корпус чувашского языка: официальный сайт. URL: <https://chuvkorpus.ru/> (дата обращения: 19.01.2026).

² Сотрудники Института языкознания РАН при разработке автоматического морфологического анализатора для языков алтайского типа предлагают составить грамматический словарь на основе деления на три грамматических класса (имя, глагол, неизменяемые слова) [17, с. 45]. Мы же решили, что предпочтительней сохранить устоявшееся в чувашской грамматической науке деление слов на 11 частей речи.

связанных с неоднозначными трактовками и вызывающих затруднения при составлении грамматического словаря (прежде всего списков основ чувашского языка с частеречными пометами).

Материалы и методы

Основными материалами исследования послужили научные работы по морфологии чувашского языка и часть словарного состава чувашского языка, не получившая в языковедческой литературе однозначной трактовки с точки зрения их частеречного статуса. В ходе исследования были подвергнуты анализу основные взгляды на проблему частеречной классификации словарного состава чувашского языка в работах по грамматике чувашского языка от трудов Н. И. Ашмарина и фундаментальных грамматик И. П. Павлова и В. И. Сергеева до учебной литературы о чувашском языке, а также словари с грамматическими пометами. Основные методы, использованные в ходе исследования, — методы компонентного и дистрибутивного анализа, систематизации грамматических явлений и критериев классификации.

Результаты исследования и их обсуждение

В восприятии такого научного понятия, как «часть речи», современная отечественная лингвистика придерживается традиции, установившейся в первой половине XX в., которую вкратце можно изложить так: части речи — лексико-грамматические классы слов, объединенных на основании общих семантических и грамматических (морфологических и синтаксических) признаков.

Проблема частей речи в истории чувашского языкознания

Начальный период развития морфологии чувашского языка как учения о частях речи и морфологических категориях коротко и емко охарактеризовал И. П. Павлов, по мнению которого вплоть до 1950-х гг. исследователи чувашского языка специальную деятельность по классификации слов по частям речи не вели, «для своих трудов общего характера они брали готовую номенклатуру частей речи и сложившуюся схему... часто приписывали словам чувашского языка несвойственные им грамматические особенности» [11, с. 7]. В такой оценке есть значительная доля правды, проблема частично сохранилась до сих пор. Хотя по итогам дискуссии по вопросам чувашской грамматики 1953 — 1954 гг. ряд двусмысленных трактовок был снят³, многие вопросы, связанные с распределением словарного состава по частям речи, так и остались нерешенными. Причину этого И. П. Павлов видел в том, что «сама система частей речи все же осталась невыявленной... каждый разряд слов был описан вне связи с другими и без основания каких-либо критериев» [11, с. 8].

Начиная с издания «Материалов по грамматике современного чувашского языка» (1957), в котором подражательные слова рассматриваются как самостоятельная часть речи, установилась традиция выделять одиннадцать частей речи [8]. Этот же подход утвердился в учебных программах (от школьного до вузовского) и остается в силе доныне. В то же время фактически каждый обобщающий научный труд по морфологии чувашского языка содержит отступления от этого подхода. Так, И. П. Павлов в монографии о морфологии чувашского языка, изданной в 1965 г., рассматривает двенадцать частей речи: кроме семи знаменательных и трех служебных частей речи,

³ В частности, было отмечено, что «часть речи является лексико-грамматической категорией, поэтому каждое слово, как часть словарного состава языка, должно входить только в один из лексико-грамматических разрядов слов, то есть в одну из частей речи», «подражательные слова целесообразнее выделить в особую часть речи». Был затронут и вопрос о модальных словах как особой части речи, однако дело ограничилось констатацией недостаточной изученности проблемы [9, с. 17 — 18, 21].

а также междометий, он выделяет модальные слова [12, с. 336 — 337]. Поднимает он и тему критериев, положенных в основу выделения частей речи. К основным критериям относит категориальное грамматическое значение (предметность, процесс, признак предмета и т. д.) и формальные показатели морфологических категорий. А разные синтаксические функции слова в предложении, на его взгляд, не могут быть основанием считать его единицей разных частей речи [12, с. 50 — 55].

И. А. Андреев в рецензии на это издание утверждает, что названных критериев недостаточно. По его мнению, частеречная идентификация слов только на основе указания «на их семантику, а также на некоторые формальные свойства — наличие тех или иных морфологических категорий, изменяемость или неизменяемость и формы словообразования» возможна не всегда. Причина этого, на его взгляд, в том, что «ряд морфологических категорий является общим не только для именных частей речи, но и для глагола» [3, с. 198]. Например, сравнительная степень характерна как для прилагательных и существительных, так и для некоторых глагольных форм (деепричастий) и наречий; форму категории принадлежности принимают не только слова именных частей речи, но и некоторые причастные формы глаголов.

С точки зрения И. А. Андреева, «наиболее различительным для частей речи в чувашском языке следует считать признак синтаксический, имея в виду при этом не употребление слова в той или иной функции в предложении (функция опять-таки не является достаточно различительным признаком), а его синтаксическую дистрибуцию, т. е. словесное окружение. При этом учету подлежит окружение как слева, так и справа» [3, с. 198]. Этот тезис он аргументирует тем, что синтаксическая дистрибуция слова представляет собой формальный признак различения, ее учет не требует отказа от традиционных частей речи и при этом предоставляет в распоряжение исследователя объективный формально-языковой критерий. Так, при принятии во внимание синтаксической дистрибуции выясняется, что отличие существительных от прилагательных заключается не столько в том, что существительные являются наименованиями предметов, а прилагательные — наименованиями признаков, сколько в возможности наличия при существительных определительных слов («количественного, качественного, предметного и глагольного содержания» [3, с. 198]) и невозможности таких определительных слов при прилагательных (сравните: *пӗлӗк савӑт* «пять сосудов», *пушӑ савӑт* «пустой сосуд», *кӗленче савӑт* «стеклянный сосуд», *ванӑ савӑт* «разбившийся сосуд» и семантически невозможные *пӗлӗк пысӑк*, *пушӑ пысӑк* или *ванӑ пысӑк*). Из этого следует, что слова, обозначающие признак предмета, являются именами существительными, если при них допускаются зависимые слова указанного типа, если же нет — это имена прилагательные.

И. П. Павлов и в конце 1990-х гг. рассмотрел те же двенадцать частей речи (в том числе модальные слова), что и в 1960-е гг., выстраивая их в некую иерархичную систему с поэтапным бинарным делением. Данный подход отражен в монографии, изданной 2017 г. уже после его смерти [11, с. 22]. В этой работе также представлен анализ критериев распределения слов по частям речи. Морфологические и синтаксические особенности слов И. П. Павлов на этот раз относит к ненадежным, в качестве предпочтительного выдвигает семантический критерий, подразумевая под ним грамматическое категориальное значение, которое называет «классным, или разрядным, значением» [11, с. 12].

В. И. Сергеев, работы которого отличаются новыми взглядами на целый ряд сложнейших проблем морфологического строя чувашского языка, оригинален и

в трактовке частей речи, в частности в определении состава частеречной системы чувашского языка и выделении критериев для распределения слов по частям речи. Вначале он предложил четыре принципа выделения частей речи, — семантический, словообразовательный, морфологический, синтаксический, назвав самым надежным морфологический, так как он требует учета морфологических признаков слова [14, с. 16 — 17] (точнее, грамматических категорий и форм, имеющих легко опознаваемый формально выраженный показатель). Позже, в монографии 2017 г., он отметил: «Функциональный критерий распределения слов по частям речи предполагает раскрытие их синтаксических свойств в предложении и мало связан с морфологией, поэтому при определении составов частей речи может быть легко устранен» [13, с. 117], то есть допустил возможность исключения синтаксического критерия. Следовательно, остаются семантический («обобщенное значение предмета, качества, количества, состояния или действия») и морфологический критерии. Исходя из морфологических признаков, В. И. Сергеев выделяет части речи, во-первых, «имеющие морфологические категории и обладающие способностью к формоизменению: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол», во-вторых, «не имеющие морфологических категорий, лишь отчасти обладающие формообразованием⁴: частица, послелог, имя действия, наречие и подражательное слово» [13, с. 117] (последние он также характеризует как части речи «без присущих только им категориальных и некатегориальных форм» [13, с. 326 — 341]). А группы слов, не имеющих морфологических категорий и практически не имеющих словоизменительных форм, — союзы и междометия — по мнению ученого, «в число частей речи... включаться не могут» [13, с. 326]. Таким образом, он говорит о двенадцати частях речи, рассмотрение двух из которых предлагает вынести за рамки морфологии (видимо, предлагает считать их группами синтаксических единиц). В отличие от И. П. Павлова, модальные слова В. И. Сергеев не считает отдельной частью речи, но зато таковым признает имя действия [13, с. 330 — 333].

В целом основные разногласия, касающиеся частей речи чувашского языка, концентрируются вокруг следующих вопросов: Каков состав частей речи в чувашском языке? На основе каких принципов они выделяются? Какой из критериев (семантический, морфологический или синтаксический) должен быть положен в основу выделения частей речи в целом и в частности и какие из них могут выступить как дополнительные? Следовательно, в вопросах и количественного, и качественного состава групп слов, определяющихся как части речи чувашского языка, полной определенности на сегодня нет. Если на вопрос о числе и о перечне частей речи в чувашском языке лингвистика дает более или менее однозначный ответ, то проблема установления надежных правил классификации для однозначной частеречной идентификации всего состава лексики чувашского языка ждет своего решения.

Проблема критериев выделения частей речи

Итак, в качестве критериев классификации слов по частям речи выдвигаются чаще всего морфологический, семантический, синтаксический. В ряде случаев

⁴ По В. И. Сергееву, морфологическими, или грамматическими, категориями являются только категории, образующие грамматические формы от большинства слов в рамках одной части речи, в иных случаях — это только отдельные формы, и относятся они к сфере «формообразования», а не словоизменения. Кроме того, он выделяет сферу словоформоизменения (укороченный вариант — формоизменение) — это дальнейшее морфологическое изменение слова, уже принявшего некую морфологическую форму, то есть дальнейшее изменение слова с уже имеющейся маркированной формой [13, с. 19].

к ним добавляется словообразовательный критерий; как известно, практически каждая часть речи обладает определенным базовым набором словообразовательных способов и средств.

Как правило, внимание исследователей обращается прежде всего на формально-морфологическую природу слова. Морфологический критерий предполагает учет словоизменительных категорий, их семантику и формальные показатели. Такой подход больше подходит для языков «с богатой морфологией» [15, с. 12] и с типичным для каждой речи набором морфологических категорий. В рамки этого критерия включают обычно и категориальные грамматические значения, основными из которых являются предметность, процесс и признак.

В качестве синтаксического критерия рассматриваются функции, выполняемые словом в предложении (то есть каким членом предложения является слово), или синтаксическая дистрибуция слова (сочетаемость характеристики слова с учетом связей как левосторонних, так и правосторонних [3, с. 198]). Под семантическим критерием подразумевается учет не просто обобщенного (абстрактного) значения слова, а грамматическое категориальное значение, основывающееся на лексическом значении и учитывающее в определенной мере и функциональные особенности слова.

В теоретическом языкознании основным критерием достаточно часто признается грамматическое значение слова: «Исходная природа классифицирующих категорий всегда семантическая, но в различных языках они могут в разной степени быть оснащены кодирующими средствами и “догружены” вторичными функциями» [5, с. 127], под вторичными функциями понимаются морфологические и синтаксические признаки. Более того, нередко подчеркивается тесная взаимобусловленность категориальной грамматической семантики, морфологических и синтаксических признаков: «Внешними выразителями грамматического значения “предметности” и являются морфологические и синтаксические свойства существительного. Таким образом, морфологические и синтаксические свойства существительного — его признаки только постольку, поскольку они — внешние выразители присущего существительному грамматического значения “предметности”... Значение “предметности” и морфологические и синтаксические свойства существительного — это разные стороны одного целого» [16, с. 25].

Попытки положить в основу классификации слов по частям речи семантический критерий в чувашском языкознании не всегда приводили к корректным результатам, так как нередко значение слова (как лексическое, так и грамматическое) выводилось из перевода его на русский язык. Подобное явление характерно не только для чувашского языкознания⁵. Синтаксический критерий на практике нередко превращался в отождествление частей речи и членов предложения (например, имена прилагательные в зависимости от выполняемой ими функции в предложении рассматривались и как наречия, и как существительные). Такой факультативный критерий, как словообразовательный, в нашем случае несущественен, так как бесспорного решения проблемы дифференциации словоизменительных и словообразовательных аффиксальных морфем чувашского языка пока нет.

⁵ «Казалось бы, на основе семантики части речи выделялись во многих грамматиках... Однако... реально в таких случаях, как правило, исходят не столько из значения, обычно строго не описанного, сколько из перевода на эталонный (скажем, английский или русский) язык. То, что эти переводы непосредственно отражают семантику, еще надо доказать» [1, с. 82].

Части речи чувашского языка: основные принципы разграничения и неоднозначные идентификации

В чувашском языкознании в качестве приоритетных в решении спорных моментов определения частеречного статуса слова предлагаются разные критерии. Для И. А. Андреева таковым является синтаксический критерий, точнее, синтаксическая дистрибуция слова. Для И. П. Павлова — семантический, или категориальное грамматическое значение. В. И. Сергеев в качестве «самого надежного» отметил морфологический критерий, фактически — формальные показатели морфологических категорий. Но на практике при попытке тотального распределения слов по частям речи сложно подобрать единое для всех частей речи основание группировки слов. Ведь ни один из перечисленных выше критериев не может служить единственным и исчерпывающим основанием для полной классификации по частям речи всего множества слов, в нашем случае — чувашского языка. В ходе анализа мы заметили, что для определения частеречного статуса некоторых групп слов, даже со схожими лексико-грамматическими признаками, на первом плане оказывается то один, то другой критерий.

Исходя из этого, мы предлагаем остановиться на многофакторном подходе: применить в качестве приоритетного не один, универсальный для всей совокупности лексем, принцип, а использовать на каждом этапе критерий, позволяющий наиболее точно определить статус той или иной группы слов. Так, основываясь на синтаксическом критерии в сочетании с семантическим, можно выделить на начальном этапе группы междометий, знаменательных и служебных слов. Знаменательные слова выполняют в предложениях функции тех или иных членов предложения, служебные слова не могут быть самостоятельными членами предложения. Особый случай представляют собой междометия. Даже будучи формально в составе предложения они не имеют грамматических связей с другими словами, выступая как вводное слово. Кроме того, междометия могут также занимать позицию относительно самостоятельного с точки зрения синтаксиса высказывания (так называемое междометное предложение).

Из знаменательных частей речи с грамматической точки зрения (по категориальному семантическому и морфологическим категориальным признакам) достаточно четко дифференцируются глаголы и имена. Менее явственны признаки, по которым можно выделить среди последних существительные, прилагательные, некоторые наречия. По несколько иным основаниям определяются имена числительные и местоимения. Совершенно иные подходы используются при идентификации имитативов (подражательных слов). Наибольшую трудность представляет дифференциация слов чувашского языка, имеющих широкий диапазон синтаксических функций. Рассмотрим некоторые из этих вопросов подробнее.

Глаголы как часть речи представляют собой группу слов, объединяющихся по следующим признакам: 1) семантическим (грамматическое категориальное значение процесса, лексические значения конкретных единиц в целом выражают действие или состояние); 2) морфологическим (в первую очередь по формальным показателям залога, наклонения, времени, лица, числа, а также причастий, деепричастий, инфинитива; перечень служебных морфем — словообразовательных, синтаксических и несинтаксических — определен, нерешенность отдельных моментов атрибуции некоторых показателей внутри этого списка на вопрос распределения слов по частям речи существенного влияния не имеет); 3) синтаксическим (основная, или первичная, функция в предложении — предикативная,

которую в чувашском языке могут выполнять не только спрягаемые формы глагола, но и неспрягаемые, например, некоторые причастные формы, деепричастия; к вторичным синтаксическим функциям глагола относятся выражение значения определения причастными формами, обстоятельства — деепричастными и т. п.; синтаксическая дистрибуция глагола связана с его актантным потенциалом — способностью управлять словами, обозначающими субъекты или объекты действия).

В целом на уровне основ глагол от других слов чувашского языка отличается достаточно четко. Проблем с разграничением глаголов от слов других частей речи, как правило, не возникает, внешние совпадения представляют собой грамматические омонимы. Потенциально возможны затруднения при определении принадлежности частей речи по линиям «глагол — существительное», «глагол — союз».

Имена существительные устанавливаются по таким параметрам семантического критерия, как грамматическое категориальное значение предметности (предмета, субстанции) и лексическое значение конкретных единиц. Здесь наблюдается большое разнообразие, это — предметы, явления, события, отвлеченные понятия, живые существа и т. д., но не только — содержанием лексического значения существительного может быть и признак — *илем* «красота», и действие — *хускану* «движение», но всех их объединяет грамматическое значение предметности. Существительным чувашского языка присущи морфологические категории принадлежности, склонения, числа, а также формы, образующиеся присоединением аффиксов внепадежной системы. Часть словоизменительных морфем современным чувашским языкознанием трактуются как омонимичные словообразовательным (-*сăр/-сёр*, -*лă/-лёр* и др.), так как некоторые формы, маркированные этими аффиксами, перешли в разряд самостоятельных лексем и рассматриваются в составе имен прилагательных или наречий. Среди слабых сторон морфологического критерия применительно к существительным можно отметить и возможность склонения по падежам не только существительных, но и некоторых прилагательных и причастий, а также то, что форму категории принадлежности могут принять отдельные типы причастий. Однако именно категорию принадлежности можно признать основным критерием определения имени существительного (аффиксы лица занимают контактную постпозицию к основе слова, то есть следуют сразу после основы слова, как правило, если это слово — существительное). Основная (первичная) синтаксическая функция существительных в предложении — актантная (подлежащее, дополнение), вторичные — атрибутивная (определение), релятивная (обстоятельство) и предикативная (сказуемое). Способность существительного выступать в позиции всех членов предложения указывает на недостаточную надежность данного подхода при определении слов по линиям «существительное — прилагательное», «существительное — числительное», «существительное — наречие», «существительное — послелог».

Имена прилагательные с точки зрения грамматической семантики представляют собой лексические единицы, выражающие значение признака предмета (семантический критерий). В качестве морфологического критерия рассматривается характерный для прилагательных формальный признак — сравнительная категория; являющаяся основным маркером, отличающим прилагательные от существительных. Первичная синтаксическая функция прилагательного — атрибутивная, в предложении чаще всего занимает позицию определения (зависимого слова при существительном), выражающее какое-либо качество предмета. Вторичными синтаксическими функциями являются достаточно распространенная

предикативная (в позиции сказуемого), актантные (прилагательные занимают позиции подлежащего, дополнения) и релятивные (позиция обстоятельства) функции. Установление состава имен прилагательных сопряжено со сложностями при разграничении по линии «существительное — прилагательное», «прилагательное — наречие», «прилагательное — послелог», «прилагательное — частица».

Наречия как часть речи представляют собой знаменательные слова, категориальное грамматическое значение которых заключается в обозначении различных признаков действия или другого признака (как правило, предикативного) — времени, места, причины, цели, меры и степени, качества. При этом семантику качества или образа действия в чувашском языке может выражать и имя прилагательное (*пуян пурӑн* «жить богато» — *пуян пурӑс* «богатая жизнь»). Критерий неизменяемости для наречий чувашского языка неприменим, вместо этого В. И. Сергеев предлагает рассматривать наречия среди частей речи «без присущих только им грамматических форм» [13, с. 326] (форма сравнения не является специфичной для наречий, к тому же не все наречия могут принимать эту форму). Синтаксический критерий определяется релятивной функцией, выражаемой наречием в предложении. Однако наречия занимают позицию не только обстоятельства, вторичная синтаксическая функция реализуется при употреблении их в позиции определения или дополнения. В составе наречий в современном чувашском языкознании рассматриваются и называемые местоименными наречия времени, места, причины и цели и др. (*хӑсан*, *ӑста*, *ӑстан*, *мӑншӑн* и т. п.).

Из изложенного следует, что ни один из упомянутых критериев по отношению к категории наречий не является достаточно надежным: неоднородность семантики, отсутствие присущих только наречиям словоизменительных категорий, способность выступать в предложении не только в обстоятельственной, но и в атрибутивной и актантной функциях. Наиболее расплывчатыми в современной морфологии чувашского языка являются границы по линии «наречие — прилагательное».

От перечисленных знаменательных частей речи отличаются **имена числительные и местоимения**. Как известно, слова этих частей речи, разнообразные по своим синтаксическим функциям и морфологическим категориям, объединяются по другим основаниям, нежели слова остальных знаменательных частей речи. Их невозможно объединять по совокупности синтаксических и семантических критериев. Эти лексико-грамматические классы представляют собой системы, параллельные перечисленным выше частям речи, своего рода *системы-дублиры*: числительные — по признаку квантитативности (некоторыми языковедами квантитативность трактуется как лексическое значение); местоимения — по прономинальному способу отображения (в отличие от номинативного способа остальных частей речи). Эти признаки отдельные лингвисты причисляют к категориальному грамматическому значению указанных частей речи, но большинство склоняются к мысли об отсутствии у числительных и местоимений такого значения в связи с тем, что слова в их составе могут обозначать и предмет, и качество предмета, и признак действия. Еще одна особенность этих частей речи — их исчислимость. Они представляют более или менее закрытую группу слов.

Имя числительное. Суть имени числительного и главную разницу от остальных категорий знаменательных слов русский языковед М. И. Стеблин-Каменский видел в следующем: числительное, в отличие от слов других частей речи, понимается как таковое не потому, что ему свойственно особое грамматическое значение «числительности» (о котором могли бы свидетельствовать морфологические

и синтаксические признаки, являющиеся его внешними показателями), а в связи с тем, что «имеет своим лексическим значением число»; «числительное — всегда слово, которое обозначает число» [16, с. 27], среди числительных возможны и существительные, и прилагательные, и наречия [16, с. 28]. Данное понимание коррелируется с трактовкой их семантики и синтаксических функций: числительные, с одной стороны, характеризуются квантитативностью, с другой стороны, различные грамматические категории могут выражать признак предмета (в чувашском языке это краткие количественные и порядковые формы числительных), обстоятельственные значения (числительные в разделительной и собирательной форме) и т. д.

В настоящее время в чувашском языкознании вопросов о составе такой части речи, как имя числительное, практически не возникает. Исконные имена числительные в чувашском языке имеют конечное количество — их восемнадцать (*аллă* «пятьдесят», *вăтăр* «тридцать», *виçĕ* «три», *вунă* «десять», *иккĕ* «два», *пĕрре* «один», *пиллĕк* «пять», *пин* «тысяча», *саккăр* «восемь», *çĕр* «сто», *çирĕм* «двадцать», *çитмĕл* «семьдесят», *çичĕ* «семь», *тăваттă* «четыре», *тăххăр* «девять», *улттă* «шесть», *утмăл* «шестьдесят», *хĕрĕх* «сорок»). Различными комбинациями этих числительных и заимствованных из русского языка слов «миллион», «миллиард», «триллиард» и др. можно выразить бесконечное количество чисел. Незначительные спорные моменты имеют отношение к трактовке слов типа *çурă* «половина», *чĕрĕк* «четверть», особенности которых обсудим ниже.

Местоимения объединяются в один лексико-грамматический класс по наличию в их лексическом значении компонента местоименности; они не могут быть употреблены без конкретизации контекстом или ситуацией. Основание для выделения в качестве отдельной части речи — специфика содержания основного лексического значения и функций (указательности или заместительности без называния самого предмета, признака и т. д.). В чувашском языке большинство местоимений являются субстантивными (местоимения-существительные), к категории местоимения-прилагательного можно отнести только слова *мĕнле* «какой», *миçе* «сколько» и его производные⁶. Указательные и заместительные слова, соотносящиеся с наречиями, в современном чувашском языкознании рассматриваются в составе наречий. Местоимения в чувашском языке выполняют актантные, атрибутивные, предикативные синтаксические функции.

При таком подходе к определению состава чувашских местоимений вопросов практически не возникает. Круг местоимений ограничен, их численность составляет около шести десятков, они имеют достаточно прозрачную внутреннюю классификацию. Однако это утверждение корректно при условии четкой определенности позиции по границе словообразования и словоизменения. Все еще сохраняются спорные моменты, касающиеся разграничения словоизменения и словообразования местоимений (например, есть предложение рассматривать слово *мĕнле* «какой, как» в качестве формы уподобления местоимения *мĕн* «что» [13, с. 256]), а также вопросительных местоимений и вопросительных местоименных наречий (*епле* «как, какой» — наречие, используемое в некоторых случаях в функции прилагательного или наоборот, прилагательное в функции наречия?).

⁶ Некоторые лингвисты предлагают вообще не выделять местоимения в качестве отдельной части речи (собственно местоимения рассматривают в составе существительных или прилагательных как местоименные существительные и местоименные прилагательные) [18].

Имитативы⁷ — еще одна категория чувашских слов, выделяемая в отдельную часть речи. В чувашской речи и системе чувашского языка они занимают заметное место. Критерии выделения подражательных слов отличаются своеобразием. По своей функционально-семантической характеристике представляют две группы: подражания звукам, издаваемым человеком или животными, звуковым явлениям живой и неживой природы (звукоподражательные слова); подражания световым явлениям, движениям, ощущениям и чувствам человека и т. д. (образоподражательные слова). Семантика имитативов имеет непосредственную связь с функциональными особенностями их звуковых составов. При этом, за исключением нескольких сотен базовых слов, они имеют большую вариативность, связанную с оттенками выражаемых значений, и способность к постоянному воспроизводству. В предложении эти слова в непосредственном своем значении в большинстве случаев выполняют функции обстоятельства образа действия, занимая приглагольную позицию. Возможно использование имитативов в других синтаксических функциях, что иногда приводит к переходу их в разряд других частей речи (существительных, прилагательных).

Междометия — части речи, для единиц которой «характерно отсутствие каких-либо грамматических связей с другими словами и совсем необязательно наличие каких-либо грамматических значений» [16, с. 32]. Их семантика связана с выражением эмоций, побудительного волеизъявления или формулами вежливости. Синтаксическая функция междометий — способность выступать в качестве эквивалента предложения. В чувашском языкознании проблема различения имитативов и междометий в основе своей решена, хотя возможны разные мнения, касающиеся некоторых частных случаев. Использование междометий в роли того или иного члена предложения (что характерно, как мы уже отмечали, для слов многих частей речи чувашского языка) их исконного частеречного статуса, как правило, не меняет. Альтернативное мнение, высказанное Т. В. Денисовой [4, с. 86 — 88], требует дальнейшего исследования с привлечением большего фактического языкового материала.

В ходе изложения основных характеристик частей речи было отмечено несколько нерешенных вопросов распределения слов, имеющих отношение в основном к знаменательным частям речи. Далее представим краткий обзор некоторых из них.

Разграничение по линии **«глагол — существительное»**. Совпадение основ глагола и существительного в настоящее время однозначно трактуется как омонимия, возникшая из-за фонетических изменений в ходе исторического развития или совпадений словообразовательных морфем [3, с. 196]. В некоторых случаях возникает вопрос, связанный с субстантивацией причастных форм (например, *вёрентекен* «обучающий» > *вёрентекен* «учитель, преподаватель», *вулакан* «читающий» > *вулакан* «читатель»). Возникновение подобных явлений И. А. Андреев объясняет использованием причастной формы в функции существительного в течение долгого времени⁸. Но где проходит грань между употреблением, например, причастной

⁷ Терминология, имеющая отношения к этой группе слов, отличается вариативностью, наиболее известными являются следующие: *подражательные слова, изобразительные слова, звукоподражательные и образоподражательные слова, мимемы*.

⁸ «Возможность выступления одних и тех же слов в различных синтаксических позициях возникает в результате длительных диахронических процессов. Примером здесь может служить хотя бы субстантивация прилагательных и причастий» [2, с. 187].

формы в функции существительного и переходом ее в разряд существительных? Ответ можно получить путем анализа грамматического контекста слова и уточнения его синтаксической дистрибуции (например, *самрăк вĕрентекен* «молодой учитель» — *вулама вĕрентекен программа* «программа, обучающая чтению»).

Менее проблемным представляется разграничение в паре «**глагол — наречие**». Ряд наречий представляют собой «застывшие» глагольные формы (*ятарласа* «специально, нарочно», *ирлесе* «поутру, утром», *чĕреслетсе* «как из ведра», *малтанласа* «поначалу»). При отсутствии в современном чувашском языке соответствующих глагольных основ (**ятарла*, **ирле*, **чĕреслет*, **малтанла*) такие слова идентифицируются как наречия, а не как деепричастные формы глагола.

Разграничение по линии «**существительное — прилагательное**» связано со спорными моментами, требующими отдельного детального исследования. Остановимся только на некоторых из них, по которым уже есть научно обоснованные рекомендации. В течение длительного времени все именные словоформы с аффиксами *-лă/-лĕ*, *-сăр/-сĕр* (иногда и с *-ла/-ле*) трактовались как прилагательные. В настоящее время предлагается с учетом ряда параметров и идентифицировать именные слова с аффиксами *-лă/-лĕ*, *-сăр/-сĕр* как морфологические формы существительных при сохранении в их семантике значения предмета. Слова типа *аслă* «старший», *кирлĕ* «нужный», *тĕрлĕ* «разный», *юрăхлă* «годный», которые из-за отсутствия в современном чувашском языке основ **ас*, **кир*, **тĕр*, **юрăх* предлагается относить к прилагательным [2, с. 190]. Но нередко такие слова приходится рассматривать как грамматические омонимы (омоформы). Такому подходу способствуют особенности и морфологического, и дистрибутивного порядка. Например, если слово принимает форму сравнения — это прилагательное, если же нет — существительное в словоизменительной форме обладания или наличия (*ăслă* «умный» — *ăслăрах* «умнее», *чĕречеллĕ* «с окнами» сравнительную форму принять не может); если слово может иметь зависимое прилагательное или числительное — существительное (*çивĕч аслă сын* «человек с острым умом», *виçĕ чĕречеллĕ пурт* «дом с тремя окнами»). Встречаются и более сложные случаи разграничения словообразовательных и словоизменительных явлений, которые требуют более детального исследования.

Споры по поводу разграничения по линии «**существительное — наречие**» связаны с различными оценками аффиксов *-ăн/-ĕн*, *-ла/-ла*, *-серен*, *-чен* и некоторых других. Современное чувашское языкознание эти форманты трактует двояко: И. А. Андреев, В. И. Сергеев, Л. П. Сергеев, Ю. М. Виноградов слова с такими аффиксами трактуют как словоизменительные формы имени существительного, для И. П. Павлова и Э. Е. Лебедева большинство из этих формантов словообразовательные, участвующие в образовании наречий. Мы в этом вопросе соглашаемся с первыми, по их мнению, падежные формы и формы внепадежной системы существительных и прилагательных выполняют в предложении те же синтаксические функции, что и наречия, и не более этого. Чаще всего слова, принимающие эти аффиксы, сохраняют семантику предметности даже при выполнении ими функции обстоятельств.

В паре «**существительное — числительное**» хотелось бы обратить внимание на так называемые нумеративы, по отношению к которым мы разделяем мнение В. И. Сергеева. Слова типа *чĕрĕк* «четверть», *сурă* «половина», *мăйшăр* «пара», *йĕкĕр* «пара», *хăрах* «один из пары», *усмухха* «восьмушка», «осьмушка», *теçетке* «десяток» предлагаем рассматривать не как числительные, а как существительные.

Наиболее сложными и требующими тщательного исследования являются на современном этапе, на наш взгляд, проблемы, имеющее отношение к разграни-

чениям в паре **«прилагательное — наречие»**. Последние, выполняя вторичную синтаксическую функцию, выражают значение признака существительного (то есть являются определением), в чувашском языкознании это явление обычно описывается при помощи фразы «использование наречия в функции прилагательного», то же касается и фразы «использование прилагательного в функции наречия» в случае употребления прилагательного в позиции зависимого от глагола слова. Сравнительная категория, являющаяся основным маркером, отличающим прилагательные от существительных, в данном случае не является идентификационным параметром, так как качественные наречия также принимают эту форму. Данный вопрос обсуждается давно [2, с. 179], но однозначного решения все еще найти не удалось. При полном отсутствии специфичных для наречий морфологических категорий и способности наречий (в большинстве — качественных наречий) принимать сравнительную форму при помощи того же аффикса, что и прилагательное, — *-рах/-рех/-тарых/-терех* с одной стороны, и способность быть зависимым словом не только при глаголах, но и при существительных — с другой, точная идентификация некоторых лексем с семантикой признака весьма затруднительна.

Мы рассмотрели основные критерии определения составов частей речи чувашского языка. Вне поля нашего внимания остался ряд проблем, имеющих отношение к словам знаменательных частей речи и междометиям. Вопросы выделения служебных слов, разграничения их от полнозначных слов и их грамматических форм, грамматикализации полнозначных слов (яркий пример — феномен «служебных имен»), а также определения принципов установления границ между отдельными служебными частями речи (послелогам, частицами и союзами) ждут дальнейших исследований.

Частеречная идентификация полного словарного состава — первый шаг в создании морфологической разметки текстов электронного корпуса языка. Дальнейшие шаги на этом пути предполагают составление списков словоизменительных аффиксов и послелогов, выявление и систематизацию закономерностей их взаимного расположения, установление фонетических вариантов служебных морфем, чередований в основах слов и т. д. Научной разработки требуют также омонимия на различных уровнях языка: 1) аффиксальная (многофункциональность аффиксальных морфем — дифференциация случаев полисемии и омонимии аффиксов); 2) лексическая (полные омонимы, или собственно омонимы, слова одной части речи с разным значением и одинаковым набором грамматических форм); 3) грамматическая (омоформы — совпадающие в некоторых формах слова разных частей речи); 4) графическая (омографы — одинаковое написание и различное звучание; в чувашском таковыми могут быть пары «исконное слово — заимствованное слово»; это явление связано с двусистемностью орфографии); 5) орфоэпическая (наличие омофонов — слов с различным написанием и одинаковым звучанием; также связано с орфографией).

Заключение

Наличие словаря с грамматическими пометами (в первую очередь с указанием частеречного статуса каждой лексемы) — обязательное условие создания морфологического анализатора электронного корпуса языка. В трудах по грамматике чувашского языка нет однозначного решения по определению принадлежности отдельных групп слов к той или иной части речи. Распределение слов чувашского языка по частям речи производится на основе семантического, морфологического и синтаксического критериев. Поэтапный многофакторный подход, заключающийся в применении в качестве приоритетного на каждом из этапов классифи-

кации слов по частям речи релевантного для конкретной ситуации критерия, даст возможность решить ряд проблем, связанных с разграничением границ имен существительных, прилагательных и наречий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алпатов В. М. Слово и части речи. Москва: Языки славянской культуры, 2018. 255 с. (Studia philologica).
2. Андреев И. А. К вопросу о выделении частей речи в тюркских языках в свете теории о первичной и вторичной синтаксических функциях // Ученые записки / ЧНИИ; вып. 46: Филология. Чебоксары: [б. и.], 1970. С. 179 — 195.
3. Андреев И. А. [Рец. на:] Павлов И. П. Современный чувашский литературный язык. Морфология // Ученые записки / ЧНИИ; вып. 32: Вопросы чувашской литературы и языка. Чебоксары: Чувашкигоиздат, 1966. С. 193 — 204.
4. Денисова Т. В. Междометия чувашского языка: монография. Чебоксары: Чувашгоспедуниверситет им. И. Я. Яковлева, 2005. 103 с.
5. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типологическое и специфическое в языке). Москва: Изд-во МГУ, 1992. 336 с.
6. Лебедев Э. Е. Словообразование в чувашском языке / науч. ред. О. Р. Студенцов. Чебоксары: ЧГИГН, 2023. 212 с. (Строй чувашского языка).
7. Леонтьев Д. М. Концепция электронного корпуса чувашского языка: технический аспект // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 2. С. 75 — 90.
8. Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1: Морфология. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. 361 с.
9. О дискуссии по некоторым вопросам чувашской грамматики // Ученые записки / ЧНИИ; вып. 12. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1955. С. 3 — 29.
10. Павлов И. П. Современный чувашский язык: монография: в 2 т. Т. 1: Морфемика, морфология, словообразование / науч. ред., авт. вступ. ст., примеч. и коммент. В. И. Сергеев; Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. Чебоксары: [б. и.], 2014. 264 с.
11. Павлов И. П. Современный чувашский язык: монография: в 2 т. Т. 2: Морфология / науч. ред., авт. примеч. и коммент. В. И. Сергеев; Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. Чебоксары: [б. и.], 2017. 448 с.
12. Павлов И. П. Хальхи чăваш литература чĕлхи: Морфологи. Шупашкар: Чăваш АССР кĕнеке изд-ви, 1965. 343 с.
13. Сергеев В. И. Морфология чувашского языка: словоизменение, формоизменение и формообразование: монография / науч. ред. А. П. Долгова. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. 400 с. (Строй чувашского языка).
14. Сергеев В. И. Хальхи чăваш чĕлхи: Морфологи: вĕренÿ кĕнеки. Шупашкар: Чăваш ун-чĕн изд-ви, 1992. 176 с.
15. Сичинава Д. В. Части речи // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. 3: Части речи и лексико-грамматические классы. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018. С. 9 — 39.
16. Стеблин-Каменский М. И. К вопросу о частях речи // Стеблин-Каменский М. И. Спорное в языкознании. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. С. 19 — 34.
17. Структура хакасской словоформы и ограничения на сочетаемость аффиксов в автоматическом парсере хакасского языка / А. В. Дыбо, В. С. Мальцева, А. В. Шеймович [и др.] // Урало-алтайские исследования. 2023. Т. 49. № 2. С. 42 — 75. DOI 10.37892/2500-2902-2023-49-2-42-75.
18. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Изд. 2-е, стереотипное. Москва: Едиториал УРСС, 2004. С. 77 — 100.

REFERENCES

1. Alpatov V. M. Word and Parts of Speech. Moscow; 2018: 255. (In Russ.)
2. Andreev I. A. On the Identification of Parts of Speech in Turkic Languages in the Light of the Theory of Primary and Secondary Syntactic Functions // Scientific notes. Issue 46: Philology. Cheboksary; 1970: 179 — 195. (In Russ.)
3. Andreev I. A. The review on: Pavlov I. P. Modern Chuvash Literary Language. Morphology // Issue 46: Questions of Chuvash literature and language. Cheboksary; 1966: 193 — 204. (In Russ.)
4. Denisova T. V. Interjections in the Chuvash language: monograph. Cheboksary; 2005: 103. (In Russ.)
5. Kibrik A. E. Essays on General and Applied Issues in Linguistics (Universal, Typological and Specific Features of Language). Moscow; 1992: 336. (In Russ.)

6. Lebedev E. E. Word Formation in the Chuvash Language. *Cheboksary*;2023:212. (In Russ.)
7. Leontiev D. M. The Chuvash language electronic corpus concept: technical aspect // *Modern humanities*. 2025;1(2):75 — 90. (In Russ.)
8. Materials on the grammar of the modern Chuvash language. Part 1: Morphology. *Cheboksary*;1957:361. (In Russ.)
9. On the discussion of certain issues in Chuvash grammar // *Scientific notes*. Issue 12. *Cheboksary*;1955:2 — 29. (In Russ.)
10. Pavlov I. P. Modern Chuvash Language: monograph: in 2 vols. Vol. 1: Morphemics, Morphology, Word Formation. *Cheboksary*;2014:264. (In Russ.)
11. Pavlov I. P. Modern Chuvash Language: monograph: in 2 vols. Vol. 2: Morphology. *Cheboksary*;2017:448. (In Russ.)
12. Pavlov I. P. Khalkhi chăvash literatura chëlkhi: Morfologi. *Shupashkar*;1965:343. (In Chuvash)
13. Sergeev V. I. Morphology of the Chuvash language: inflection, formization and shaping: monograph. *Cheboksary*;2017:400. (In Russ.)
14. Sergeev V. I. Khalkhi chăvash literatura chëlkhi: Morfologi: Study guide. *Shupashkar*;1992:176. (In Chuvash)
15. Sichinava D. V. Parts of speech // *Materials for the corpus grammar of the Russian language*. Issue 3: Parts of speech and lexico-grammatical classes. St. Petersburg;2018:9 — 39. (In Russ.)
16. Steblin-Kamensky M. I. On the question of parts of speech // Steblin-Kamensky M. I. *Controversial in linguistics*. Leningrad;1974:19 — 34. (In Russ.)
17. The structure of the Khakass word form and restrictions on the compatibility of affixes in the automatic parser of the Khakass language / A. V. Dybo, V. S. Maltseva, A. V. Sheymovich [et al.] // *Ural-Altai studies*. 2023;49(2):42 — 75. DOI 10.37892/2500-2902-2023-49-2-42-75. (In Russ.)
18. Shcherba L. V. On parts of speech in the Russian language // Shcherba L. V. *Language system and speech activity*. Moscow;2004:77 — 100. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.01.2026;
одобрена после рецензирования 24.03.2026; принята к публикации 24.08.2026

Информация об авторе:

Долгова Алевтина Петровна, старший научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп.1),
кандидат филологических наук, доцент,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-8445-7877>, enzenz@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 19.01.2026;
approved after reviewing 24.03.2026; accepted for publication 24.08.2026

Information about the author:

Alevtina P. Dolgova, senior researcher, Chuvash State Institute of Humanities
(29/1, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),
Candidate of Philological Sciences, associate professor,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-8445-7877>, enzenz@yandex.ru

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 19.01.2026 ситнĕ;
рецензиленĕ хыççăн 24.03.2026 ырланă; 24.08.2026 пичете йышăннă

Автор çинчен:

Долгова Алевтина Петровна, Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхĕсен
институтчĕн аслăлăх аслă ёстешĕ
(428015, Раççей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),
филологи аслăлăхĕсен кандидачĕ, доцент,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-8445-7877>, enzenz@yandex.ru

Пайталăх конфликтчĕ: автор пайталăх конфликтчĕ çуккине пĕлтерет.

Автор ал çыравăн юлашки вариантне вуласа тухнă, ырланă.

УДК 398.2(=512.111)

ББК 82.3(=635.1)

Аслăлăх статийи

ЫР-УСАЛ ХАЛАПЁСЕМ: ТЁПЧЕНИН ИСТОРИЙЁ ТАТА ТЕРМИНОЛОГИ БЫТАВЁ

Г. Г. Ильина

Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхёсен институтĕ,
Шупашкар хули, Раçсей
galiil69@mail.ru

Аннотаци. Чăваш фольклорĕн проза ретĕнчи жанрĕсене ушкăнлас ыйту паянхи кунччен те татăлман-ха. Сăкăн сăлтавĕсем те паллă. Пĕрремĕшĕнчен, чăваш фольклорĕн жанрĕсене системăланă чух вырăс фольклорĕн ушкăнлав йĕркине никĕсе хуни. Иккĕмĕшĕнчен, халăх хай текстсене мĕнле терминпа палăртнине шута хуманни. Халăх терминологийĕпе аслăлăх терминологийĕ тўр килменнине уйрăм тĕпчевсĕсем XX ĕмĕр вĕçĕнче — XXI ĕмĕр пуçламĕшĕнче уçăнах палăтрĕç. Тепĕр сăлтавĕ — вырăс фольклорĕнчи жанр ячĕн чăвашла эквивалентĕ пур фольклорçăна та тивĕçтерменни, çавна пула аслăлăхра пĕр жанрăн темисе ячĕ хуçаланма пуçлани. Статьяра юмах мар проза ретĕнчи ыр-усал халапĕ (быличка) жанрне пăхса тухма палăртнă. Чăваш фольклорĕн юмах мар жанрĕсене ушкăнланă чух унăн никĕсене тĕп сăнар принципне хуни вырăнлă. Тепĕр енчен, асăннă меслетпе юмах жанрĕн тĕсĕсене ушкăнласа тухнă та ĕнтĕ: январь юмахĕ, паттăр юмахĕ, нараста юмахĕ, шаймак юмахĕ. Сапла майпа халăх прозин жанрĕсене пурне те асăннă меслете тĕпе хурса ушкăнлама пулат, вăл нумай енчен ытти меслетсенчен вырăнлăрах та. Ыр-усал халапĕсен тĕп сăнарĕсем — халăх мифологийĕн сăнарĕсем. Кун йышши халапсенче ĕç-пуç уйрăм сынпа пулса иртет пулин те, тĕп сăнарĕ сапах та мифла сăнар. Халапсен сюжетĕ мифла сăнар тавра йĕркеленет.

Тĕп сăмахсем: чăваш фольклорĕ, ыр-усал халапĕ, мифла сăнар, чăн пулни

Цитатăлама: Ильина Г. Г. Ыр-усал халапĕсем: тĕпченин историйĕ тата терминологи ыйтавĕ // Хальхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 3 №. С. 100 — 106

© Ильина Г. Г., 2026

Научная статья

ЧУВАШСКАЯ БЫЛИЧКА: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

Г. Г. Ильина

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
galiil69@mail.ru

Аннотация. Проблема классификации прозаических жанров чувашского фольклора до сих пор не решена. Этому есть несколько причин. Во-первых, при систематизации жанров чувашского фольклора исследователи опирались на классификацию жанров русского фольклора, игнорируя этнокультурную специфику. Во-вторых, довольно вольное определение и терминологическое обозначение жанров самими представителями чувашского народа. Отдельные ученые уже в конце XX — начале XXI в. отмечали, что народная терминология и научная терминология не всегда совпадают. Следующая причина заключается в том, что не все термины жанра русского фольклора имеют удовлетворяющий всех фольклористов эквивалент на чувашском языке. В результате в науке стало господствовать несколько названий одного и того же жанра. В данной статье рассматривается жанр «ыр-усал халапĕсем» (былички) из ряда

несказочной прозы. При классификации жанров сказочной прозы чувашского фольклора уместно в основу положить принцип главного героя. Вместе с тем по указанному способу уже сгруппированы виды жанра сказки: о животных, богатырская сказка, сказка о безвинно-гонимых, бытовая сказка. Таким образом, все жанры народной прозы можно сгруппировать на основе принципа главного героя, который во многом уместнее других. Главными героями быличек выступают мифологические персонажи. Хотя в рассказах указанного типа действие происходит с отдельным человеком, главный герой все же мифический. Сюжет в быличке строится вокруг мифического образа.

Ключевые слова: чувашский фольклор, былички, мифический образ, представление сюжетов, загробный мир

Для цитирования: Ильина Г. Г. Чувашская быличка: история изучения и вопросы терминологии // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 3. С. 100 — 106

Scientific article

CHUVASH EPIC: HISTORY OF RESEARCH AND TERMINOLOGICAL ISSUES

G. G. Ilyina

Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia
galii69@mail.ru

Abstract. The problem of classifying the prose genres of Chuvash folklore has not yet been resolved. There are several reasons for this. First, when systematizing the genres of Chuvash folklore, researchers relied on the classification of Russian folklore genres, ignoring ethnocultural specificity. Second, genre definitions and terminology used by the Chuvash people themselves are often flexible and variable. Some scholars already noted in the late 20th — early 21st century that folk terminology and scientific terminology do not always coincide. Furthermore, not all Russian folklore genre terms have satisfactory Chuvash equivalents. As a result, several names for the same genre have come to dominate in scholarship. This article examines the genre “yr-usal halapësem” (epics) from the category of non-fairy-tale prose. For classifying non-fairy-tale prose genres in Chuvash folklore, the principle of the main character provides an appropriate basis. This method has already been successfully applied to fairy-tale subgenres: animal tales, heroic tales, tales of unjust persecution, and everyday tales. Thus, all genres of folk prose can be grouped based on the principle of the main character, which proves more effective than alternative approaches. The main characters of the epics are mythological beings. Although these narratives focus on individual human protagonists, the main agent is still mythical. The plot in the epic is built around a mythical figure.

Keywords: Chuvash folklore, epics, mythical figure, narrative structure, the afterlife

For citation: Ilyina G. G. Chuvash epic: history of research and terminological issues // Modern humanities. 2026;2(3):100 — 106

Кўртём

Ыр-усал халапёсене чăваш фольклорён уйрăм жанрĕ тесе пăхасси иртнĕ ёмĕрĕн 40-мĕш сÿлĕсенче пусланнă. Анчах та совет тапхăрĕнче кун йышши жанрсене пухас, тĕпчес ёс чарăнса ларнă. Юмах мар жанрсене тупса палăртса ушкăнлас ёс те ун чухне тивĕслĕ шайра пулман-ха. Савна май эпир пăхакан жанрăн пахалăхлă тексĕсем тĕрлĕ фольклор пуххинче урăх ятсемпе пичетленсе пынă. Паянхи чăваш фольклористики ыр-усал халапёсене уйрăм жанр тесе палăртса тĕпчет.

Тĕпчев материалёсем тата меслечёсем

Тĕпчев ёсĕн сăлкуçĕсем — тĕрлĕ сÿлта кăларнă сăмахлăх пуххисем тата гуманитарни институтĕн Аслăлăх архивĕнче упранакан ал сыру материалёсем. Тупса

палартнӑ текстсенчен ытларах пайӑ ӑслӑлӑха пусласа кӑрет. Статьяна сырнӑ чух тӑрлӑ меслетпе усӑ курнӑ. Тишкернӑ май текстсене хӑш вӑхӑтра сырса илнине шута илсе сӑнама, ытти жанрсен тексчӑсен хушшинчен суйласа илме, вӑсен вариантчӑсене тупса палартма тиврӑ. Тӑрлӑ вӑхӑтра сырса илнӑ текстсен пахалӑхӑ расна. Паллах, тӑп вырӑнта — чӑваш фольклорчӑсем хӑйсен ӗсӗсенче каланӑ шухӑшсем. Статьяра вӑсене теори тӑлӗшӗнчен шайлаштарса хак пама тӑрӑшнӑ.

Тӑпчев результатчӑсем, вӑсене сӑтсе явни

Рассей тата чӑваш фольклористикинче проза ретне кӑрекен хайлавсене тӑпчевсӑсем икӑ пысӑк ушкӑна уйӑрса пӑхаcӑ: юмах (вырӑсла «сказочная») тата юмах мар (вырӑсла «несказочная») проза жанрӑсем. Малалла вӑсене «юмах» тата «халап» терминпа палартӑпӑр. «Халап» термин вырӑссен «предание», «легенда» ӑнлавӑсене cывӑх.

Чӑваш фольклорӑн юмах мар жанрӑсене ушкӑнлас ӗс иртнӑ ӗмӑрӑн 20-мӑш cулӑсенченех йӑркеленсе пырать. Халап ретӑнчи жанрсене уcӑмлатса cитерменнине пула вӑсене юмах пуххисенчех пичетлесе пынӑ. Cакӑ малтанхи тапхӑрта ӑслӑлӑхра ватӑрах жанрсене тупса палартманнипе те cыхӑннӑ пулӑ. «Миф» тексчӑсене вырӑна хурса тимлеменни те хӑйне май чӑрмав кӑнӑ. Паллах, тӑп cӑлтавсенчен пӑри — кун йышши текстсене тӑрӑс палартса хак паманни пулнӑ. Вӑл вӑхӑтра сырса илнӑ миф тексчӑсен cӑн-cӑпачӑ пачах урӑхла пулнӑ. Cавӑнпа кун пек текстсене хаклакансем «cурма миф», «cурма юмах» терминсемпе усӑ курнӑ. Хӑйсен авалхи cӑн-cӑпатне cухатса вӑхӑт улӑштарнӑ текстсем тӑпчевcӑсене cӑпла хаклавсем тума хистенӑ те.

Ир-усал халап тесе уйрӑм cын е унӑн тӑванӑсем, паллаканӑсем пӑр-пӑр усал-тӑселпе куcа куcӑн тӑл пулни cинчен калакан халапсене каласcӑ. Кунаш-кал халапсен никӑcӑнче — авалхи cын ӗненӑвӑсем. Вырӑс фольклорӑнче вӑсене палартма «суеверный рассказ», «быличка» терминсемпе усӑ кураcӑ. «Быличка» термина ӑслӑлӑхра пӑрремӑш хут вырӑс тӑпчевcисем Борис тата Юрий Соколовсем усӑ курнӑ [8, c. XXXIX — XLV, LVIII — LX]. Ӑна вӑсем хӑисем пухса хатӑрленӑ кӑнекене халӑх терминологине тӑпе хурса кӑртнӑ. Cӑпла майпа вӑл ӑслӑлӑхра ӑнӑ cарӑлать.

Чӑваш фольклорӑнче кун йышши халапсем пуррине эфир чи малтан 1888 c. Н. М. Охотников хӑйӑн ачалӑхне аса илсе cырнӑ йӑркесенче курачӑпӑр: «Хӑш-пӑр чухне кӑccерен пирӑн пата тӑне кӑмен чӑвашсенчен пӑр старик килкелетчӑ. Cак старике эфир Елми асатте тесе чӑнеттӑмӑр. Вӑл килсен cӑмьере кӑмӑл-туйӑм палӑрмаллах уcӑлса каяччӑ. Вӑл яланах пире юмах-халап каласа кӑтартатчӑ. Ун cумне май килнӑ таран cывӑхарах пырса ларса, эфир ӑна cав тери тимлӑн итлеттӑмӑр. <...> Унӑн юмах-халапӑнче мана пуринчен ытларах тӑлӑнмелле (асамӑл) япаласемпе ӗccем cинчен калани кӑмӑла каяччӑ, вӑсене ӗпӑ е чӑннипех ӗненеттӑм, е ӗненес килетчӑ. Cав юмахсем, тӑрлӑ тӑшмӑш cинчен каланисем, каларӑшсемпе ваттисен cӑмахcӑсем, хам таврари пурнӑcа хам тӑллӑн, тӑрремӑн курса итленипе пӑрле, манӑн ача чухнехи тӑнче курама йӑркеленӑ пӑртен пӑр материал пулнӑ» [3, c. 22 — 23]. Кунта пирӑншӑн Н. М. Охотников хӑй ача чухне илтнӑ хайлавсенчен халӑх cӑмахлӑхӑн тӑрлӑ тӑсне уйӑрни пӑлтерӑшлӑ, уйрӑммӑн илсен — юмахсем, тӑшмӑш cинчен каланисем.

Кунашкал халапсене аслисем ачасене каласа панин тӑслӑхcӑсем Чӑваш патшалӑх гуманитари ӑслӑлӑхcӑсен институтчӑн Ӑслӑлӑх архивӑн материалcӑсем хушшинче те йышлӑ: «Ӕпӑ юмах тесен таcта хӑраса ӑкеттӑмччӑ. Ман пуcра cӑплах пит хӑрамалли юмахсем тӑрасcӑ. Вӑл хӑрамалли юмахсене мана апи ярса кӑтар-

татчѣ. Ъав хӕрамалли юмахсене пусласанах урасене сак синелле хӕпартса хурса шӕтӕр-шӕтӕр тирпейлӕн лараттӕмчѣ. <...> “Эпѣ сире юмах ыргӕнне чӕн-чӕн пулнине каласа парӕп”, — тесе пуслатчѣ калама килеми»¹. Каланӕ йӕркесенчен ума сак факт тухса тӕрать. Итлекен кунта текста итленѣ май хӕй мӕнле хӕранине тӕплӕн ӕкерсе парать. Эпир тӕпчекен жанрӕн тӕллевѣ савнашкал. Итлекене май пур таран хӕратмалла.

Теори тӕлӕшӕнчен асӕннӕ жанр уйрӕмлӕхӕсене И. С. Тукташ «Чӕваш фольклорѣ» кӕнекере (Шупашкар, 1949) пӕхса тухнӕ. Унӕн шухӕшӕпе: «Преданисем тесе епле те пулин япала сӕнчен чӕн пулнӕ пек каланӕ халлапсене калассѣ. Вӕсене ыргӕсла “быль” тессѣ. Преданисем тӕрлӕрен пулассѣ. Вӕсен шутӕнче этиологиллѣ легендӕсем (тӕнче пусланни сӕнчен, шывсем-шурсем, тусем, тӕрлѣ чӕр чунсем епле пусланса кайни сӕнчен каласа панисем) пулассѣ тата тӕшмӕш халапӕсем: арсури, шыври, хӕрт-сурт, вӕпӕр, вутӕш, савӕн пекех ытти усал-тӕселсемпе тухатмӕшсем сӕнчен каласа панисем те кӕрессѣ. Вӕл калавсем сӕм авалах пусланса кайнӕ, мӕншӕн тесен авалхи сӕнсем, сӕт сӕнталӕкӕн законӕсемпе явленийӕсене ӕнланайман пирки, темӕнле “усал сывлӕша” та ӕненнѣ» [11, с. 161]. Сапла майпа тӕпчевсѣ чӕваш фольклорӕнче легендӕсемпе тӕшмӕш халапӕсем пуррине сирӕплетет. Эпир тӕпчекен жанр ятне фольклорсӕ хӕйле палӕртнӕ — «тӕшмӕш халапӕсем».

Шел те, И. Тукташ хыссӕн палӕртнӕ жанр пирки тӕпчевсѣсем сырман. Совет саманинче чылай вӕхӕт хушши ку жанр тексӕсене пухма та, тӕпчеме те май килмен. И. Тукташ кӕртнѣ термин ӕслӕлӕхра хальхи ӕмӕрӕн 20-мӕш сулѣ таранах сӕрерѣ. Сӕннѣ термина Н. И. Егоровпа Г. Г. Ильина хӕйсен ӕсӕсенче улӕштармасӕр тытса пычӕс [1; 2]. Анчах та ӕслӕлӕхра сак жанра палӕртӕкан урӕх терминсем пирки те асӕнас пулать.

1994 с. Чӕваш патшалӕх гуманитарнӕ ӕслӕлӕхӕсен институтчѣ чӕваш халӕх пултарулӕхӕн тексӕсене сӕнӕрен пичетлес тӕллевпе проспект кӕларать, унта эпир пӕхакан текстсене палӕртма «пулса иртнисемпе юптармӕшсем» термин сӕннѣ [7, с. 82]. Анчах та сӕннѣ термин «быличка» ӕнлава палӕртма пултараймасть. Мӕншӕн тесен хӕй икѣ терминтан тӕрать: «пулса иртнисем» тата «юптармӕш». «Пулса иртнисем» термин ыргӕс фольклорӕнчи «толки», «слухи» жанрсене тӕр килет. «Юптармӕш» ӕнлав ыргӕс фольклорӕнче «быличка» тесе палӕртнӕ жанр содержанийӕпе те, функцийӕпе те тӕр килмест. Паллах, хӕш-пӕр текстсенче хӕрушла ӕс тӕленмелле майпа вӕсленет. Анчах текст нимле майпа та юптарас тӕллевлѣ мар, вӕл уйрӕм сынпа пулса иртнѣ синкерлѣ ӕс-пуса сӕнлать. Чылай чухне ыр-усалсемпе тӕл пулу хыссӕн уйрӕм сын вилни е сывмарланни те пулать.

Вӕхӕт иртнѣсемӕн те чӕваш тӕпчевсисем «быличка» терминӕн чӕвашла эквивалентне шырама чарӕнман. В. Г. Родионов хӕйӕн ӕсӕнче «тӕлӕнтермӕш халап» термин сӕннѣ [6, с. 133]. Ку термина та йышӕнма май килмест. Паллах, тӕшмӕш халапӕсен пӕр пайѣ йывӕрлӕха кӕрсе ӕкнѣ сын ыр-усалсенчен сӕмӕллӕнах хӕтӕлнипе вӕсленет. Анчах та кун пек халапсен тӕп тӕллевѣ пулса иртекен ӕссемпе итлекене тӕлӕнтересси мар, чылай кӕткӕсрах.

XXI ӕмӕр пусламӕшӕнче Н. И. Егоров тӕпчевсѣ хӕйӕн ӕсӕсенче чӕваш халӕхӕн прози ретӕнчи жанрӕсем пирки сакӕн пек шухӕш калать: «Ыргӕс фольклористикинче “халап” йышӕнче тишкерекен жанрсене “легенда”, “миф”, “предание”, “быличка”, “бывальщина” тесе вакласа каяссѣ, чӕваш ӕс-хакӕлѣ халапсене урӕхлах ушкӕнлать: ыргӕссен “миф”, “легенда”, “быличка”, “бывальщина”

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 232. С. 45 — 58.

тесе палъртакан уйрәмшар жанрсем йалтах пирён “мифологи халапёсен” шутне кёрсе каясёё. Сакъ чаваш тёнче курәмё вырăс тёнче курăмёнчен урăхларах пулнинчен килет. Чаваш ас-хакълёнче мифла шухашлав тасарах сыхланса юлнă, вайлăрах палърса тарать, вырăссен мифологине православи тёнёпе кёнё сёнё идеологи аркатса янă <...> Вырăс фольклористикинче турăсемпе тёрлё ыр-хаярсем синчен калакан тён-тёшмёш халапёсене “былички”, “бывальщины”, “легенды” жанрсем сине уйърса тёпчени синчен каларăмър. Пирён сакън йышши фольклор хайлавёсене ушкăнёпе пёрле “тён-тёшмёш халапё” тесе тишкermелле пек туйăнать» [1, с. 65 — 66].

Н. И. Егоров сённё «тён-тёшмёш халапё» а́нлав чылай а́нлăрах. Ку термина тёпе хурас пулсассăн, чаваш фольклорне тёрлё тён витёмёпе кёнё мифла сăнарсене шута илме тивет. В. Я. Пропп тёпчевсё каланă шухаша тёпе хурăпър: «Мы предлагаем выделить былички — по признаку принадлежности их образов к дохристианской религии, не умершей к моменту исполнения рассказа, и по признаку веры в действительность передаваемых событий — в особый жанр» [4, с. 46 — 48]. (Сăмах май, православи тёнён витёмёпе йёркеленнё тёшмёшле ёненўсене, турă-светтуйсем, турăшсем синчен калакан халапсене пухса «Чаваш халăх пултарулăхё» ярăмпа уйрăм кёнеке кăларма палъртнă).

Вырăс фольклорёнче тёпчевсёсем «быличка» тата «бывальщина» жанрсем пуррине асăнасёё. Анчах та вёсене пёр-пёринчен уйърмалли мелсемпе майсене паянхи кун та усăмлатса ситереймен. Эпир тёпчекен термина палъртма В. Станьял «усал-тёсел хăратмăшё» термин сёнсе пăхнă [9, с. 10]. Юмах мар проза жанрёсене вăл: «...жанрёсем сывăх пулсан та хайсен тёшшисемпе пёр-пёринчен расна тăни, вёсене пёр-пёринчен уйърса тёпчеме кирли курăнать», — тесе палъртать. Пирён шутпала, вырăс фольклорёнчи кашни жанрах чаваш фольклорёшён характерлă мар. Вырăс тёпчевсисем хайсем те ку тёлёшрен «быличкăпа» «бывальщина» терминсемпе палъртнă текстсене уйърса илес ёсре йывăрлăхсем пуррине палъртасёё. Халиччен тухнă пухăсенче те «быличка» термина а́нлă тыткаласёё. Теори шайёнче терминсене самай шутласа кăларма пулать, анчах уйрăм текстпа ёсленё чухне унăн жанрне палъртас ёсре тёпчевсё умне йывăрлăхсем тухса тарасёех.

Эпир асăннă асчахсем хайсен ёсёсенче тёрлё термин сённи наука́ри шыравă ёненерет. Чаваш фольклористикинче терминологи ыйтăвне татса парас ыйту сивёч. Кашни тёпчевсё хайён терминёпе усă курнине пула уйрăм жанр харăсах темисе ятпа тёл пулать. Нумай пулмасть ЧПГ АИ «Чаваш халăх пултарулăхё» серипе асăннă жанрăн тексёсен пуххине икё кёнекен пичетлесе кăларчё [12; 13]. Унта фольклорсăсем ушкăнлав никёсне тёп сăнара хурса «ыр-усал халапё» термин сённё. Тёп герой принципё фольклор жанрёсене классификацилемелли никёс пулса персонажăн сюжетри рольне, унăн характеристиксене, функцийёсене тата жанр паллисен тытăмёнчи вырăнне тишкернипе сыхăннă. В. Я. Пропп, фольклор тексёсен жанр классификацийён принципёсене калăпланă тёпчевсёсенчен пёри, тёрлё жанрлă геройсен (юмах, эпос, баллада, легенда, ас-хакъл сăвви) уйрăмлăхне чи малтан вёсен поэтикин уйрăмлăхёпе палъртни пирки калать [5, с. 34 — 45]. Асăннă принцип чаваш фольклорён проза ретёнчи жанрёсене ушкăнлас ёсре питё меллё. Унпа усă курса юмах мар жанрсене сапла вакласа кайма пулать: мифологи халапё, улăп халапё, аваллăх халапё, тавралăх халапё, ыр-усал халапё.

Мифла сăнарсем фольклорăн тёрлё жанрёнче тёл пуласёё. Уйрăм сăнарăн хай евёрлехне палъртнă чухне вăл хăш жанрта тёл пулнине шута илме тивет. Кашни жанрăн хайне кура уйрăмлăх, сăнарпа усă курасси, сюжета йёркелесси, поэтики, стилё. Сăвна май ахаль юмахри, мифологи халапёнчи тата ыр-усал халапёсенчи

сăнарсем пач расна. Мифологи халапĕ вăл е ку персонаж епле пулса кайнине усса парасси сине пусăм тăвать. Юмах, илĕртмĕш жанрĕ пулниран, сăнарăн мифологи сĕмне асра тытмасть, савăнпа этем юмахра тĕрлĕ ыр-усалпа сăпăсма, вĕсенчен кулма, улталама пултарать. Ыр-усал халапĕсен содержанийĕ уйрăм сăнар тавра йĕркеленсе пырат, тĕл пулу саманчĕн синкерлĕхне палăртать.

Фольклорăн проза ретĕнчи жанрĕсем пĕр-пĕринпе тачă сыхăнура тăрасçĕ. Анчах кашни жанрăн пурнăс чăнлăхне палăртасси расна. Мифологи халапĕ вăхăтченхи вăхăта кăтарать. Унти ĕссем сĕм авалхи тапхăрта, тĕнче йĕркеленичен е тĕнче пулса кайнă вăхăтра пулса иртесçĕ. Ыр-усал халапĕнчи ĕссем хальхи вăхăтра пулса иртесçĕ, анчах авалхи ĕненĕве тĕпе хураççĕ, сĕм авалхи сăнарсемпе тĕл пулаççĕ. Апа каласа кăтартакансем те итлекенпе пĕр вăхăтра пурăнакан сынсем. Калакан кунта текстăн содержанийĕ чăн пулнине ĕнентерме пурте паллакан ялти уйрăм сынна асăнать, ял ятне, сав сын хăш вырăнта, хăш сехетре, мĕнле лару-тăрура «леш тĕнче» сăнарĕпе тĕл пулнине палăртать. Паллах, кашни уйрăм жанрăн ятарлă функцийĕ пур. Текста йĕркелесси сав тĕллевĕ пăхăнать.

ПĕтĕмлетŸ

Пĕтĕмлетсе сакна каламалла. Ыр-усал халапĕсем — чăваш фольклорĕн хайне уйрăм жанрĕ. Сакна тĕрлĕ архивсенче упракан текстсем те сирĕплетсе пачĕс. Вĕсен тĕслĕхĕсене паянхи экспедицисенче те йышлă сырса илме пулат. Вăл тĕлĕшрен ыр-усал халапĕсем пирки, тавралăх халапĕсем пекх, халĕ та тухăçлă ĕслекен жанр тесе палăртмалла.

Совет тапхăрĕнче ку жанра тĕшмĕш халапĕ тесе палăртнă, апа ятарласа тĕпчени пулман. Сăлсем иртнĕсем аслăлăхра апа палăртакан терминăн синоним ячĕсем йĕркеленсе кайнă. Хамăр енчен ушкăнлав никĕсне тĕп сăнара хурса малашне вĕсене ыр-усал халапĕсем тесе палăртма сĕнетпĕр. Тĕп герой принципĕ персонажăн уйрăм енĕсене те, хайлавăн жанр уйрăмлăхĕсене те, унăн тытамне те, пĕлтерĕш сăл-йĕрне те шута илме май парать.

СĂЛКУСЕН СПИСОКĖ / СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Егоров Н. И. Чăваш фольклорĕн проза жанрĕсене ушкăнласи тата терминологи ыйтăвĕсем // Халăх шкулĕ = Народная школа. 2002. № 4. С. 64 — 67.
2. Ильина Г. Г. Чăваш халăх сăмахлăхĕ. Халăх прози: вĕренŸпе методика пособийĕ. Шупашкар: Чăваш ун-чĕн изд-ви, 2016. 119 с.
3. [Охотников Н. М.] Записки чувашина о своем воспитании (1888 год) / А. Охотников // Известия Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Казань: 1-я Государственная Типография, 1920. Т. 31. Вып. 1. С. 19 — 48.
4. Пропп В. Я. Русская сказка. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1984. 335 с.
5. Пропп В. Я. Фольклор и действительность: избранные статьи / сост., ред., предисл. и примеч. Б. Н. Путилова. Москва: Наука, 1976. 325 с.
6. Родионов В. Г. Чăваш литературы (XIX ĕмĕрĕн иккĕмĕш сурри): вĕренŸ пособийĕ. Шупашкар: Чăваш ун-чĕн изд-ви, 2002. 248 с.
7. Родионов В. Г. Чăваш халăх сăмахлăхĕн пуххи: проспект // Сăмах = Слово. Тĕпчевсемпе текстсем = Исследования и тексты. Шупашкар, 1994. С. 80 — 84.
8. Соколов Б. М., Соколов Ю. М. Сказки и песни Белозерского края. Москва: Печ. А. И. Снегиревой, 1915. СХШ, 666 с.
9. Трофимов А. А., Станьял В. П. Чăваш мифĕсем: тытамĕ, кŸлепи, чĕлхи, сăнарлăхĕ // Чăваш халăх пултарулăхĕ. Мифсем, легендăсем, халапсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2004. С. 7 — 23.
11. Тукташ И. С. Преданисем // Чăваш фольклорĕ = Чувашский фольклор / И. С. Тукташ хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăвашсен гос. изд-ви, 1949. С. 161 — 165.
12. Ыр-усал халапĕсем = Былички. Кн. 1 / сост. Г. Г. Ильиной, Е. В. Федотовой, предисл., указатель ключевых слов Г. Г. Ильиной; филол. пер. и примеч. А. П. Леонтьева; науч. ред. Н. Г. Ильина; Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2023. 400 с.

13. Ыр-усал халапӑсем = Былички. Кн. 2 / сост. Г. Г. Ильиной, Е. В. Федотовой, предисл., указатель ключевых слов Г. Г. Ильиной; филол. пер. и примеч. А. П. Леонтьева; науч. ред. Н. Г. Ильина; Чуваш. гос. ин-т гуманит. наук. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2023. 416 с.

REFERENCES

1. Egorov N. I. Chävash fol'klorën proza zhanrësene ushkänlassi tata terminologi yitävšem // Khaläkh shkulë = Folk school. 2002;4:64 — 67. (In Chuvash)
2. Ilyina G. G. Chävash khaläkh sämakhläkhë. Khaläkh prozi: vërenýpe metodika posobiï. Shupashkar;2016:119. (In Chuvash)
3. [Okhotnikov N. M.] Notes by a Chuvash about his upbringing (1888) / A. Okhotnikov // Izvestiya of the Society for Archaeology, History and Ethnography at the Imperial Kazan University. Kazan;1920;31(1):19 — 48. (In Russ.)
4. Propp V. Ya. A Russian fairy tale. Leningrad;1984:335. (In Russ.)
5. Propp V. Ya. Folklore and reality: selected articles. Moscow;1976:325. (In Russ.)
6. Rodionov V. G. Chävash literaturi (XIX ėmërën ikkëmеш çurri): vërený posobiï. Shupashkar;2002:248. (In Chuvash)
7. Rodionov V. G. Chävash khaläkh sämakhläkhën pukhkhî: prospekt // Sämakh = Word. Tĕpchevsempe tekstsem = Research and texts. Shupashkar;1994:80 — 84. (In Chuvash)
8. Sokolov B. M., Sokolov Yu. M. Fairy tales and songs of the Belozersky region. Moscow;1915:CXIII, 666. (In Russ.)
9. Trofimov A. A., Stanyal V. P. Chävash mifšem: tytämĕ, kÿlepi, chĕlkhî, sänarläkhë // Chävash khaläkh pultaruläkhë. Mifšem, legendäsem, khalapsem. Shupashkar;2004:7 — 23. (In Chuvash)
11. Tuktaş I. S. Predanışem // Chävash fol'klorë = Chuvash folklore. Shupashkar;1949:161 — 165. (In Chuvash)
12. Yr-usal khalapĕsem = Epics. Volume IV. Book 1. Cheboksary;2023:400. (In Russ. and Chuvash)
13. Yr-usal khalapĕsem = Epics. Volume IV. Book 2. Cheboksary;2023:416. (In Russ. and Chuvash)

Статья редакции 16.03.2026 ситнĕ;
рецензиленĕ хысçăн 09.02.2026 ырланă; 24.08.2026 пичете йышăнă

Автор синчен:

Ильина Галина Геннадьевна, Чăваш патшалăх гуманитари
ăслăлахĕсен институтĕн ăслăлах ертÿсĕ ёстешĕ
(428015, Раçсей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),
филологи ăслăлахĕсен кандидачĕ, доцент,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9495-4053>, galiil69@mail.ru
Пайталăх конфликчĕ: автор пайталăх конфликчĕ суккине пĕлтерет.
Автор ал сÿрăвăн юлашки вариантне вуласа тухнă, ырланă.

Статья поступила в редакцию 16.03.2026;
одобрена после рецензирования 09.02.2026; принята к публикации 24.08.2026

Информация об авторе:

Ильина Галина Геннадьевна, ведущий научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1),
кандидат филологических наук, доцент,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9495-4053>, galiil69@mail.ru
Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 16.03.2026;
approved after reviewing 09.02.2026; accepted for publication 24.08.2026

Information about the author:

Galina G. Ilyina, leading researcher, Chuvash State Institute of Humanities
(29/1, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),
Candidate of Philological Sciences, associate professor,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9495-4053>, galiil69@mail.ru
Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 811.512.111'373.21

ББК 81.635.1-3

Научная статья

ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОСТИ И ВАРИАТИВНОСТИ В ЧУВАШСКОЙ ТОПОНИМИИ

И. П. Лукина, Г. А. Дегтярёв

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,

г. Чебоксары, Россия

irinnasemenova@yandex.ru

gena.lingvo@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи — анализ проблем нормативности и вариативности в чувашской топонимии. Материалом послужили географические названия, извлеченные из справочников административно-территориального деления, лексикографических источников, периодических изданий и устной речи. В ходе исследования использованы описательный, сопоставительный и структурно-семантический методы. Рассмотрены особенности передачи русских названий средствами чувашского языка, а также орфографические трудности, связанные с употреблением прописной и строчной букв, слитным, раздельным и дефисным написанием, использованием знаков ъ и ь как разделительных. Показаны различия между официальными и неофициальными (народными) топонимами. Установлено, что наиболее ярко вариативность проявляется в названиях чувашских населенных пунктов, расположенных вне республики, где из-за отсутствия официальной фиксации возникают параллельные наименования. Обосновывается необходимость создания единого кодифицированного реестра чувашских географических названий. Такой реестр позволит преодолеть орфографическую вариативность, сохранит уникальные локальные топонимы (бытующие преимущественно в устной речи), упорядочит их использование в официально-деловой сфере и лексикографической практике, при оформлении дорожных указателей и адресных табличек.

Ключевые слова: вариативность, нормативность, топонимия, орфография, кодификация, чувашский язык, официальный топоним, народный топоним

Для цитирования: Лукина И. П., Дегтярёв Г. А. Проблемы нормативности и вариативности в чувашской топонимии // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 3. С. 107 — 117

© Лукина И. П., Дегтярёв Г. А., 2026

Scientific article

PROBLEMS OF STANDARDIZATION AND VARIABILITY IN CHUVASH TOPONYMY

I. P. Lukina, G. A. Degtyarev

Chuvash State Institute of Humanities,

Cheboksary, Russia

irinnasemenova@yandex.ru

gena.lingvo@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is to analyze the problems of standardization and variability in Chuvash toponymy. The material comprises geographical names extracted from reference books on administrative-territorial divisions, lexicographic sources, periodicals and oral speech. Descriptive, comparative and structural-semantic methods were used in this study. The peculiarities of rendering Russian place names in the Chuvash language, as well as spelling

difficulties associated with solid, separate, and hyphenated writing, and the use of the hard and soft signs (ь and ъ) as separators, have been analyzed. The differences between official and unofficial (folk) toponyms are examined. It has been established that variability is most pronounced in the names of Chuvash settlements located outside the republic where the absence of official registration leads to parallel names. The authors argue that the creation of a unified codified registry of Chuvash toponyms is essential, as it will help overcome spelling variability, preserve unique local toponyms (primarily used in oral speech) and normalize their usage in official documentation, lexicographic practice, and the design of road signs and address plates.

Keywords: variability, standardization, toponymy, spelling, codification, Chuvash language, official toponym, folk toponym

For citation: Lukina I. P., Degtyarev G. A. Problems of standardization and variability in Chuvash toponymy // Modern humanities. 2026; 2(3):107 — 117

Āslălăx statiiu

ЧĂВАШ ТОПОНИМИЙЁНЧИ НОРМАТИВЛĂХПА ВАРИАНТЛĂХ ЫЙТĂВЁСЕМ

И. П. Лукина, Г. А. Дегтярёв

Чăваш патшалăх гуманитари Āslălăxĕсен институтĕ,

Шупашкар хули, Раççей

irinnasemenova@yandex.ru

gena.lingvo@yandex.ru

Аннотаци. Статья тĕллеве — географи ячĕсемпе уçă курнă чухне сиксе тухакан нормативлăхпа вариантлăх ыйтăвĕсене тишкересси. Сăмахсене дефиспа е уйрăм сырасипе, ь, ъ паллăсемпе сыханнă орфографи ыйтăвĕсене пăхса тухнă. Вырăс чĕлхинчен кĕнĕ ятсемпе тĕрĕс уçă курмалли пирки каланă. Администраципе территори пайланăвне сăнлакан справочниксенчен, массăллă информаци хатĕрĕсенчен тата каласу чĕлхинчен илнĕ тĕслĕхсене тĕпе хурса официаллă тата официаллă мар ятсен (халăх топонимĕсен) Āрасналăхне кăтартнă. Çакна палăртса хăварнă: республика тулашĕнчи чăваш ялĕсен ячĕсенче вариантлăх уйрăмах йышлă, юрăхлине суйласа илсе ятарлăн сирĕpletсе хăварман пирки параллельлĕ ятсем пулса каяççĕ. Авторсен шучĕпе, чăвашла географи ячĕсен пĕрлехи реестрне хатĕрлени топонимири хирĕçулĕхе татса пама пулăшĕ, каласу чĕлхинче уçă куракан хайне евĕрлĕ ятсене упраса хăварма май парĕ, сул-йĕр паллисемпе адрес кăтартмăшĕсене хатĕрленĕ чухне уçаллă пулĕ.

Тĕп сăмахсем: вариантлăх, нормативлăх, топоними, орфографи, кодификаци, чăваш чĕлхи, официаллă топоним, халăх топонимĕ

Цитатăлама: Лукина И. П., Дегтярёв Г. А. Чăваш топонимийĕнчи нормативлăхпа вариантлăх ыйтăвĕсем // Хальхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 3 №. С. 107 — 117

Введение

В последние годы проблемы топонимики, связанные с употреблением географических названий, привлекают повышенное внимание лингвистов. Это обусловлено не только теоретической значимостью топонимических исследований, но и их практической востребованностью. Данные вопросы активно изучаются и в отечественном языкознании; в частности, они детально проанализированы в совместной статье Е. В. Арутюновой, Е. В. Бешенковой и О. Е. Ивановой [1]. Закономерности нормативного использования топонимов имеют также региональные особенности. Актуальность изучения их на чувашском языковом материале вызвана ростом числа спорных случаев в написании географических

названий в публичных текстах, необходимостью унификации орфографии топонимов.

Наличие большого количества исторических, диалектных и транслитерационных вариантов требует системного анализа и выработки научно обоснованных рекомендаций по выбору наиболее оптимальных для практического применения и включения в нормативные справочники.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили чувашские названия населенных пунктов, извлеченные путем сплошной выборки из имеющихся справочников административно-территориального деления ЧАССР и Чувашской Республики, лексикографических работ («Словаря чувашского языка» Н. И. Ашмарина¹, «Русско-чувашского словаря» М. И. Скворцова², «Словаря топонимических названий и терминов Чувашии» И. С. Дубанова и Ю. Н. Исаева³ и др.), периодических печатных и интернет-изданий (таких как «Хыпар», «Сувар», «Тантӑш», «Чӑваш хӗрарӑмӗ», «Тӑван Атӑл», «Чӑваш халӑх сайчӗ» и др.). Анализ написания топонимов проводился с помощью описательного, сопоставительного и структурно-семантического методов.

Результаты исследования и их обсуждение

Под *официальным именем* в отечественной топонимике понимают названия поселений и административно-территориальных единиц в официальных списках и документах⁴. Официально неустановленное, неутвержденное имя собственное или имя в неофициальной форме (большинство микротопонимов, многие гидронимы, некоторые сокращенные формы, местные формы) обозначают как *неофициальное имя*⁵. Название географического объекта, сосуществующее с основным, определяется также как *народный топоним, местный топоним, неформальный топоним*.

Появление официальных чувашских названий населенных пунктов неразрывно связано с двумя ключевыми историческими процессами: введением новой чувашской письменности (после создания алфавита под руководством И. Я. Яковлева в 1871 г.) и последующим формированием Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики. Именно советская власть юридически закрепила употребление официальных наименований на национальных языках. В частности, Конституция ЧАССР 1926 г., фактически первая Конституция Чувашии, на региональном уровне законодательно утвердила чувашское название города Чебоксары *Шупашкар* в качестве официального обозначения столицы республики. Это было зафиксировано в 87-й статье XIII главы Основного Закона: «Местопребыванием Правительства Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики является город Шупашкар»⁶. Несмотря на конституционную регламентацию, данная норма осталась декларативной —

¹ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка = Чӑваш сӑмахӗсен кӗнеки [Репринт. изд.]: в 17 т. Чебоксары: Руссика; Гос. комитет ЧР по печати, 1994 — 2000.

² Скворцов М. И. Русско-чувашский словарь = Вырӑсла-чӑвашла словарь: в 2 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2012. Т. 2. С. 591 — 625.

³ Дубанов И. С., Исаев Ю. Н. Словарь топонимических названий и терминов Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2023. 579 с.

⁴ Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Наука, 1988. С. 120.

⁵ Там же.

⁶ Клементьев В. Н. Конституция Чувашской АССР 1926 года: исторический очерк. Чебоксары: ЧГИН, 2026. С. 51.

в русской речи (письменной и устной) продолжалось использование привычного наименования *Чебоксары*.

Новое национальное образование столкнулось с необходимостью упорядочения административно-территориального деления, стандартизации названий районов, сельских советов и обычных населенных пунктов. Это нужно было прежде всего для официально-деловой сферы, органов местного самоуправления, работников почты, телеграфа, транспорта, а также других предприятий и учреждений. Были изданы книги из серии «ЧАССР: административно-территориальное деление» (на 1 июля 1948 г.⁷, на 1 января 1958 г.⁸, на 1 января 1968 г.⁹), а позже вышли в свет справочники «Населенные пункты Чувашской АССР в 1917 — 1974 годах»¹⁰ и «Населенные пункты Чувашской АССР. 1917 — 1981 годы»¹¹. В них были официально закреплены чувашские и русские наименования населенных пунктов, а также получили отражение все административно-территориальные изменения (появление новых населенных пунктов, изменение их статуса). Последний справочник из этой серии «Населенные пункты Чувашской Республики. 1917 — 2019 годы»¹² был издан в 2020 г.

В указанных изданиях приведены официальные названия, а народные варианты, многие из которых уходят корнями в глубокую древность, не получили отражения. Так, село *Комсомольское* одноименного муниципального округа, известное с XVI в. как «поселение русских полоняников»¹³, имело обозначения *Кишелеева*, *Киншелеево*, *Кушелеево*, *Кошелеи* и чувашское соответствие *Каҫал*. В последние десятилетия в значении «Комсомольский район» (ныне муниципальный округ) в чувашском языке активно используется народный топоним *Каҫал ен* (букв.: «Кошелеевский край»), причем он характерен не только для спонтанной устной речи, но и для языка массмедиа. Примечательно, что с 1997 г. под этим именем выходит и районная газета.

Проблемы правописания чувашских географических названий до настоящего времени не являлись объектом специального и всестороннего анализа. Некоторые из них рассмотрены в «Основных правилах орфографии чувашского языка» (обновленные правила впервые были опубликованы 1 февраля 1995 г. в газете «Хыпар», а позже включены в качестве приложения в Орфографический словарь чувашского языка)¹⁴, затронуты в работах В. А. Нестерова [10], И. А. Андреева [12], А. Е. Горшкова [2], М. И. Скворцова [11], Г. А. Дегтярёва [3 — 5] с

⁷ ЧАССР: административно-территориальное деление на 1-е июля 1948 года / Президиум Верховного Совета Чувашской АССР. Чебоксары: Гос. изд-во Чуваш. АССР, 1948. 115 с.

⁸ Чувашская АССР: административно-территориальное деление на 1 января 1958 года / Президиум Верховного Совета Чувашской АССР. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1959. 252 с.

⁹ Чувашская АССР: административно-территориальное деление на 1 января 1968 года / Президиум Верховного Совета Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1968. 144 с.

¹⁰ Населенные пункты Чувашской АССР в 1917 — 1974 годах: словарь-справочник об административно-территориальных изменениях / сост.: В. А. Нестеров. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1974. 336 с.

¹¹ Нестеров В. А. Населенные пункты Чувашской АССР. 1917 — 1981 годы: справочник об административно-территориальном делении. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1981. 352 с.

¹² Населенные пункты Чувашской Республики. 1917 — 2019 годы: справочник об административно-территориальном делении / Государственный исторический архив Чувашской Республики; сост.: В. А. Нестеров и др. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2020. 575 с.

¹³ Чувашская энциклопедия: в 4 т. Т. 2: Ж — Л. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. С. 304.

¹⁴ Чăваш чĕлхин орфографи словарь = Орфографический словарь чувашского языка / сост. А. А. Алексеев. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2002. С. 377 — 398.

И. П. Лукиной [6; 7], И. В. Дегтяревой [8], Л. П. Сергеева¹⁵ с И. В. Никандровой¹⁶, Ю. М. Виноградова с Г. М. Виноградовой¹⁷ и др.

Письменная передача составных географических названий регламентируется нормами литературного языка, при этом учитываются как структурная организация, так и семантическое наполнение данных единиц:

1. Слитное написание применяется для наименований населенных пунктов, происходящих от нарицательных имен: *Йёкёрвар* (название села Игорвары, букв.: «Двойной овраг» или «Овраг-двойчатка»), *Кайриушкăнь*, *Кўлхёрри*, *Майнсырма*, *Пёчченхыр*, *Сёнтёрварри*, *Сёньял*, *Сичтўрт*, *Хёрлёту*, *Хурăнуй*.

2. Раздельное оформление топонимов предписывается преимущественно в двух случаях:

а) для названий природных объектов (рек, болот, оврагов, полей, лугов, озер, морей), образованных соединением нарицательных имен: *Автан сырми* (название оврага, букв.: «Петушиный овраг» или «овраг Петуха»), *Акăш кўлли*, *Кăвакал шурё*, *Малти улăх*, *Хура тинёс*, *Чакак варё*;

б) для наименований населенных пунктов, состоящих из сочетания нарицательного и собственного имен: *Анатри Ирсе* (название деревни, букв.: «Нижние Ирзеи» или «Ирзеи в низине»), *Аслă Елчёк*, *Кайри Ункăпуç*, *Кёçён Шетмё*, *Кивё Эйнеç*, *Малти Ишек*, *Майн Шашкар*, *Пёчёк Мёлеш*, *Сёнё Шупашкар*, *Тури Типсырма*.

Правила употребления слов, заимствованных из русского языка, предусматривали следующие преобразования в структуре топонима:

а) безударные родовые окончания *-ая*, *-ый*, *-ое* в чувашском языке заменялись компонентом *-ай*: улица Запрудная — *Запруднай урамё*, улица Промышленная — *Промышленнай урамё*, поселок Песочный — *Песочнай поселокё*, поселок Северный — *Севернай поселокё*, село Заовражное — *Завражнай сали*;

б) безударные финали *-ая*, *-ий*, *-ое* в сочетании с суффиксом *-ск-* заменялись на топоформант *-ски*: поселок Октябрьский — *Октябрьски поселокё*, поселок Первомайский — *Первомайски поселокё*, деревня Вознесенское — *Вознесенски ялё*, село Заводское — *Заводски сали*, село Красноармейское — *Красноармейски ялё*, Карское море — *Карски тинёсё*;

в) при адаптации русских топонимов с ударными флексиями *-ская*, *-ское*, *-ая*, *-ое* наблюдалась унификация по модели *-ской*, *-ой*: Тверская улица — *Тверской урамё*, Ямская улица — *Ямской урамё*, город Бологое — *Бологой хули*. Об этом, в частности, свидетельствуют примеры из художественной литературы на чувашском языке: *Икё рысак юнашар Тверской, Ямской урампа... яртлаттарса чупассё* (Илле Тхти)¹⁸. *Акă ёнтё часах Мускаври Тверской урамё тăрăх сăпаталлă чăваш та утса сўреме пуслё* (Виктор Рзай)¹⁹;

¹⁵ Сергеев Л. П. Орфографи словарь: вăтам шкулта вёренекенсем валли. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1990. 143 с.; Сергеев Л. П. Сăмах тĕнчи: вăтам шкулта вёренекенсем валли. Хушаш тўрлетнё иккёмеш кăларăм. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2011. 252 с.

¹⁶ Сергеев Л. П., Никандрова И. В. Ял ячĕсен тўнтер словарь. Шупашкар: Чăваш патшалăх педагогика ун-чĕ, 2011. 30 с.

¹⁷ Орфографи словарь: тёрёс сымалли правилăсем: вăтам тата аслă шкулта вёренекенсем валли / Ю. М. Виноградов, Г. М. Виноградова. Шупашкар: Чăваш Республикин вёрентў институтĕн редакципе издательство пайё, 2002. 303 с.

¹⁸ Тăхти И. Выслăх сул // Электронлă вулавăш. URL: <https://ru.chuvash.org/lib/haylav/2669.4.html> (дата обращения: 18.05.2026).

¹⁹ Рсай В. Кирилловсем тата... сёлекеллё анчăк // Электронлă вулавăш. URL: <https://ru.chuvash.org/lib/haylav/7130.html> (дата обращения: 18.05.2026).

г) маркеры плюральности в заимствованных иноязычных топонимах подвергались редукции двух типов: полной (усечение флексий *-и*, *-ы*) и частичной (замена окончания *-ы* на чувашское *-ӑ*): поселок Баскаки — *Баскак поселокӑ*, поселок Кучеки — *Кучек поселокӑ*, Гималаи — *Гималай*, Альпы — *Альпӑ*, Анды — *Андӑ*, Дарданеллы — *Дарданелӑ*, *Дарданелл*, Курилы — *Курил*, Мальдивы — *Мальдивӑ*, *Мальдив*;

д) географические названия с несвойственными чувашскому языку топоформантами (типа *-ино*, *-ово*, *-ево*) при заимствовании претерпевали частичную или полную редукцию финалей: деревня Апехтино — *Оппехтин ялӑ*, деревня Курочкино — *Курӑчкин ялӑ*, деревня Мамино — *Мами сали*, деревня Свечкино — *Свечкин сали*, село Кушниково — *Кушник ялӑ*, деревня Ахметово — *Ахмет ялӑ*, Берингово море — *Беринг тинӑсӑ*, Баренцево море — *Баренц тинӑсӑ*.

С конца 1980-х гг. в чувашском литературном языке наблюдается устойчивая тенденция к замещению топонимов с иноязычным формантом *-ск(и)* географическими названиями, построенными по традиционным структурно-семантическим моделям: *Карски тинӑсӑ* > *Кара тинӑсӑ* «Карское море», *Тверской урамӑ* > *Тверь урамӑ* «Тверская улица», *Ямской урамӑ* > *Ям урамӑ* «Ямская улица», *Московски проспекчӑ* > *Мускав проспекчӑ* «Московский проспект», *Ленински районӑ* > *Ленин районӑ* «Ленинский район».

В настоящее время не существует единого общепризнанного реестра, закрепляющего нормативные чувашские названия географических объектов. Роль данного свода выполняют справочник об административно-территориальном делении «Населенные пункты Чувашской Республики. 1917 — 2019 годы»²⁰, «Чувашская энциклопедия»²¹, отдельные словари²² и пособия по чувашскому языку [3; 4].

В Государственном каталоге географических названий и иных государственных учетных системах содержатся русские официальные наименования населенных пунктов (городских и сельских поселений), административно-территориальных единиц, гидрографических элементов (рек, озер и водохранилищ), а также гор, островов, объектов транспорта (железных дорог, портов, аэропортов). Электронный ГКГН был разработан Федеральным научно-техническим центром геодезии, картографии и инфраструктуры пространственных данных в 2014 г. В настоящее время база данных пополняется и поддерживается в актуальном состоянии публично-правовой компанией «Роскадастр»²³.

С целью обеспечения единообразного употребления топонимов, их учета и сохранения Республикой Татарстан подготовлен свой Каталог наименований географических объектов. Он составлен на двух языках — русском и

²⁰ Населенные пункты Чувашской Республики. 1917 — 2019 годы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2020. 575 с.

²¹ Чувашская энциклопедия: официальный сайт. URL: <https://chuvenc.ru/main/10> (дата обращения: 12.05.2026).

²² Дубанов И. С., Исаев Ю. Н. Указ. соч.; Скворцов М. И. Русско-чувашский словарь = Вырӑсла-чӑвашла словарь: в 2 т. Т. 2. С. 591 — 625.

²³ Реестр зарегистрированных в АГКГН географических названий объектов на 23.12.2025 Чувашская Республика // ППК «Роскадастр». URL: https://kadastr.ru/upload/export_kadastr_files/Чувашская%20Республика_201.pdf (дата обращения: 12.05.2026); Реестр зарегистрированных в АГКГН географических названий населённых пунктов на 24.07.2025 Чувашская Республика // ППК «Роскадастр». URL: https://kadastr.ru/upload/Чувашская%20Республика_202нп.pdf (дата обращения: 12.05.2026).

татарском²⁴ (по имеющимся сведениям, ведется сбор соответствующих названий и на языках других народов, компактно проживающих в республике: чувашском, удмуртском, марийском, мордовском).

Одной из ключевых проблем современной региональной ономастики является отсутствие унифицированного и открытого свода чувашских ойконимов, локализованных за пределами республики, что существенно затрудняет их комплексное изучение и систематизацию. Серьезную помощь в составлении подобного реестра мог бы оказать «Исторический справочник топонимов», над созданием которого в свое время работала Е. И. Батченко (работа не была завершена, рукопись хранится в архиве ЧГИГН). Он включает в себя большое количество народных и локальных географических названий на чувашском и русском языках, зафиксированных на территории современных республик: Чувашии, Татарстана, Башкортостана, а также нескольких областей: Самарской, Саратовской, Ульяновской, Оренбургской и Пензенской²⁵.

Поскольку народные названия не закреплены в реестрах, они лишены строгого статуса. Это и позволяет одному и тому же объекту обрастать сразу несколькими равноправными именами. Рассмотрим, к примеру, варианты чувашских населенных пунктов Республики Татарстан: д. Новый Чувашский Адам Аксубаевского муниципального района (м. р-н) обозначается как *Сёнь Этимиш* и *Сёньял*, с. Савгачево Аксубаевского м. р-на — *Савкас*, *Чăвашьел* и *Анатриял*, с. Новоселки Буинского м. р-на — *Сёньял* и *Сёнь Пăрăнтăк* и т. д. В устной речи структура топонима подвержена трансформациям, подчиненным закону речевой экономии и стремлению к точности: названия могут как усекаться, так и, напротив, расширяться за счет дополнительных элементов. Например, с. Старая Киреметь Аксубаевского м. р-на может именоваться *Киреметпуç* и *Кивĕ Киремет*, с. Сунчелеево Аксубаевского м. р-на — *Сёнчел* и *Аслă Сёнчел*, д. Тиганбуляк Алексеевского м. р-на — *Пăлак* и *Чикан Пăлак*, д. Верхние Матаки Алькеевского м. р-на — *Тури Матак* и *Тепелкей Матак* [3, с. 133 — 138; 4, с. 11 — 18]. Некоторые варианты топонимов получили распространение преимущественно в региональных СМИ. К примеру, с. Алешкин-Саплук Дрожжановского м. р-на Республики Татарстан по-чувашски обычно обозначается как *Саплăк*, вместе с тем в газетах «Сувар» в Татарстане и «Канаш» в Ульяновской области часто встречается вариант *Алешкин Саплăк* [9, с. 104]. Вариативность (существование нескольких равнозначных наименований географического объекта) наиболее характерна для названий чувашских населенных пунктов, расположенных за пределами республики. В Чувашии она проявляется значительно в меньшей степени: например, д. Синьялы Вурнарского муниципального округа обозначается не только как *Сёньял*, но и по имени материнской деревни *Сёньял Нурăс*.

Наряду с официальными названиями поселений и административно-территориальных единиц, закрепленными в официальных списках и документах, бытуют неосновные, неофициальные (обычно иносказательные) названия географических объектов. Их также определяют как «народные топонимы», «неформальные топонимы» или «топонимы-прозвища»; сравните *Чебоксары* —

²⁴ Каталог наименований географических объектов Республики Татарстан: официальный сайт. URL: <https://fpd.tatarstan.ru/katalog-naimenovaniy-geograficheskikh-obektov-rt.htm> (дата обращения: 12.05.2026).

²⁵ Батченко Е. И. Исторический словарь чувашских топонимов // НА ЧГИГН. Вр. хр. 3308. 361 л.

Чебы, Новочебоксарск — Новчик, Чебоксарский залив — Залик, торговый центр «Мадагаскар» — Мадик, магазин «Шупашкар» — Шубик, Козьмодемьянск — Кузьма, Нижний Новгород — Нино, Московская набережная — Наба, Чапаевский поселок — Поселок, Восточный поселок — Восточка или Поселок. Такого рода имена употребляются преимущественно в устной речи и интернет-коммуникации.

Следует разграничивать допустимую вариативность топонимов, вызванную эволюцией языка, и досадные ошибки, порождающие так называемый «информационный шум». На остановочном павильоне «улица Эльгера» в г. Чебоксары присутствует надпись *Элгер урамё* (правильным было бы написание с глухим согласным к: *Элкер урамё*). На здании одного из торговых центров столицы республики размещена вывеска: *И. Яковлевич проспекчё* — проспект И. Яковлева (корректно: *И. Яковлев проспекчё*). Остановка общественного транспорта «Детский городок» в Новочебоксарске вместо *Ачасен хули* ошибочно именуется *Ачасён хули*.

Ситуация усугубляется тем, что разночтения встречаются и в справочной литературе. Часть из них обусловлена естественной эволюцией языковой нормы и сменой парадигмы. Например, в предыдущих выпусках справочника по административно-территориальному делению республики чувашское название деревни Адыльял Чебоксарского муниципального округа фиксировалось в виде *Атӑльял*. В издании же 2020 г. приводится форма с мягким знаком — *Атӑльял*, что соответствует актуальной языковой норме.

К сожалению, даже справочники не лишены досадных ошибок, возникших в результате случайных сбоев или механического переноса устаревших данных в новый контекст, использования неактуальных источников. Так, в обратном словаре ойконимов чувашского языка²⁶ вместо нормативных *Атӑльял, Кайӑкьяль, Опрыскьял, Патӑрьел, Сарьял, Сӑрьел, Станьяль, Ыӑкалӑхьял, Хурӑньял* даются не отвечающие литературной норме варианты с ь: *Атӑльял, Кайӑкьяль, Опрыскьял, Патӑрьел, Сарьял, Сӑрьел, Станьяль, Ыӑкалӑхьял, Хурӑньял*. Вследствие редакторской невнимательности отдельные ошибочные варианты топонимов закрепляются в справочной литературе, кочуя из одного издания в другое. Так, в официальных справочниках об административно-территориальном делении «Населенные пункты Чувашской Республики» допущены искажения: чувашское название деревни Сидуккасы зафиксировано как *Сидуккасси* (вместо нормативного *Ситуккасси*), а русское наименование села Заовражное — как *Завражное*²⁷.

Заключение

Сложившаяся ситуация требует систематизации чувашской топонимии.

Правописание географических названий осложняется правилами выбора между слитным, дефисным и раздельным написанием, а также постановкой разделительных ь и ы. Отдельную проблему представляет адаптация заимствованных топонимов. В соответствии с деривационными законами чувашского языка они подвергаются определенным изменениям: безударные родовые окончания *-ая, -ый, -ое* в названиях заменяются компонентом *-йй*, безударные фина-

²⁶ Сергеев Л. П., Никандрова И. В. Указ. соч. 30 с.

²⁷ Населенные пункты Чувашской Республики. 1917 — 2019 годы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2020. С. 157, 302; Нестеров В. А. Указ. соч. С. 154, 231.

ли *-ая*, *-ий*, *-ое* в сочетании с суффиксом *-ск-* передаются топоформантом *-ски* и т. д. С конца 1980-х гг. в чувашском литературном языке наблюдается устойчивая тенденция к замещению топонимов с иноязычным формантом *-ск(и)* географическими названиями, построенными по традиционным структурно-семантическим моделям — изафетными сочетаниями. В то же время в разговорной речи активно используются несвойственные для чувашского языка конструкции типа *Комсомольски урамё* «улица Комсомольская» вместо *Комсомол урамё*. Это затрудняет выбор нормативных форм.

Ошибочное написание топонимов, встречающееся в справочных изданиях, служит еще одним напоминанием о необходимости усиления контроля за выпуском подобной литературы.

Вариативность топонимов проявляется также в сосуществовании официальных и народных (неофициальных) наименований. Употребление неофициальных вариантов, как правило, ограничивается локальным уровнем. При этом наиболее широкая распространенность параллельных названий чувашских населенных пунктов фиксируется за пределами республики.

Считаем необходимым создать единый кодифицированный реестр чувашских географических названий. Он позволит упорядочить их употребление в массмедиа и лексикографических изданиях, а также написание на дорожных указателях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арутюнова Е. В., Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Лингвистические основы современного написания топонимов (к теории орфографического правила) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 1. С. 21 — 41.
2. Горшков А. Е. Чăваш чĕлхи: Лексика, фразеологи, пуплев культуры: вĕренĕ пособийĕ. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1997. 159 с.
3. Дегтярёв Г. А. Ёмĕрсен чиккинчи чăваш чĕлхи: сĕнĕ сăмахсемпе терминсем тата пайăр ятсем = Чувашский язык на рубеже веков: неология, терминология и ономастикон. Шупашкар: ЧПГĂИ, 2014. 140 с.
4. Дегтярёв Г. А. Тăван чĕлхе культуры = Культура чувашской речи. Шупашкар: ЧПГĂИ, 2017. 177 с.
5. Дегтярёв Г. А. Чувашский язык в условиях современного общества: проблемы витальности, вариантности и нормативности / науч. ред. Г. А. Николаев. Чебоксары, 2024. 48 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 38).
6. Дегтярёв Г. А., Лукина И. П. К проблеме нормализации чувашской топонимии // Казанская наука. 2025. № 12. С. 789 — 791.
7. Дегтярёв Г. А., Лукина И. П. К проблеме разграничения языковой ошибки и лингвистического варианта // Казанская наука. 2025. № 3. С. 394 — 396.
8. Дегтярёва И. В. О неправильном употреблении онимов в чувашских массмедиа // Чувашская ономастика: проблемы и перспективы: материалы Межрегиональной научно-практической конференции (Чебоксары, 27 ноября 2007 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2009. С. 52 — 58.
9. Долгова А. П. Этноязыковая культура чувашей Присвияжья // Чуваши Присвияжья: история и культура. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. С. 87 — 111.
10. Нестеров В. А. Над картой Чувашии. Историко-топонимические заметки. Изд. 2-е. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. 142 с.
11. Сковрцов М. И. Вырăсла-чăвашла куçару теорийĕпе практики = Теория и практика перевода с русского языка на чувашский. Шупашкар: Чăваш патшалăх ун-чĕ, 1984. 82 с.
12. Чăваш орфографийĕпе пунктуацийĕ: тĕрĕс сырмалли правилăсем / Чăваш АССР Министрсен советĕ сĕмĕнчи чĕлхе, литература, истори тата экономика наука тĕпчев ин-чĕ; ред. И. А. Андреев. Шупашкар, 1992. 69 с.

REFERENCES

1. Arutyunova E. V., Beshenkova E. V., Ivanova O. E. Linguistic foundations of modern toponymic spelling (towards the theory of spelling rules) // Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Literature and Languages series. 2021;80(1):21 — 41. (In Russ.)
2. Gorshkov A. E. Chuvash Chĕlhi: Vocabulary, Phraseology, and Cultural Aspects: A Guidebook. Shupashkar;1997:159. (In Chuvash)
3. Degtyarev G. A. Chuvash language at the turning point of the century: neology, terminology and onomasticon. Cheboksary;2014:140. (In Chuvash)
4. Degtyarev G. A. The culture of Chuvash speech. Cheboksary;2017:177. (In Chuvash)
5. Degtyarev G. A. The Chuvash Language in the Conditions of Modern Society: Problems of Vitality, Variability, and Normativity. Cheboksary;2024:48. (In Russ.)
6. Degtyarev G. A., Lukina I. P. On the Problem of Normalization of Chuvash Toponymy // Kazan Science. 2025;12:789 — 791. (In Russ.)
7. Degtyarev G. A., Lukina I. P. On the Problem of Distinguishing between a Language Error and a Linguistic Variant // Kazan Science. 2025;3:394 — 396. (In Russ.)
8. Degtyareva I. V. On the misuse of onyms in the Chuvash mass media // Chuvash onomastics: problems and prospects: proceedings of the Interregional scientific and practical conference. Cheboksary;2009:52 — 58. (In Russ.)
9. Dolgova A. P. Ethnolanguage culture of the Chuvash Prisvyazhye // The Chuvash people of Prisvyazhye: history and culture. Cheboksary;2015:87 — 111. (In Russ.)
10. Nesterov V. A. Over the Map of Chuvashia. Historical and Toponymic Notes. Second Edition. Cheboksary;2017:142. (In Russ.)
11. Skvortsov M. I. Theory and Practice of Translation from Russian to Chuvash. Cheboksary;1984:82. (In Chuvash)
12. Chuvash orthography and punctuation: spelling rules. Cheboksary;1991:69. (In Chuvash)

Статья поступила в редакцию 10.06.2026;
одобрена после рецензирования 04.09.2026; принята к публикации 17.09.2026

Информация об авторах:

Лукина Ирина Петровна, научный сотрудник

Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп.1),

кандидат филологических наук,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8370-880X>, irinnasemenova@yandex.ru

Дегтярёв Геннадий Анатольевич, ведущий научный сотрудник

Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп.1),

кандидат филологических наук,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0662-2857>, gena.lingvo@yandex.ru

Вклад авторов:

Лукина И. П. — анализ литературы, сбор и анализ языкового материала;

Дегтярёв Г. А. — анализ языкового материала, формулирование выводов,

научное редактирование и подготовка текста статьи.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 10.06.2026;
approved after reviewing 04.09.2026; accepted for publication 17.09.2026

Information about the authors:

Irina P. Lukina, researcher, Chuvash State Institute of Humanities

(29/1, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),

Candidate of Philological Sciences,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8370-880X>, irinnasemenova@yandex.ru

Gennady A. Degtyarev, leading researcher, Chuvash State Institute of Humanities

(29/1, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),

Candidate of Philological Sciences,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0662-2857>, gena.lingvo@yandex.ru

Contribution of the authors:

Irina P. Lukina — literature analysis, collection and analysis of linguistic material;
Gennady A. Degtyarev — analysis of linguistic material, formulation of conclusions,
scientific editing and preparation of the text of the article.

*Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interests.
The authors have read and approved the final version of the manuscript.*

Статья редакции 10.06.2026 җитнѐ;
рецензиленѐ хыҗҗан 04.09.2026 ырланӓ; 17.09.2026 пичете йышӓннӓ

Авторсем җинчен:

Лукина Ирина Петровна, Чӓваш патшалӓх гуманитар
ӓслӓлӓхӓсен институтӓн ӓслӓлӓх ӗҗтешӓ
(428015, Раҗҗей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),
филологи ӓслӓлӓхӓсен кандидаҗӓ,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8370-880X>, irinnasemenova@yandex.ru
Дегтярёв Геннадий Анатольевич, Чӓваш патшалӓх гуманитар
ӓслӓлӓхӓсен институтӓн ӓслӓлӓх ертӓҗӓ ӗҗтешӓ
(428015, Раҗҗей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),
филологи ӓслӓлӓхӓсен кандидаҗӓ,
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0662-2857>, gena.lingvo@yandex.ru

Авторсен тӓни:

Лукина И. П. — литературӓна тишкерни, чӓлхе материалне пухса тӓпчени;
Дегтярёв Г. А. — чӓлхе материалне тӓпчени, пӓтӓмлетӓсем йӓркелени,
статья текстне ӓслӓлӓх тӓлӓшӓнчен хатӓрлесе редакцилени.
*Пайталӓх конфликҗӓ: авторсем пайталӓх конфликҗӓ җуккине пӓлтӓресҗӓ.
Авторсем ал җырӓвӓн юлашки вариантне вуласа тухнӓ, ырланӓ.*

УДК 78(470.344)''19''

ББК 85.31(2Рос.Чув)

Научная статья

**ЧУВАШСКОЕ КОМПОЗИТОРСКОЕ ИСКУССТВО
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ПОНЯТИЯ
«НАЦИОНАЛЬНАЯ КОМПОЗИТОРСКАЯ ШКОЛА»**

Л. И. Бушуева

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,

г. Чебоксары, Россия

niclub7@gmail.com

Аннотация. Понятие «национальная композиторская школа», активно употребляемое в современном музыкознании, позволяет рассмотреть многие изученные ранее явления музыкального искусства в ином ракурсе. Его можно использовать применительно к чувашской профессиональной музыке, которая начала интенсивное развитие в начале XX в. в русле процессов всемирно-исторического характера, распространившихся на новые территории и внеевропейские культуры. Само понятие «национальная композиторская школа» в отношении чувашского искусства начинает встречаться в 1970 — 1980-е гг. Благодаря такому новому контексту в национальном творчестве высвечиваются, наряду с закономерностями общего порядка, специфические местные черты. В отечественном музыкознании существует большой ряд источников российских, региональных и чувашских музыковедов по данной проблеме. Обращение к обширному кругу этих трудов способствует уточнению характеристик явления и открытию новых подходов, позволяющих усовершенствовать методологию исследования чувашского композиторского искусства. Отдельными важными аспектами представляются преломление национального начала в композиторском творчестве, осмысление проблематики «композитор и фольклор», терминология «двуязычия» и полистилистики. Проследить, каким образом сложившееся в отечественной музыкальной науке понимание национальной композиторской школы может быть применимо к чувашскому искусству, является целью настоящей статьи.

Ключевые слова: композиторское искусство Чувашии второй половины XX в., национальная композиторская школа, отечественное и региональное музыкознание

Для цитирования: Бушуева Л. И. Чувашское композиторское искусство во второй половине XX века в контексте понятия «национальная композиторская школа» // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 3. С. 118 — 132

© Бушуева Л. И., 2026

Scientific article

**CHUVASH COMPOSITIONAL ART IN THE SECOND HALF
OF THE 20TH CENTURY IN THE CONTEXT
OF THE CONCEPT “NATIONAL SCHOOL OF COMPOSITION”**

L. I. Bushueva

Chuvash State Institute of Humanities,

Cheboksary, Russia

niclub7@gmail.com

Abstract. The concept of a “national compositional school”, which is actively used in modern musicology, allows for examining many previously studied phenomena of musical art

from a different perspective. It can be applied to Chuvash professional music, which began to develop intensively at the beginning of the 20th century in line with global historical processes that extended to new territories and non-European cultures. The very concept of a “national compositional school” in relation to Chuvash art emerges in the 1970s — 1980s. Thanks to this new context, specific local features emerge in the national musical tradition alongside general patterns. In domestic musicology, numerous works by federal, regional, and Chuvash scholars address this topic. Referring to this extensive body of work helps to clarify the characteristics of the phenomenon and discover new approaches that make it possible to improve the methodology for studying Chuvash compositional art. Particularly important aspects include the manifestation of the national element in compositional work, the exploration of the «composer and folklore» relationship, and the terminology of “bilingualism” and polystylism. The aim of this article is to trace how the understanding of the national compositional school, which has developed in Russian musicology, can be applied to Chuvash art.

Keywords: compositional art of Chuvashia (second half of the 20th century), national school of composition, Russian and regional musicology

For citation: Bushueva L. I. Chuvash compositional art in the second half of the 20th century in the context of the concept “national school of composition” // Modern humanities. 2026; 2(3):118 — 132

Аслăлăх статийи

XX ЁМЁРЁН ИККЁМЁШ СЎРРИНЧИ ЧĂВАШ КОМПОЗИТОРЁСЕН ĂСТАЛĂХЁ «КОМПОЗИТОРСЕН НАЦИ ШКУЛЁ» ĂНЛАВ КОНТЕКСТЁНЧЕ

Л. И. Бушueva

Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхёсен институтё,
Шупашкар хули, Раçсей
niclub7@gmail.com

Аннотаци. Хальхи музыка пёлевёненче анлă усă куракан «композиторсен наци шкулё» аңлав музыка ўнерёнчи маларах тёпченё чылай пулăма урăхла курма май парать. Сак терминпа чăваш профессионалёсен музыка синчен сăмах пынă чухне те усă курма пулать. Ку музыка XX ёмёр пуçламăшёнчен вара пётем тенче историйёнчи сёнё территорисемпе Европа тулашёнчи культураёсенче сарăннă юхăмсем пекех тухăслăн аталанать. «Композиторсен наци шкулё» аңлав чăваш ўнерё синчен 1970 — 1980-мёш сс. сырнă текстсенче тёл пулма тытăнать. Наци пултарулахе сакан пек сёнё контекстра пăхни ун аталанăвён пётёмёшле саккунёсене сес мар, хайне евёрлехёсене те асърхама май парать. Сършыври музыка пёлевёненче ку ыйтупа сыхăннă ёсsem чылай, вёсен авторёсен йышёнче — Раçсейри, регионти тата республикари тёпчевсёsem. Асăннă ёссенчи шухăшсене шута илни пулăмсене хальченхинчен урăхла хаклама, чăваш композиторёсен асталăхне тёпчес методологие лайăхлатма пулăшакан сёнё мелсем тупма пулăшать. Статьяра композитор асталăхёнчи наци палăрăмёсен проблематикине, «композитор тата халăх пултарулахе», «ик чёлхелех», полистилистика ыйтăвёsemпе сыхăннă терминологие уйрăмах тимленё. Тёпчевён тёп тёллевё — сёршыври музыка аслăлăхёнче йёркеленнё «композиторсен наци шкулё» аңлавпа чăваш ўнерне тишкернё чухне мёнлерех усă курма май пуррине пăхса тухасси.

Тёл сăмахсем: XX ёмёрён иккёмёш сурринчи чăваш композиторёсен асталăхё, композиторсен наци шкулё, сёршыври тата регионри музыка пёлевё

Цитатăлама: Бушueva Л. И. XX ёмёрён иккёмёш сурринчи чăваш композиторёсен асталăхё «композиторсен наци шкулё» аңлав контекстёнче // Хальхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 3 №. С. 118 — 132

Введение

Любое профессиональное композиторское искусство существует в виде территориальных или национальных школ. Развиваясь в русле письменных традиций европейского образца, они представляют собой явления разного уровня, эпох и культур, могут сочетать национальные черты с творческими методами классицизма, романтизма, реализма, формировать собственные стилевые направления и художественные ценности. Интенсивное распространение такого рода музыкально-творческой деятельности в XX в. на новые территории и внеевропейские культуры затронуло также чувашскую культуру. Композиторское искусство Чувашии второй половины XX в. начинает рассматриваться некоторыми авторами как национальная композиторская школа (НКШ), в которой наряду с закономерностями общего порядка нашли выражение местные, индивидуальные черты. Это понятие с 1970-х гг. неоднократно встречается в высказываниях видных специалистов из столичных центров при характеристике местного композиторского творчества.

Цель настоящей статьи — проследить, каким образом сложившееся в отечественной музыкальной науке понимание НКШ может быть применимо к чувашскому искусству и почему оно может стать определяющим для методологии его изучения.

Материалы и методы

Источниками исследования стали изданные в разные годы работы отечественных и чувашских музыковедов по проблеме национальных композиторских школ. Опираясь на аналитический метод, мы выделяем наиболее важные концепции, способствующие осмыслению проблем чувашской музыки. Следуя принципам системности и историзма, рассматриваем предложенные учеными идеи применительно к чувашскому материалу. Системный метод позволил обобщить результаты исследования.

Результаты исследования и их обсуждение

Констатация появления подобных школ в Поволжье руководителем нижегородской композиторской организации А. А. Нестеровым в 1968 г. привлекла внимание музыкальной общественности. Этот факт активно обсуждали как композиторы, так и музыковеды, не всегда однозначно оценивая явление. Известный музыковед, главный редактор журнала «Советская музыка» Ю. С. Корев на выездном пленуме правления Союза композиторов РСФСР, состоявшемся 26 — 29 февраля 1980 г. в Чебоксарах, в своих оценках был осторожен: «Если подходить реально и не выдавать желаемое за действительное, то сейчас происходит процесс формирования национальной музыкальной школы. Говорят, что сложилась национальная композиторская школа. Я не склонен к таким обобщениям, этот процесс идет, развивается и наши композиторские организации находятся на разных стадиях развития. Они развиваются не прямолинейно, не просто, развиваются в борьбе, идут сложными путями»¹. Параллельно с творчеством в самих национальных культурах росло стремление осознать явление, что привело к появлению ряда заметных музыковедческих работ.

Широтой поставленных проблем выделилась редакционная беседа, состоявшаяся в дни проведения III Фестиваля музыки композиторов Поволжья и Приуралья (г. Чебоксары, 1985)². Поскольку в ней были затронуты многие ключевые

¹ ГАСИ ЧР. Ф. 2223. Оп. 1. Д. 160. Л. 109.

² Творчества вечно живая основа. Редакционная беседа // Советская музыка. 1985. № 12. С. 40 — 58.

моменты НКШ, имеет смысл остановиться на этой публикации более подробно. Центральным стал вопрос сохранения глубинных народных традиций как одно из важнейших условий существования национальных школ. Тема привлекла внимание не только композиторов и музыковедов из шести республик Поволжья, но и чувашских искусствоведов, литературоведов, историков. Обсуждение сосредоточилось вокруг такой показательной для региона особенности, как претворение фольклорных истоков.

Композитор Р. Х. Газизов, охарактеризовав формы освоения фольклора в творчестве башкирских авторов, сформулировал как основную задачу в этом направлении поиск своего индивидуального почерка. Музыковед М. Г. Кондратьев обратил внимание на то, какие слои фольклора сегодня осваиваются композиторами и почему далеко не все его формы задействованы в современном творчестве. По его мнению, заложенное в фольклоре речитативное начало могло бы открыть новые возможности. Композитор А. Г. Васильев призвал четче определить понятие обработки народной песни, поскольку жанры обработки, гармонизации и аранжировки в современной практике различны по значению и художественным результатам. Музыковед Н. И. Бояркин остановился на тембровой стороне фольклора, в колористических и семантических свойствах тембра он увидел большие ресурсы.

О том, как используется сейчас фольклор и что звучит на современной сцене, размышлял искусствовед А. А. Трофимов. Эталон для него — древнейшие слои фольклора, которые далеко не всегда необходимо преобразовывать и использовать как вторичный материал. Из форм преломления фольклора он отдельно остановился на «внешнем» (прямолинейном — по Ш. К. Шарифуллину) этнографизме, выделив его неоднозначную оценку. Для художника, как считает ученый, важна способность не переносить в творчество в «необработанном» виде картины народной жизни и обряды, а мыслить этими образами. «Дело в глубинности постижения национального мышления», — отметил композитор из Удмуртии Ю. Л. Толкач, — «наиболее ценными являются те произведения, в которых мы ощущаем национальную принадлежность не в каком-то сугубо локальном венгерском обороте, а в самой динамике развития материала, даже если этот материал прямо с фольклором не связан»³.

Понятие «национальная композиторская школа», неоднократно упоминаемое в ходе обсуждения, раскрылось в публикации в важнейших аспектах. Вопрос о том, насколько правомерно применять его к культурам Поволжья, поставил татарский композитор Ш. К. Шарифуллин, считавший необходимым условием существования школы симфонизм — классический принцип развития музыкальной ткани. Эту характеристику уточнил М. Г. Кондратьев, выделивший такой показатель национальной школы, как реформаторская роль в духовной культуре своего народа. Существенное место заняли в дискуссии вопросы стилистики и ассимиляции инонациональных заимствований, рассмотренные филологом А. П. Хузангаем через взаимодействие традиций и стилей в культуре. Музыковед Ю. А. Илюхин и историк А. И. Иванов-Ехвет акцентировали роль русских музыкантов в становлении чувашской музыки. На необходимость взаимодействия традиций обратила внимание Л. А. Новоселова, о явлении двуязычия в изобразительном искусстве и в литературе говорили А. А. Трофимов и А. П. Хузангай.

³ Творчества вечно живая основа. С. 45.

М. Г. Кондратьев резюмировал: «...для рождающихся, формирующихся, быстро прогрессирующих школ... понятие синтеза, сплава имеет фундаментальный характер. В нашем регионе и в наших условиях первая ступень синтеза достигнута музыкантами Татарии, Башкирии, Чувашии. Вторая ступень – выход на общесоюзный и мировой уровень, подключение к активному процессу взаимовлияния и взаимообогащения»⁴.

К затронутому кругу проблем в последующие годы обратились исследователи других национальных культур. Их работы, уточняющие представления о НКШ, можно сгруппировать в два основных направления. Первое связано с Востоком и Сибирью (Бурятия, Тува, Якутия, Япония), второе близко нам на региональном уровне (Башкортостан, Татарстан). Общим стал подход к национальной музыке как к самостоятельной системе и одновременно — части мирового процесса, отношения между которыми предстают как диалог диахронический (по горизонтали) и синхронический (по вертикали). Для всех актуальна проблема изучения фольклорных первоисточников, стремление выявить пассивную и активную форму их претворения. Многие исследования примечательны отсылками к другим гуманитарным наукам, что отражает кардинальную особенность современного музыкознания, отмеченную Ю. Н. Холоповым: «Самообнаружение еще одной важнейшей методологической особенности музыкознания XX века: сближение и слияние методов, казалось бы, далеко разошедшихся друг с другом наук — теории музыки и философии»⁵. И во всех этих трудах находят развитие положения, поставленные в публикации 1985 г.

Ряд исследований содержит отсылки к кандидатской диссертации чувашского музыковеда И. В. Даниловой⁶ — одной из первых работ, где вопросы национальной композиторской школы были рассмотрены в широком историко-культурном контексте. Категория НКШ представлена как системная, состоящая из уровней ментального, личностного, структурно-функционального, жанрово-стилевого и художественного, каждый из которых в свою очередь имеет ряд собственных характеристик. Ментальный уровень в виде комплекса эстетико-философских идей и художественных образов взаимосвязан с личностным, композиторским. Структурно-функциональный обнаруживает аспекты: общественно-исторический, инфраструктурный, функциональный. Жанрово-стилевой уровень с образно-концептуальным и музыкально-языковым аспектами соотносится с художественными проявлениями. Считая, что национальный оттенок приобретает приоритетное значение в музыкальном искусстве начиная с XIX в., И. В. Данилова выявляет в историческом формировании НКШ как основные типы романтический, постромантический и советский. Предложенная классификация, полагает автор, позволяет решить множество проблем, связанных с применением категории НКШ к различным явлениям музыкальной культуры.

И. В. Данилова осмысливает сквозь призму данных установок историю чувашского искусства 1917 — 1970-х гг., относя профессиональную музыку этого периода к национальной композиторской школе советского типа, одному из

⁴ Творчества вечно живая основа. С. 55.

⁵ История современной отечественной музыки: учебник: в 3 вып. Вып. 3 (1960 — 1958) / ред. Е. Долинская. Москва: Музыка, 2001. С. 559.

⁶ Данилова И. В. Этапы развития чувашской профессиональной музыки. К проблеме становления национальной композиторской школы: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02 / науч. рук. М. Г. Кондратьев; Гос. ин-т искусствознания. Москва, 2003. 253 с.

наиболее «чистых» ее образцов. В числе ее характерных признаков упомянуты «политико-государственная доминанта» в развитии, «взаимодействие центральных и местных рычагов государственного управления искусством», воздействие принципов выравнивания, ускоренности и централизации, значительная роль в становлении профессионализма представителей русской школы. Как эстетическая основа выделена идеологизированность и ретроспективность, обращенная к русской композиторской школе второй половины XIX столетия.

Следствием новых подходов к чувашской НКШ является предложенная И. В. Даниловой периодизация. В истории развития местной школы ею выделены два основных исторических этапа: становление (1920 — 1930-е гг.) и период экстенсивного развития (конец 1950-х — первая половина 1970-х гг.). Эти вехи более детально раскрываются как:

- период предистории рубежа XIX — XX столетий (80 — 90-е гг. XIX — 10-е г. XX в.), когда начинающие чувашские авторы пробовали свои силы в искусстве композиции, а русские музыканты создавали гармонизации и обработки чувашских народных песен;

- первый период становления национальной композиторской школы (1920 — 1930-е гг.), появление ведущих музыкально-исполнительских организаций и учебных заведений, значительных музыкальных композиций и хоровых сочинений;

- условно «регрессивный» период (вторая половина 1930-х гг. — до конца 1950-х гг.), «приостановка» композиторского процесса, смена поколений;

- второй период истории профессиональной чувашской музыки, оформление чувашской национальной композиторской школы (конец 1950-х — 1960-е — первая половина 1980-х гг.), появление большого количества новых сочинений, освоение новых жанров;

- третий, новый «послеперестроечный» период (вторая половина 1970-х — 1990-е гг.), время художественно-стилистического обновления.

Если характеристики чувашской композиторской школы экстенсивного периода на всех уровнях ее проявлений отвечают признакам НКШ советского типа, то в последующем, отмечает музыковед, намечается тенденция перерождения чувашской композиторской школы в НКШ постромантического типа⁷.

К представленным И. В. Даниловой положениям апеллируют разные ученые, и среди них наиболее часто — новосибирские музыковеды М. Н. Дрожжина, М. Ю. Дубровская, Л. Л. Пыльнева.

Монография М. Н. Дрожжиной «Молодые национальные композиторские школы Востока как явление музыкального искусства XX века» [4] уникальна по многим параметрам. Прежде всего, это успешная попытка обобщить чрезвычайно широкий круг явлений в музыкальных культурах среднеазиатских и закавказских республик, Ближнего и Среднего Востока и Дальневосточного региона. Автор называет молодые национальные композиторские школы (МНКШ) — принципиально новое для неевропейской традиционной монодийной культуры явление — значимым не только в художественно-культурной жизни, но и определенным индикатором современного социально-политического климата. При всем своеобразии формирования подобных школ в них прослеживается типологическое сходство со школами некоторых советских республик и российских

⁷ Данилова И. В. Указ. соч. С. 23, 25.

автономий и, в частности, с явлением, обозначенным И. В. Даниловой как «национальная композиторская школа советского типа». Феномен МНКШ — важная подсистема в системе национальной культуры, тип художественной деятельности, рассмотреть который возможно при наличии целостных концепций традиционного музыкального творчества. Последнее как раз и отличает современный этап изучения чувашской музыки, в котором успешно систематизированы многие параметры чувашской народной музыкально-поэтической системы. Это условие необходимо для исследования одной из центральных проблем МНКШ — сосуществование в рамках одной культуры устного (традиционного) и письменного (композиторского) музыкального профессионализма. В круг их взаимоотношений входят также вопросы «взаимодействия национального и интернационального, универсального и специфического, о формировании многоголосия на основе традиционной монодии» [4, с. 11]. Данная проблематика включает в себя ряд задач, к наиболее сложным и ключевым из которых относятся дефиниции понятий «композиторская школа», «национальная композиторская школа» и «художественная школа», типологизация молодых национальных композиторских школ, рассмотрение проблемы в культурологическом аспекте, типологизация процессов освоения европейской жанровой системы. Отдельно М. Н. Дрожжиной выделен такой значимый параметр, как «освещение принципа реконструкции как специфической особенности функционирования традиции в условиях нетрадиционной культуры в целом и его действия в контексте проблемы “композитор — фольклор”, а также использование этого принципа как инструмента разностороннего анализа» [4, с. 13].

Заявленная проблематика обусловила обращение к системно-аналитическому подходу, дифференцируемому на двух уровнях. Первый — «непосредственное взаимодействие монодийной и многоголосной систем в композиторском творчестве, ...второй — системность самих современных национальных традиционно ориентированных культур, обусловившая обязательность выявления роли и места композиторского творчества в данной системе» [4, с. 15].

Наряду с методами исторического и теоретического музыкознания, автором применяются методы из изобразительного искусства и литературоведения, а также компаративистский подход в его сравнительно-историческом и сопоставительно-типологическом вариантах, сочетаемый с установками в трудах зарубежных и отечественных философов и литературоведов. Благодаря этому феномен НКШ рассматривается как комплексный, выстраивается теоретическая модель основополагающих явлений художественной школы, формулируются дефиниции соответствующих понятий, типологизируются особенности функционирования феномена с помощью принципиально новой пары «центр — периферия».

Для нашей культуры значимы выделенные М. Н. Дрожжиной в структуре МНКШ три взаимосвязанных уровня: ментально-личностный, художественный (жанрово-стилистический) и социокультурный. Центральным элементом предстает уровень ментально-личностный, репрезентированный фигурой автора-творца. В нем заметны противоречия, сглаживаемые другими уровнями. Основным условием взаимодействия МНКШ с традиционной канонической системой предстает принцип реконструкции, служащий инструментом для обобщения и предоставляющий возможности формирования нового взгляда на проблемы и явления на всех уровнях МНКШ. Благодаря ему открывается новая методика

анализа жанровых моделей, главное в которой — возможность параллельного сопоставления инвариантов традиционной и европейской моделей с последующим выявлением уровней (интонационная форма, художественный метод, аналитическая форма). Это позволяет по-новому рассмотреть проблему «композитор — фольклор», с акцентом на изучении традиционного первоисточника.

Не менее актуальна для данного аспекта МНКШ проблема «монодия — многоголосие», также основанная на отношениях «композитор — фольклор». В этом ракурсе уточняются существующие представления в области фактуры, наиболее значимое из которых: «...фактурные предпосылки, содержащиеся практически в любой монодийной культуре, не приводят к однозначному предрасположению к тому или иному типу многоголосия» [4, с. 236].

Разработанная М. Н. Дрожжиной классификация этапов развития МНКШ Востока нашла отражение в исследовании М. Ю. Дубровской «Ямада Косаку и формирование японской композиторской школы: (последняя четверть XIX в. — первая половина XX в.)» [5]. Автор сосредоточился на периоде становления (конец XIX — первая половина XX в.), отметив, что тенденции данного периода послужили стилевым ориентиром для последующих этапов национального композиторского творчества. Наблюдения музыковеда о попытках осознания национального и универсального, о синтезе западных (европейских) и восточных (японских) элементов в композиции, о формировании национального стиля в контексте широких интертекстуальных взаимодействий имеют место и в чувашской музыке. Методология интертекстуального подхода, позволившая М. Ю. Дубровской выделить шесть стилевых пластов, имеет большое значение для систематизации взаимодействий в других национальных культурах, включая чувашскую.

Еще один музыковед из Новосибирска — Л. Л. Пыльнева [15], опираясь на сформулированные Дрожжиной и Дубровской понятия школы и считая, что термин «школа» может быть применим в широком смысле, то есть с точки зрения общих закономерностей распространения идей, выстраивает целостную иерархию культуры на материале музыки композиторов Бурятии, Тувы и Якутии. Она исследует содержательную сторону, трансформацию жанров, методы развертывания тематизма, семантику традиционных жанров и интонационных оборотов. В качестве наиболее показательного для региона отмечается сохранение представлений о национальной культуре как идеале, привнесение в профессиональное творчество семантики традиционной культуры в ее жанровой целостности. Национальная специфика выявляется через систему определенных признаков: семантику интонаций и жанров, мировоззрение и проблематику, отраженную в произведениях.

Конец XX — начало XXI столетия ознаменовались пристальным вниманием к проблемам НКШ исследователей Волго-Уралья. Региональный аспект национально-композиторских школ раскрыт в работах Е. Р. Скурко (Башкортостан) и музыковедов, представляющих научную школу Казанской государственной консерватории — В. Р. Дулат-Алеева, О. К. Егоровой, А. Л. Маклыгина, Л. В. Бражник. Территориально, типологически и хронологически близкие нам явления башкирской музыкальной культуры рубежа второго — третьего тысячелетий исследует Е. Р. Скурко⁸. Поставив целью изучить проблему национального в композитор-

⁸ Скурко Е. Р. Башкирская академическая музыка: традиции и современность: учебное пособие для студентов вузов. Уфа: Гилем, 2005. 316 с.

ском творчестве, она рассматривает ее на примере инструментальных жанров, выделив симфонию и концерт. В качестве рабочего понятия предлагается «канон», который соотносится с дефинициями традиции и стиля на разных уровнях: фольклорном, жанровом, общеевропейском, национальном, стилевом и, наконец, как канон национальной музыкальной культуры. Фольклорный канон видится единым стержнем, основой истоков национального, поэтому в работе дается краткий обзор ведущих жанров башкирского музыкального фольклора, соотнесенный с традициями народов Татарстана и Средней Азии.

Основные этапы развития башкирской профессиональной музыки с 1920-х гг. и до начала XXI в. выявляются на фоне сопряжения фольклорного канона с композиторскими техниками XX в., неостилиями, полистилистикой, джазом и другими явлениями. Единым параметром рассмотрения текста музыкальной культуры служит проблема «фольклор — композитор» с расширенным толкованием фольклорного-академического и национального-общеевропейского. Башкирская музыка рассматривается в культурологическом плане как Текст, организованный по определенным правилам грамматики и синтаксиса, в ней выявляется новая историческая периодизация, ориентированная на важнейшие стадии становления национальной культуры. Предложенная методология обращена к смежным гуманитарным дисциплинам, различным областям музыкознания, методам культурологического, функционального, семантического, стилевого, сравнительного, в некоторых случаях — целостного анализа. Объединяются следующие компоненты: историко-стилевой контекст — жанровая система — принципы взаимодействия фольклорного и академического канонов. Башкирская академическая музыкальная культура рассматривается в трех стадиях: предпрофессиональной, первой профессиональной и «нового времени» и в таких параметрах, как жанровая система, принципы соподчинения фольклорного и академического канонов, спектр интертекстуальных взаимодействий башкирской и иной культур. Эта методология, отмечает автор, может быть использована по отношению к другим национальным культурам народов мира.

О существенном обновлении современной методологии размышляет татарский музыковед В. Р. Дулат-Алеев, первым рассмотревший музыкальную культуру Татарстана сквозь призму понятия Текст [8]. Он говорит о различии подходов ко многим явлениям в советское и постсоветское время, что отразилось не столько в появлении новых фактов, сколько в их новой трактовке [7]. Изменилась историографическая структура национальной музыки, в ней открылись другие критерии оценок. В музыкознании Новейшего времени иначе, с опорой на многовековые традиции, начали освещаться многие вопросы национального. Различные оттенки пары «национальное — интернациональное» уже невозможно осмыслить вне междисциплинарных исследований и новой научной терминологии, соответствующей времени.

Изменение концепции истории повлекло за собой также обновление национальных символов [6]. Проблема «история и личность» включает в себя широкий круг вопросов: от национальной идеи и историографии до стилевых аспектов национального языка. Это относится ко многим народностям, не имевшим до Октябрьской революции своей развитой культуры, в том числе и к чувашам.

О новой системе оценок и новых подходах пишет марийско-татарский музыковед О. К. Егорова [9]. Посвятив свою монографию мифу и мифологичности, она рассматривает их в музыкальном искусстве марийского народа, этнокультурно

родственного чувашам. Изучение данной темы без предвзятых суждений эпохи соцреализма стало возможным лишь в постсоветское время, когда открылась перспектива связать миф и мифологические архетипы с ментальностью современного человека. Масштаб исследования и вовлеченные в него музыкальные произведения оказались намного шире заявленных музыковедом локальных границ. Нельзя не согласиться с утверждением автора, что «именно на материале одного отдельно взятого небольшого региона может (более того, должно!) быть реализовано изучение общемировых закономерностей человеческого мышления. Это необходимо подчеркнуть. Изучение “специфически регионального” в рамках отдельной культуры — сколь бы малочисленны не были народы — носители этих культур — должно быть направлено на рассмотрение избранной темы как феномена общечеловеческой культуры» [9, с. 19]. Отслеживание «нитей» культурного Текста, истоки которых уходят за пределы Поволжья и в другие культурные традиции, автор считает весьма увлекательной задачей.

Проблема мировоззрения и мифологии рассмотрена О. К. Егоровой в тесной связи с фольклорной основой, а сам фольклор видится одним из путей трансляции мифологизма в современном обществе. Картина развития музыки в разных автономных республиках Поволжья была сходной, отмечает музыковед, упоминая в числе ярко выраженных черт общности принадлежность к единой музыкально-стилистической системе пентатоники. Эта мысль прослеживается и у Дулат-Алеева, относящего понятие пентатоники к основам Текста национальной культуры. По мнению О. К. Егоровой, пентатоника глубоко связана с мифологичностью культуры, она имеет черты архетипа. Примечательно, что среди анализируемых примеров в ее монографии встречается опера «Шывармань» чувашского композитора Ф. С. Васильева, а в самой книге неоднократно отсылки к трудам М. Г. Кондратьева.

Проблеме «композитор и фольклор» и особенностям претворения фольклорных истоков в национальных культурах уделено значительное внимание в каждой из упомянутых выше работ. Немалый вклад в ее изучение внесли и музыковеды Чувашии. Своеобразие чувашской композиторской школы, как отмечает И. В. Данилова, связано с сохранностью фольклорной традиции, соотношение которой с профессиональным искусством имеет местную специфику. Действительно, фольклоризм был, есть и остается сильной стороной чувашской музыки, вдохновляющей композиторов на творчество, а специалистов — на его осмысление. О нем писали все музыковеды Чувашии, в XXI столетии фольклоризм в целом и его разновидность — фольклоризм композиторский — рассмотрела Л. И. Бушуева [1; 2].

Для композиторской школы Чувашии на всех этапах ее развития актуальным всегда оставалось понятие национального, по-разному проявлявшееся в различные периоды существования. Необходимость осмысления его генезиса, соотношения с категорией интернационального, национальной традицией и творческим методом раскрыты в статьях М. Г. Кондратьева «Проблема становления национальной школы профессионального музыкального искусства Чувашии и творчество Александра Васильева» [12] и «Проблема национального в музыкальном искусстве Чувашии» [11]. Национальное рассматривается в них как неотъемлемый компонент чувашской культуры, во всех ее разнообразных формах отмечаются достижения и недостатки.

Характеристика национальной композиторской школы связана с ключевыми параметрами музыкального искусства: интонационностью, сюжетной и музыкальной тематикой, вопросами стилистики, жанров, музыкального языка. К числу базовых концептов можно отнести также предложенное М. Г. Кондратьевым понятие «интонационного словаря» [13]. Извлеченное из теории интонации выдающегося ученого Б. В. Асафьева, данное понятие, считает музыковед, обладает широким познавательным значением, позволяя объяснить и структурировать сложные процессы интонационной сферы: так называемый интонационный фонд, «комплексы», «барьеры», интонационный синтез, ассимиляции и другие значимые для национальных школ явления.

Преломление национального начала в композиторском творчестве возможно осмыслить через понятие стиля и при помощи категорий традиции и новаторства. Взаимосвязь стилевых новаций и академических норм — актуальная в отечественном искусствознании тема, рассмотренная впервые на примере творчества чувашских мастеров второй половины XX столетия М. Г. Кондратьевым. Анализируя интонационно-мелодическую основу и гармоническую вертикаль, он выделил в чувашской музыке национально-традиционное, национально-инновационное и «внечувашское» стилевые направления [14]. «Внечувашский» стиль достаточно условен, в нем интонационная основа может сохранять оттенки чувашского как своеобразную краску, сочетаясь с разнообразными стилевыми традициями XIX — XX вв. Различия в их преломлении, особо заметные в камерно-инструментальных жанрах, вывели на размышления более глубокие и общие, распространившиеся также на современный этап развития чувашской музыки. Национальный стиль и традиции культуры, композиторские техники и методы — понятия проблемные и процессуальные, нуждающиеся в постоянном обсуждении.

Данный комплекс вопросов затронут позже в диссертации и статье И. В. Даниловой [3]. Она предлагает использовать для характеристики отдельных явлений чувашской музыки термин «двуязычие», устанавливая его связь с понятием полистилистики. Выявляется, что соотношения стиля национальной музыки с иными музыкально-языковыми системами могут происходить «на уровне 1) творческого усвоения, абсорбции избираемых композитором различных стилевых элементов — когда инонациональное если не становится национальным, то, сопрягаясь, подчиняется ему; 2) невольного противопоставления национального и инонационального, идущего от периодически возникающей “незрелости” национального стиля и технической беспомощности создателей музыки; 3) сознательной игры стилевыми моделями, что, собственно, и принято обозначать термином “полистилистика”, но возможно выразить и понятием “двуязычие”» [3, с. 194]. В связи с творчеством композитора А. Г. Васильева музыковед вводит понятие новой «моностилистики».

Для методологии чувашской музыки второй половины XX столетия особый интерес представляют применяемые учеными разных культур исследовательские инструменты и методы. О них уже упоминалось в статье ранее, при обзоре существующих трудов. Именно широкий спектр привлекаемых методов способствует наиболее полному и разностороннему раскрытию оригинальности национального искусства. В этом плане, несомненно, любопытна методологическая основа диссертации И. В. Даниловой. Рассматривая общесоюзные и региональные черты местной НКШ, она упоминает извлеченные из отечественной музыкальной науки методы — исторический, контекстуальный и комплексный, дополняя и

конкретизируя их рядом других. В их числе — методы изучения истории музыки в контексте развития искусства в целом и в связи с развитием общественной мысли и сознания, выделения национального аспекта в историко-музыкальном процессе, вскрытия диалектических взаимоотношений национальной традиции и индивидуального композиторского творчества, рассмотрения музыкального искусства в контексте культуры, абстрагирования от конкретного произведения, метод периодизации и панорамного обзора. Все это позволяет уточнить характеристики исследуемого этапа, сопоставив их со схожими явлениями других периодов и культур.

Проблематику НКШ региона нельзя считать освещенной полноценно, не обратившись к исследованию Н. Г. Шахназаровой [16], которая проанализировала ее одной из первых в отечественной науке на примере музыки Армении. Выделенные музыковедом два основных ракурса НКШ: первый, связанный с педагогикой, и второй, сосредоточенный на специфике национального, могут быть выявлены также в чувашской музыке. Согласно первому, НКШ — это «существование музыкантов, воспитанных крупным композитором, разделяющих его принципы и их продолжающих. Такую школу способен создать далеко не каждый даже гениальный творец — необходимо, чтобы у ее основателя была определенная концепция искусства, затрагивающая разные уровни — от эстетического идеала, эстетической программы до узко профессиональных принципов обращения с музыкальным материалом. Это условие обязательно, но его недостаточно. [...] Ибо школа тогда и возникает, когда собственные идеалы и принципы великий композитор воспитывает у учеников в процессе обучения. Существование школы в первом значении слова неотделимо поэтому от педагогической деятельности» [16, с. 153].

В Чувашии подобные традиции реализовались в воспитании нескольких поколений композиторской смены, причем участвовали в их подготовке не только местные музыканты. Для профессионального становления многих чувашских композиторов определяющими стали такие события творческой биографии, как общение с профессором Г. И. Литинским, годы обучения в Казанской государственной консерватории, принципы работы ее педагогического состава в лице А. С. Лемана, А. Б. Луппова, Р. Н. Белялова и др. Сведения об этом аспекте композиторской педагогики представлены в диссертации И. Ф. Талипова «Композиторская школа Казанской консерватории и ее роль в развитии национальных музыкальных культур России»⁹, но в ней почти не отражена чувашская культура. Следовательно, данная тема может и должна получить свое развитие на нашем материале. В рассматриваемом периоде бесценен педагогический опыт В. А. Ходяшева, благодаря которому в Чувашии в 1970 — 1980-е гг. сформировалось новое поколение современных композиторов. Выделившийся из его учеников несомненной талантливостью А. Г. Васильев воспитал, в свою очередь, Н. Н. Казакова и Л. В. Чекушкину. Эти факты характеризуют национально-композиторскую школу Чувашии как сложившееся явление с устойчивой преемственностью поколений.

Другой аспект НКШ опирается на следующее определение Н. Г. Шахназаровой: «Есть иной смысл понятия “школа”, не связанный с деятельностью ка-

⁹ Талипов И. Ф. Композиторская школа Казанской консерватории и ее роль в развитии национальных музыкальных культур России: дис. ... канд. искусствоведения. Рукопись. Казань: Казан. гос. консерватория, 2024. 200 с.

кой-либо выдающейся личности. Его, думается, можно иметь в виду в том случае, если в развивающейся национальной культуре утверждают профессионализм и художественную значимость несколько поколений композиторов. [...] Представителей этих школ объединяет не только принадлежность к конкретной национальной традиции, но и общность эстетико-стилевых устремлений» [16, с. 154]. Характеристики данной грани НКШ, ее дефиниции и терминология постоянно уточняются на материале разных культур, в том числе и в упоминавшихся выше работах чувашских ученых М. Г. Кондратьева, И. В. Даниловой.

Заключение

Чувашское композиторское искусство второй половины XX в. правомерно рассматривать с позиций национальной композиторской школы, опираясь на методологию, разработанную в региональной и общероссийской науке. В современном музыковедении теория национальных композиторских школ постоянно обогащается, уточняются характеристики самого понятия и существующие подходы к их проявлениям в разные периоды развития. Период с 1917 по 1970-е гг. подробно рассмотрен И. В. Даниловой, существенный вклад внесен М. Г. Кондратьевым как в изучение начального периода музыки второй половины прошлого столетия, так и в более поздний этап, связанный с творчеством А. Г. Васильева. В трудах М. Г. Кондратьева также говорится о перспективах дальнейшей работы в этом направлении. Чтобы найти адекватную методологию для понимания музыкальной культуры Волго-Уральского региона, считает ученый, в современной научной практике необходимо охватить следующие аспекты: «понятие о национальной композиторской школе, региональные музыкально-теоретические исследования, которые непременно должны опираться на теорию ладовых систем, в частности, местных форм пентатоники, теорию музыкального ритма, специфические формы которого отличают местные культуры, понятие о музыкальной цивилизации (метакультуре)» [10, с. 71]. Эти цели и задачи, индивидуально решаемые в каждой культуре, позволят по-новому представить достижения, существующие сегодня в национальном искусстве Чувашии, и высветят его своеобразие.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бушуева Л. И. Фольклоризм и его преломление в чувашском музыкальном искусстве. Чебоксары: ЧГИГН, 2024. 44 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 37).
2. Бушуева Л. И. Чувашская народная песня в творчестве композиторов: композиторский фольклоризм, фольклорные «волны», жанр обработки: монография. Чебоксары: ЧГИГН, 2021. 304 с.
3. Данилова И. В. Двухязычие как проблема музыковедения (к вопросу о двухязычии в чувашской музыке) // Чувашское искусство: Вопросы теории и истории: сборник статей. Вып. 5: Межнациональное пространство художественной культуры. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 179 — 195.
4. Дрожжина М. Н. Молодые национальные композиторские школы Востока как явление музыкального искусства XX века. Новосибирск: Новосиб. гос. консерватория (акад.) им. М. И. Глинки, 2004. 280 с.
5. Дубровская М. Ю. Ямада Косаку и формирование японской композиторской школы (последняя четверть XIX в. — первая половина XX в.). Новосибирск: Новосиб. гос. консерватория (акад.) им. М. И. Глинки, 2004. 568 с.
6. Дулат-Алеев В. Р. Композитор и национальная история // Век Салиха Сайдашева: межвузовский сборник. Казань: Казан. гос. консерватория, 2000. С. 5 — 23.
7. Дулат-Алеев В. Р. Методологические проблемы изучения национальных музыкальных культур // Музыкальная наука Среднего Поволжья: итоги и перспективы: материалы юбилейной научной конференции (Казань, 20 июня 1996 г.). Казань: Казан. гос. консерватория, 1999. С. 3 — 7.
8. Дулат-Алеев В. Р. Текст национальной культуры: Новоевропейская традиция в татарской музыке. Казань: Казан. гос. консерватория, 1999. 243 с.

9. Егорова О. К. Миф. Фольклор. Творчество: Марийская музыка в аспекте мифологизма XX века. Казань: Казан. гос. консерватория, 2005. 184 с.
10. Кондратьев М. Г. На пути от незнания к знанию: о музыкальной науке в республиках Волго-Уралья // Музыка. Искусство. Наука. Практика. 2019. № 3. С. 65 — 73.
11. Кондратьев М. Г. Понятие «интонационного словаря» в развитии национальных музыкальных школ // Асафьев и советская музыкальная культура: материалы Всесоюзной научно-практической конференции. Москва: Сов. композитор, 1986. С. 90 — 92.
12. Кондратьев М. Г. Проблема национального в музыкальном искусстве Чувашии // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары: ЧГИГН, 1999. С. 189 — 205.
13. Кондратьев М. Г. Проблема становления национальной школы профессионального музыкального искусства Чувашии и творчество Александра Васильева // Композитор Александр Васильев: Творчество в контексте времени и традиций: сборник статей. Чебоксары: ЧГИГН, 1999. С. 9 — 37.
14. Кондратьев М. Г. Стилиевые поиски в камерно-инструментальном творчестве композиторов Чувашии // Чувашское искусство. Поиски и решения: сборник статей ЧНИИ. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1983. С. 35 — 63.
15. Пыльнева Л. Л. Проблема «школы» в творчестве композиторов Бурятии, Тувы и Якутии // Вестник музыкальной науки. 2013. № 1. С. 57 — 64.
16. Шахназарова Н. Г. Национальная традиция и композиторское творчество. Москва: Композитор, 1992. 187 с.

REFERENCES

1. Bushueva L. I. Folklore and its refraction in the Chuvash musical art. Report at the scientific session of the Chuvash State Institute of Humanities on the results of work for 2023 / Scientific reports. Issue 37. Cheboksary;2024:44. (In Russ.)
2. Bushueva L. I. Chuvash folk song in the works of composers: composer's folklore, folklore "waves", genre of processing: monograph. Cheboksary;2021:304. (In Russ.)
3. Danilova I. V. Bilingualism as a problem of musicology (On the issue of bilingualism in Chuvash music) // Chuvash art: Questions of theory and history. Collection of articles. Issue 5: The international space of artistic culture. Cheboksary;2003:179 — 195. (In Russ.)
4. Drozhzhina M. N. Young national composer schools of the East as a phenomenon of musical art of the twentieth century. Novosibirsk;2004:280. (In Russ.)
5. Dubrovskaya M. Y. Yamada Kosaku and the formation of the Japanese school of composition: (recent. a quarter of the 19th century — the first half of the 20th century). Novosibirsk;2004:568. (In Russ.)
6. Dulat-Aleev V. R. Composer and national history // The Century of Salikh Saidashev: Interuniversity Collection Kazan;2000:5 — 23. (In Russ.)
7. Dulat-Aleev V. R. Methodological problems of studying national musical cultures // Music science of the Middle Volga region: results and prospects: materials of the jubilee scientific conference. Kazan;1999:3 — 7. (In Russ.)
8. Dulat-Aleev V. R. The text of national culture: The New European tradition in Tatar music. Kazan;1999:243. (In Russ.)
9. Egorova O. K. The Myth. Folklore. Creation: Mari music in the aspect of mythologism of the 20th century. Kazan;2005:184. (In Russ.)
10. Kondratiev M. G. On the way from ignorance to knowledge: about music science in the republics of the Volga-Urals // Music. Art. Science. Practice. 2019;3:65 — 73. (In Russ.)
11. Kondratiev M. G. The concept of "intonation vocabulary" in the development of national music schools // Asafiev and Soviet musical culture: Proceedings of the All-Union Scientific and Practical Conference. Moscow;1986:90 — 92. (In Russ.)
12. Kondratiev M. G. The problem of the national in the musical art of Chuvashia // Problems of the national in the development of the Chuvash people. Cheboksary;1999:189 — 205. (In Russ.)
13. Kondratiev M. G. The problem of the formation of the national school of professional musical art of Chuvashia and the work of Alexander Vasiliev // Composer Alexander Vasiliev: Creativity in the context of time and traditions / Collection of articles. Cheboksary;1999:9 — 37. (In Russ.)
14. Kondratiev M. G. Stylistic searches in chamber and instrumental works of Chuvash composers // Chuvash art. Searches and solutions / Collection of articles by CNII. Cheboksary;1983:35 — 63. (In Russ.)
15. Pylneva L. L. The problem of "school" in the works of composers of Buryatia, Tuva and Yakutia // Bulletin of Musical Science. 2013;1:57 — 64. (In Russ.)
16. Shakhnazarova N. G. National tradition and compositional creativity. Moscow;1992:187. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 16.02.2026;
одобрена после рецензирования 24.03.2026; принята к публикации 24.08.2026

Информация об авторе:

Бушуева Любовь Ивановна, старший научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1),

кандидат искусствоведения, доцент,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1132-7055>, niclub7@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 16.02.2026;
approved after reviewing 24.03.2026; accepted for publication 24.08.2026

Information about the author:

Lyubov I. Bushuyeva, senior researcher, Chuvash State Institute of Humanities
(29/1, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),

Candidate of Arts, associate professor,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1132-7055>, niclub7@gmail.com

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 16.02.2026 ситнӗ;
рецензиленӗ хысӗн 24.03.2026 ырланӑ; 24.08.2026 пичете йышӑннӑ

Автор ҫинчен:

Бушуева Любовь Ивановна, Чăваш патшалăх гуманитари ăслăлăхӗсен
институтчӗн ăслăлăх аслă ӗстешӗ

(428015, Раççей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),

искусствоведени кандидачӗ, доцент,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1132-7055>, niclub7@gmail.com

Пайталăх конфликчӗ: автор пайталăх конфликчӗ ҫуккине пӗлтерет.

Автор ал ҫырайӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.

УДК 792 (470.344)''2024/2025''

ББК 85.334 (2 Рос.Чув)6

Научная статья

**АНАЛИЗ СЕЗОНА 2024/25 ГОДА ЧУВАШСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО
ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА ИМЕНИ К. В. ИВАНОВА**

А. Н. Зарубин

Чувашский национальный музей,
г. Чебоксары, Россия
a_zarubin85@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы режиссерские концепции премьерных спектаклей 107-го (2024/25 г.) сезона Чувашского государственного академического драматического театра им. К. В. Иванова, особенности сценографии, актерской игры. Из семи премьерных спектаклей только три были на чувашском языке, а четыре — на русском. Представлены были, в частности, спектакли следующих жанров: мелодрама, музыкальная комедия, мистическая комедия, драма, сказка. В постановках сезона заметно тяготение к большим философским обобщениям и стремление к сохранению национального колорита («Куйкăрайш»). Особенно ценно внимание к чувашскому фольклору (песням, народным играм, обрядам) и попытки вскрыть некоторые современные проблемы общества («Симёк касё», «Салампи»). Исследование пути героя к самому себе: осознанию своего «я», обретению новых ценностей и смыслов («Жизнь за други своя», «В поисках Большой Медведицы», «Василисса») создает психологическую канву событий, поднимает актуальные проблемы современника. Постановки театра демонстрируют новые образные и художественные решения. В них отразился отход театра от традиционных плоскостных живописных декораций в направлении все большего минимализма. В целом спектакли характеризуются разнообразием режиссерских подходов и стремлением к наиболее выразительному воплощению всех составляющих драматического театра.

Ключевые слова: Чувашский государственный драматический театр им. К. В. Иванова, театральное искусство

Для цитирования: Зарубин А. Н. Анализ сезона 2024/25 года Чувашского государственного академического драматического театра имени К. В. Иванова // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 3. С. 133 — 150

© Зарубин А. Н., 2026

Scientific article

**ANALYSIS OF THE 2024/25 SEASON OF THE CHUVASH STATE
ACADEMIC DRAMA THEATRE NAMED AFTER K. V. IVANOV**

A. N. Zarubin

Chuvash National Museum,
Cheboksary, Russia
a_zarubin85@mail.ru

Abstract. The article analyzes the director's concepts of the premiere performances of the 107th (2024 — 2025) season of the Chuvash State Academic Drama Theatre named after K. V. Ivanov, as well as the features of set design and acting. Of the seven premiere performances, only three were in the Chuvash language, while four were in Russian. In particular, performances of the following genres were presented: melodrama, musical comedy, mystery comedy, drama and fairy tale. In the productions of the season, there is a noticeable attraction to

broadier philosophical themes and a desire to preserve national identity (“Kuikrish”). Attention to Chuvash folklore (songs, folk games, rituals) and attempts to address some modern problems of society (“Çimĕk kaçĕ”, “Salampi”) are especially valuable. The exploration of the hero’s path toward self-discovery, the realization of personal identity, and the acquisition of new values and meanings (“Life for your friends”, “In search of the Big Dipper”, “Vasilissa”) creates a psychological outline of events and raises issues relevant to contemporary society. The theatre’s productions demonstrate new imaginative and artistic solutions. They reflected the theatre’s departure from traditional two-dimensional stage design toward increasing minimalism. In general, the performances are characterized by a variety of directorial approaches and a desire for the most expressive embodiment of all the components of dramatic theatre.

Keywords: Chuvash State Drama Theatre named after K. V. Ivanov, theatrical art

For citation: Zarubin A. N. Analysis of the 2024/25 season of the Chuvash State Academic Drama Theatre named after K. V. Ivanov // Modern humanities. 2026;2(3):133 — 150

Асăлăх статийи

К. В. ИВАНОВ ЯЧĔЛĔ ЧĂВАШ ПАТШАЛĂХ АКАДЕМИ ДРАМА ТЕАТРĔН 2024/25 ÇУЛХИ СЕЗОННЕ ТИШКЕРНИ

А. Н. Зарубин

Чăваш наци музейĕ,
Шупашкар хули, Раççей
a_zarubin85@mail.ru

Аннотаци. Статъяра К. В. Иванов ячĕллĕ Чăваш патшалăх академи драма театрĕн 107-мĕш сезонĕнчи (2024/25 ç.) премьерă спектакльсен режиссер концепцине, сценографипе актер вайин уйрăмлăхĕсене тишкернĕ. Çичĕ премьерăран виçĕ спектакль кăна чăвашла пулнă, таваттăшĕ вара — вырăсла. Вĕсене мелодрама, юрăллă-ташăллă камит, мистикăллă камит, драма, юмах жанрĕсемпе лартнă. Ку сезонра лартнă спектакльсенче философилĕ анлă пĕтĕмлетÿсем тума тата наци сăн-сăпатне упраса хăварма туртăнни палăрат («Куйкăрăш»). Чăваш фольклорне (халăх вайи-юррипе йăли-йĕркине) уйрăмах тимлени тата обществăн хальхи вăхăтри проблемисенчен хăшне-пĕрне усма тăрăшни паха («Çимĕк каçĕ», «Салампи»). Тĕп сăнар хайĕн вырăнне шырани, çав шырав сулне тишкерни, хай кам пулнине анланма антăлни, пурнăçра сĕнĕ хаклăхсемпе пĕлтерĕшсем тупни пулăмсен психологи никĕсне хывать, хальхи вăхăтри сивĕч йытусене хускатать («Жизнь за други своя», «В поисках Большой Медведицы», «Василисса»). Театрти постановкăсем сăнарлăхри тата илемлĕх мелĕсенчи сĕнĕлĕхсемпе палăраççĕ. Вĕсенче театр лаптак ўкерчĕклĕ декорацийĕсенчен пăрăнса ансатлăх (минимализм) еннелле саврăнни курăнать. Пĕтĕмĕшле илсен, спектакльсем вĕсен режиссерĕсем тĕрлĕ мелсемпе ёслени тата драма театрĕн пур майĕсемпе те витĕмлĕн сăнарлама тăрăшнипе палăрса тăраççĕ.

Тĕп сăмахсем: К. В. Иванов ячĕллĕ Чăваш патшалăх драма театрĕ, театр ўнерĕ

Цитатăлама: Зарубин А. Н. К. В. Иванов ячĕллĕ чăваш патшалăх академи драма театрĕн 2024/25 çулхи сезонне тишкерни // Хальхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 3 №. С. 133 — 150

Введение

Прежде чем разобрать особенности 107-го сезона (2024/25 г.) Чувашского государственного академического драматического театра им. К. В. Иванова (ЧГАДТ), сделаем несколько предварительных общих замечаний. На наш взгляд, в общественном сознании иногда утрачивается ясное понимание, что ЧГАДТ — вовсе не развлекательное учреждение, а хранитель и транслятор нематериального культурного наследия чувашского народа, выражающегося в языке, традици-

ях, представлениях об устройстве мира, народной музыке, песнях, танцах и т. д.¹ Важнейшей функцией нематериального культурного наследия является формирование у этнической общности чувства осознания своей идентичности². Если наследие народа, транслируемое через театр и другие учреждения культуры, совсем потеряет значение фактора формирования национальной идентичности, то в дальнейшем это может грозить деградацией общества.

Не секрет, что ЧГАДТ переживает множество вызовов современности, одним из которых является сокращение численности говорящих на чувашском языке. Другой вызов — это угасание культуры посещения театра. Интернет, социальные сети и другие виртуальные способы общения и проведения времени уводят часть молодежи от театра, делают посещение театра тягостным для молодого поколения. В условиях конкуренции между учреждениями культуры театр испытывает соблазн сделать ставку на развлекательность, рискуя понизить художественный уровень постановок. Чтобы не показаться молодому и среднему по возрасту поколениям архаичным институтом, театру приходится адаптироваться и искать различные способы выглядеть современным, эффективным, не элитарным, а демократическим учреждением. В 107-м сезоне (2024/25 г.), как и в 106-м, ЧГАДТ не боялся экспериментировать, практиковать нестандартные подходы, активно работать не только с местными, но и приглашенными режиссерами и художниками. Распространено мнение, что ЧГАДТ должен быть образцом чувашского театрального искусства. Если ЧГАДТ будет резко и сильно экспериментировать, то это может привести к потере зрителя, ходившего на его постановки десятилетиями и ожидающего от него привычных образов. Однако эксперимент — это не обязательно упрощение, понижение в качественном и содержательном смысле художественного материала и рискованная спекуляция с ним. Эксперимент — это еще и двигатель искусства. Другое дело, что эксперимент должен проходить на достойном для академического театра уровне, не обедняя содержание спектаклей. Смог ли ЧГАДТ соблюсти баланс, гармонию между верностью традициям и экспериментированием? Куда движется современный ЧГАДТ, какие тенденции наблюдаются в его деятельности? Поставив данные проблемные вопросы, не считаем, что в статье дан полный, исчерпывающий ответ на них, скорее, были лишь намечены некоторые контуры 107-го сезона ЧГАДТ. Сразу же уточняем, что в нашем обзоре были рассмотрены исключительно те спектакли, премьеры которых состоялись в 107-м сезоне (2024/25 г.).

Материалы и методы

В статье проанализированы спектакли ЧГАДТ, а также литературные источники, послужившие для них основой: пьесы, инсценировки. Источниками статьи являются наблюдения при посещении спектаклей; беседы с режиссерами, поставившими спектакли в ЧГАДТ; материалы, размещенные на сайте и в социальных сетях ЧГАДТ, а также в СМИ: периодических изданиях, аудиопередачах. При анализе спектаклей использовался описательный метод.

¹ Основы государственной культурной политики // Президент России: официальный сайт Администрации Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 14.12.2025).

² Федеральный закон от 20.10.2022 г. № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» // Президент России: официальный сайт Администрации Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48445> (дата обращения: 14.12.2025).

Результаты исследования и их обсуждение

Во второй половине 2024 г. на должность главного режиссера ЧГАДТ пригласили выпускника ГИТИСа Дмитрия Геннадьевича Миронова, 1990 г. р. К тому времени он успел проявить себя как победитель студенческого межрегионального театрального фестиваля «Абрикосовый сад», Фестиваля детских и молодежных театральных коллективов Приволжского федерального округа «Театральное Приволжье», XXIV республиканского конкурса театрального искусства «Узорчатый занавес», Международного фестиваля современного театра «Наш кислород 9.0».

Осенью 2024 г. при театре была открыта драматическая студия — своего рода подготовительные курсы для поступления в Театральный институт им. Б. Щукина. Еще в мае 2024 г. в муниципальных округах Чувашии прошел отбор в студию, руководителем которой стала режиссер ЧГАДТ Наталия Алексеевна Сергеева.

Не секрет, что одной из проблем театра является нехватка качественной современной чувашской драматургии. Для решения этого вопроса в октябре 2024 г. в ЧГАДТ предпринималась попытка провести лабораторию национальной драматургии «Чувашия. XX век», но она не увенчалась успехом.

Прежде чем проанализировать некоторые премьерные постановки, перечислим пьесы, которые сохранились в репертуаре театра в 107-м сезоне. Их можно объединить в несколько групп: чувашская классика [«Ялта» («В деревне») Ф. Павлова, «Ёмёр сакки сарлака» («Жизнь прожить — не поле перейти») Н. Мраньки, «Вёри юнлă сĕмсе чун» («Константин Иванов») И. Максимова-Кошкинского, «Сурхури сăри» («Проклятое племя») П. Осипова], чувашская современная драма [«Эп сунне чух эс сун» («Угаснет свет во мне — а ты гори!») М. Сунтала, «Юратăва сул парăр» («Дайте дорогу любви») А. Тарасова, «Чуххăм Ванька авланать — кай-кай-кай...» («Даже Ванька женится – ай-ай-ай...») В. Николаева], русская классика [«Хăв пурăнас килнĕ пек ан пурăн» («Не так живи, как хочется») А. Островского, «Пёр уйăх сĕс пĕрле» («Месяц в деревне») И. Тургенева, «Чунăм, Лиза-Акулина» по повести А. Пушкина «Барышня-крестянка», «Анне» по повести В. Распутина «Последний срок», «Сын пурнăçĕ» Л. Андреева], современная драма [«Вайлă хĕрарăм» по пьесе Я. Паулинович «Жанна. Дальше будет новый день», «Аманнă шăпа» Н. Асанбаева, «Мăнаккасем» по пьесе «Тетки» А. Коровкина, «Пĕртен-пĕр шанăç» по пьесе М. Задорнова «Последняя попытка», «Ай, мăнтарăн сил-тăманĕ» («Шутки в глухомани») И. Муренко, «Айăпсăр чун» («Очень простая история») М. Ладо]. Абсолютным лидером по количеству показов в сезоне стала инсценировка В. Яковлева по повести А. Артемьева «Салампи». Ее показали в течение сезона четырнадцать раз и на двенадцати показах был полный аншлаг. По семь раз показали спектакли «Аманнă шăпа» Н. Асанбаева, «Пёр уйăх сĕс пĕрле» И. Тургенева и «Ёмёр сакки сарлака» Н. Мраньки.

19 — 26 октября 2024 г. в честь 85-летия художественного руководителя ЧГАДТ В. Н. Яковлева прошел фестиваль его спектаклей: «Инкеклĕ телей» («Счастье горькое») Ю. Николаевой, «Уйрăлу каçĕ» («Вечер расставания») В. Пановой и В. Яковлева, «Хĕрлĕ кĕпеллĕ телей» («Счастье в красном платице») и «Туя туй пек тăвар-и?» («Не сыграть ли свадьбу?») А. Тарасова.

Для анализа сезона мы объединили премьерные постановки в несколько групп. В первую группу вошли работы чувашских авторов: «Салампи» (инсценировка В. Яковлева по повести А. Артемьева), «Симĕк каçĕ» («В ночь перед Троицей») Г. Терентьева. Особняком стоит спектакль «Куйгорож», поставленный

по переведенной на чувашский язык пьесе мордовского драматурга В. Мишаниной. В отдельную группу можно выделить постановки на русском языке: «Жизнь за други своя», «Космический квартирник» и произведения детского репертуара — «Василисса» М. Малухиной и «В поисках Большой Медведицы» Х. Вебб. Рассмотрим эти группы поочередно.

Постановка «Салампи» (режиссер-постановщик Наталия Сергеева, художник Светлана Зверева, инсценировка Валерия Яковлева) была посвящена 70-летию публикации одноименной повести и 100-летию со дня рождения ее автора — Александра Артемьева. Для понимания спектакля рассмотрим первоначальный замысел А. Артемьева в повести, инсценировку В. Яковлева и проанализируем, как режиссер-постановщик Н. Сергеева воплотила ее на сцене. В своей повести А. Артемьев поставил множество нравственных вопросов. Один из них звучит так: что есть подлинная красота человека, какова она? По мнению автора, это нравственная, душевная красота и способность совершить подвиг. В то время как городские девушки, подобные Музе Любимовой, выбирали развлечения, танцы, хождение в кинотеатры, Саламби неожиданно совершила подвиг, усыновив сироту из детского дома — маленького мальчика Валерика, чья мать погибла на войне. Подвиг Саламби был очень тихим, лишенным какой-либо манифестации или публичного объявления. Ее готовность к самопожертвованию, способность забыть о себе выразились и в том, что она, не бросая учебу, уехала из города в деревню, чтобы ухаживать за своей старой и больной матерью. Режиссер-постановщик Н. Сергеева пыталась показать Саламби как идеал, «олицетворение женской душевной стойкости, мужества, самоотверженности»: «Достоинства ее характера должны служить примером для всех»³. Артистка Анна Цветкова в роли Саламби говорит от всего сердца, не пытаясь юлить и притворяться. Иногда она может проявить решительность и твердость, что особенно заметно в перепалке с Шамбулкиным (Сергей Иванов). Для пластики А. Цветковой характерна легкость в движении, грация, изящность. Нередко в ходе спектакля она делает несколько шагов и останавливается, причем опускает глаза, что свидетельствует о скромности, сдержанности, погруженности в свои мысли. Обратим внимание на то, что в сценической интерпретации любого идеала имеются определенные сложности. Стремление воплотить идеальный образ не всегда идет на пользу артисту и может сковывать его игру. В этом отношении образ Саламби в исполнении А. Цветковой оказался все-таки несколько статичным: в нем не хватает живости, разнообразия красок для раскрытия характера своего героя. Яркие краски и сильные эмоции проявляются в игре артистки в самые обостренные моменты, например, в момент расставания с Алмазовым (Арсений Дмитриев). В течение спектакля Саламби отличает ровность и постоянство характера, а зрителю хотелось бы видеть динамику: как встреча с Алмазовым и усыновление Валерика поменяли ее поведение, прежние понятия, привычки, установки. В постановке же иногда создается впечатление, что Саламби почти не меняется от самого начала до конца. Возможно, недостаточная глубинная проработка образа связана с общей стремительностью повествования: действия проносятся, как в кино, так быстро, что зритель почти не успевает их пережить. Отдельным сценам, где можно было бы углубить образ героя, уделено слишком мало времени.

³ Багадєрова В. Сѣнѣ сезона «Салампи» пуслать // Хыпар. 2024. Авѣн, 10 (№ 101). С. 4.

Говоря о вопросах красоты в «Салампи», нельзя обойти стороной образ Музы Любимовой, сыгранный очень ярко и живо Мариной Яковлевой. Муза хочет быть не просто красивой, а обворожительной, для чего старается следовать моде и богато одеваться. Однако вся ее красота лишь внешняя, поступки же отнюдь не красивы. Если Саламби ведет себя искренне и естественно, то Муза Любимова как будто постоянно играет перед людьми.

Следующая тема, которую А. Артемьев раскрывает в своей повести, связана с любовью молодых людей Саламби и Алмазова. В инсценировке В. Яковлева и в постановке Н. Сергеевой этому уделено основное внимание. Писатель хотел указать на ошибки и неправильные действия, которые могут возникнуть между любящими. В постановке также очень рельефно и четко показано, что отношения могут быть разрушены из-за обид, взаимных недомолвок, когда молодые люди не обговаривают свои проблемы, держат их в себе. Особенно эффектной и трогательной в спектакле получилась сцена, где показан внутренний монолог Саламби и Алмазова, не решавшихся выговориться друг перед другом. Приехав в деревню к Саламби, Алмазов погрузился в следующий внутренний монолог: «Или с умыслом напоминает, что у нее ребенок? Кончена, кончена наша любовь... Ты вряд ли простишь мое увлечение Музой. Как трудно просить прощения». В это же время Саламби размышляет: «Почему он ни разу не спросил про Валерика? Или осуждает меня за него?... Толик, Толик, почему смалодушничал ты? Почему подпустил Музу к себе?... Не забывай меня, я все равно буду тебя любить!» Эти душераздирающие монологи главных героев вызывают у зрителей сочувствие и сопереживание. Звучащая в спектакле музыка, написанная Лолитой Чекушкиной, создает особый эмоциональный фон общения Анатолия и Саламби, подчеркивает, что между ними очень нежные чувства. Иногда во время их общения звучит мелодия «Салампи юрри» композитора Г. Хирбю.

А. Артемьев также ставил в своей повести вопрос: что есть подлинное искусство, в конкретном случае — музыкальное. Писатель прежде всего словами своего персонажа Анны Ивановны в обличении Алмазова утверждал, что искусство тесно связано с народом, с его национальными корнями («музыкант без родного народа, что соловей без песни»). В постановке Н. Сергеевой эта тема была раскрыта лишь отчасти, в основном через столкновение Алмазова и Саланова (Александр Демидов) с Лутри (Александр Кураков) и с Профессором (Владимир Семенов, Алексей Герасимов). Обличительный разговор Анны Ивановны с Алмазовым в постановке отсутствует. Лутри и Профессор пренебрежительно отзываются о родной литературе, музыке и театре, но получают отпор от Алмазова и Саланова. Попутно заметим, что Лутри и Профессор, ценящие только деньги и ищущие славы, соотносимы и с социальными типами в современном обществе.

Если прибегнуть к метафоре, то душу Саламби можно охарактеризовать как душу народа. Примечательно, что охлаждение в отношениях между Саламби и Алмазовым совпало с увлечением последнего карьерными интересами — желанием написать оперу и прославиться. Вместе с увлечением Музой это помешало ему понять неуловимую душу народа. Алмазов в своем внутреннем монологе говорит: «Выходит, не понял я твою душу, Саламби...». Об этом же рассуждает и Саламби: «Эх, Толя, Толя, не знаешь ты душу мою». Алмазов отчаянно стремился изучить народную душу, что выразилось в поисках фольклорного материала для оперы, которую он писал. Но неспособность постичь душу народа ставила преграду на его творческом пути. И только после того, как он отказался от карьер-

ных интересов, чувашская душа как бы открылась ему, и в едином любовном порыве Саламби и Алмазов устремились друг к другу.

Коснемся также некоторых технических и содержательных деталей постановки. Как было замечено выше, режиссер Н. Сергеева немного изменила и сократила инсценировку В. Яковлева. В инсценировке фигурирует в качестве отдельного персонажа Автор, служивший связующим звеном между сценами. В постановке Н. Сергеевой Автора как отдельного персонажа нет. Возможно, это связано с тем, что использование в качестве действующего персонажа Автора очень рискованно, так как оно может прерывать непрерывность действия.

Если в повести А. Артемьева и в инсценировке В. Яковлева изображены люди первых послевоенных лет, пережившие горе, лишения, голод, многолетний напряженный труд на благо Родины, то в постановке Н. Сергеевой целенаправленно показаны люди 1950-х гг.⁴ Благодаря художнику Светлане Зверевой, постановщику танцев Людмиле Няниной и режиссеру по пластике Рамизе Мухаметшиной, было ярко воспроизведено, как одевалась, танцевала и пела советская молодежь в 1950-е гг.

Сразу после встречи с Вирьяловым в Чебоксарах в тринадцатой картине Алмазов произносит слова: «Саламби! Без тебя и солнечный день кажется пасмурным. Где бы и с кем бы я ни был, всю жизнь буду любить тебя». Те, кто не читал повести или инсценировки, не смогут понять, что это пламенные слова из письма, которое он написал, когда собирался уехать в Казанскую консерваторию. Режиссер в данном случае прибегает к приему недосказанности, возможно, чтобы подтолкнуть зрителя к самостоятельному ознакомлению с повестью А. Артемьева. В конце спектакля мы видим Алмазова и Саламби в ротонде. Такая концовка говорит о том, что рано или поздно они будут вместе.

Как мы отмечали ранее, у постановки «Салампи» было 12 аншлагов в 107-м сезоне. Классика продолжает привлекать зрителей, и они находят в спектакле ответы на волнующие их вопросы или имеют возможность ностальгировать по советскому прошлому.

Определенная мелодраматическая линия прослеживается и в музыкальной комедии «Симёк каşё» («В ночь перед Троицей») Геннадия Терентьева (режиссер Наталия Сергеева, художник Валентин Федоров). Режиссер-постановщик Н. Сергеева планировала показать чувашские традиции, связанные с праздником *Симёк*, но вместе с тем не хотела делать этнографическую постановку: «...наш спектакль — это не научное исследование, а лишь поверхностное напоминание о традиции»⁵. Подготовленные художником-постановщиком декорации состоят из четырех подвешенных резных наличников, украшенных веточками деревьев. В нужные моменты спектакля наличники спускаются ниже к артистам и создают обстановку сельской улицы. Кроме того, фоном сцены служат образы тканых дорожек, до сих пор встречающихся в старых деревенских домах, а также многочисленные пояса (*пиçиххи*) с кисточками разных цветов и веточки с листочками. Через подобное оформление сцены режиссер хотел подчеркнуть архаику и традиции деревенской жизни и, возможно, древние представления чувашей о том, что духи предков накануне *Симёк* отдыхали на ветвях деревьев у домов живых

⁴ Сцена çинче. 18.09.2024 // Государственная телевизионная и радиовещательная компания «Чувашия»: официальный сайт. URL: <https://www.chgtrk.ru/radio/programmy/vzglyad-so-sceny/scena-inche-18092024> (дата обращения: 24.09.2025).

⁵ Николаев В. Симёкре сăтăр каşё те пулă иккен // Республика. 2025. 23 апреля. № 15 (1674).

людей. Для постановки ЧГАДТ организовал свой небольшой оркестр, состоящий из пяти человек, играющих на гармонии, скрипке, ударных, дудочке, балалайке и других инструментах.

В основу пьесы положена история, случившаяся в одной из чувашских деревень в конце 1980-х — начале 1990-х гг., но Н. Сергеева, как нам показалось, хотела приблизить спектакль к сегодняшнему дню и сделать его молодежным. Во время праздничных гуляний перед Троицей сельский парень Ванюк (Василий Иванов, Александр Демидов), которого через неделю забирают в армию, предлагает девушке Санюк (Анна Цветкова, Эмилия Назарова) сыграть свадьбу. Параллельно развивается другая сюжетная линия: молодой бизнесмен Толик Ярмолкин (Евгений Урдюков, Александр Игнатъев) просит свою тетю Угась (Надежда Кузьмина, Елизавета Хрисанфова) помочь ему жениться на Санюк. В результате в спектакле разворачивается многослойный конфликт. Во-первых, это конфликт между сельской и городской молодежью и одновременно между сельской и городской культурами. Воплощением городской культуры является бизнесмен Толик Ярмолкин (в спектакле его называют «спекулянтом»). Городская культура в спектакле представлена как нарочито грубая, хамская, испорченная, оторванная от своих корней, подвергшаяся влиянию Запада и русификации. Ее представители неуважительно относятся к родному языку. Крикливостью и манерой разговаривать Толик демонстрирует неуважение к старшим. Он общается с ними ровно так же, как и со своими друзьями. Вспомним сказанные в начале спектакля слова Толика, обращенные к тетушке Угась: «Что ты, тетя, с нравоучением ко мне пристаешь?» Всем своим внешним видом Толик показывает, что является последователем западной культуры. Его жизнь подчинена не сельским, а скорее, городским ритмам, требующим быстрых действий. Кажется, как будто Толик каждый раз торопится что-то сделать, торопится жить. Чувашская речь Толика изобилует множеством русских слов, что придает еще большую комичность его образу. На замечание тетушки Угась по поводу того, что он не знает, как правильно разговаривать на чувашском языке, Толик отвечает: «А ты поживи в городе и сама будешь так говорить». По его словам, девушки в Чебоксарах не хотят говорить на чувашском, стесняются.

Другой конфликт, показанный в постановке, состоит в противопоставлении отцов и детей. Отец Санюк Максим (Сергей Иванов, Александр Кураков) пытался подчинить дочь своей воле и выдать ее за Толика, но ломка старых отношений, видимо, уже давно произошла, и Санюк решительно и твердо противостоит наставлениям отца, причем ей помогает и защищает ее компания сельской молодежи.

Публика очень радушно приняла постановку. В спектакле использовались приемы шоу с ритмичной музыкой, провоцирующей аплодисменты: зрители аплодировали в такт пению героев (Максима и Угась). Не только во время премьеры, но и в другие дни спектакля в театре был аншлаги, возможно, из-за того, что постановка веселит публику и изобилует музыкально-песенными вставками. Заметим, что, несмотря на то, что театр хотел создать молодежный спектакль, в составе публики по-прежнему преобладали представители среднего и пожилого возрастов.

С традиционными мифологическими представлениями чувашей связан был и другой спектакль — мистическая комедия «Куйкăрăш» («Куйгорож или Призрак счастья») по пьесе мордовского драматурга Валентины Мишаниной (режиссер Б. Н. Манджиев, художник М. Шуплецова, перевод на чувашский язык Татьяна

ны Ильиной). Мифологический персонаж «Куйкӑрӑш» в чувашской мифологии выступает в разных ипостасях — труженика и вора. На встрече с членами «Клуба любителей театра» в ЧГАДТ 9 ноября 2025 г. Б. Н. Манджиев пояснил концепцию спектакля. По его словам, Куйгорож, будучи малым цыпленком, «тихо заходит в сознание, как соблазн». Спектакль показывает, как неожиданно свалившиеся на человека «подарки судьбы» (деньги и другие материальные ценности) «проверяют», насколько он окажется стойким и не превратится в раба этих материальных ценностей. Люди, имеющие огромные деньги, могут претерпевать те же метаморфозы, что и главный герой спектакля Петеркке. Б. Н. Манджиев говорит: «Театр показывает всю эволюцию этого превращения и что делать с этим, когда это все (неожиданно свалившиеся на тебя огромные деньги. — А. З.) против тебя оборачивается». На наш взгляд, в спектакле Б. Н. Манджиева получилась религиозная схема (бунт человека против Бога, последовательное впадение в семь смертных грехов, раскаяние, примирение с Богом), хотя, возможно, режиссер специально не хотел делать акцент на этой схеме.

Для Петеркке (Сергей Иванов) его жена, ведьма Азарби (Надежда Зубкова), высиживает Куйгорожа (Александр Игнатьев), исполняющего все желания. Столкнувшись с подобным рогом изобилия, Петеркке сначала впадает в обжорство, затем у него возникает желание обогащения. Получив богатый дом, скот, он хочет поднять свой социальный статус и для этого получить боярскую шапку, то есть стать боярином. Опытавшись от самодовольства, он начинает увлекаться женщинами... Азарби критикует мужа за то, что тот «подчинил Куйгорожа своим низменным желаниям». Однако больше всего она беспокоится не за Петеркке, а за богатое хозяйство, которое было принесено Куйгорожем, поэтому просит Петеркке никого не пускать в дом из односельчан: «Как войдут люди и увидят богатство — повесят тебя». Петеркке задумался, его стал мучить внутренний конфликт. Разговаривая с самим собой, он признавал, что, если не думать, как найти кусок хлеба, то в голове рождаются различные (порочные) мысли и желания. Он осознал, что потерял смысл жизни и стал морально деградировать.

Другой линией спектакля было увлечение соседки Петеркке Уняжи (Антонина Казеева, Елизавета Казначеева) Куйгорожем. Уняжа надеется на то, что будет жить в хорамах Петеркке и станет полновластной хозяйкой. В конце концов она забеременела от Куйгорожа.

Сергей Иванов очень успешно смог показать характерные для Петеркке простоту, непосредственность. Несмотря на увеличение богатства, он не ожесточается, подобно Уняже. Он все еще способен взглянуть на себя со стороны и переживать моральные страдания. У него сохраняется крестьянское сознание. Если Уняжа, получая от Куйгорожа различные материальные блага, стала забывать нормы народного этикета, то Петеркке помнит и напоминает ей о них. У Уняжи под влиянием дорогих вещей, получаемых быстрым путем, сильно меняется сознание. Когда Петеркке говорит ей, что труд украшает человека, она отвечает, что такое понятие уже устарело. Она стала очень надменной, односельчанин Керкури ей разонравился из-за бедности.

Надежда Зубкова очень органично и талантливо исполнила роль Азарби, прислуживавшей нечистой силе в качестве ведьмы. В отличие от Петеркке, она богаче одета. На ней ярко-красное платье, символизирующее власть. В руках она держит метлу. Азарби вовсе не старуха, а настоящая красавица. Она идет гордой, величественной походкой, говорит властным тоном. Очень эффектно вышла пля-

ска Азарби вместе со своими спутницами — другими ведьмами. Когда Азарби стоит на стуле и потрясает красным платком, то возникают ассоциации с огнем из костра, от которого поднимается дым на месте шабаша ведьм.

Кульминационным можно назвать момент, где Петеркке наконец-то обращается к Богу, прося вернуть ему память, разум, совесть. От Азарби он узнал, что его обогащение происходило за счет ограбления Куйгорожем его односельчан и даже крестьян соседних сел. Очень трогательный момент спектакля, когда Петеркке мучительно переживает внутренний конфликт, а за его спиной под умиротворенные звуки дудочки проходят народные молодежные игры с надеванием венков из цветов. Возникает ощущение, что все это вспоминается Петеркке. Неоднократные появления образа народа создают определенную композицию, которая с ритмической периодичностью повторяется. Точно так же с определенной периодичностью в течение спектакля повторяются музыкально-танцевальные вставки с женщинами. Можно выстроить такую условную схему спектакля: эпизод фабулы — народ — эпизод фабулы — танец танцовщиц (спутниц Азарби) — эпизод фабулы — народ — эпизод фабулы — ритуальные танцы женщин-повитух — эпизод фабулы — народ — эпизод фабулы — народ...

В одной сцене Уняжа появляется с огромным яйцом Куйгорожа, которое она везет в тележке. Что с ней будет дальше, не уточняется, сохраняется недосказанность. Существует угроза, что вылупится новый Куйгорож. Петеркке в глубоком раскаянии просит у Уняжи прощения за то, что не смог уберечь ее от Куйгорожа. Между ними появляются двери (метафорический образ стен), и Петеркке отчаянно бьет в них кулаками, пытается достучаться до Уняжи и убедить ее не рожать Куйгорожа. Таким образом в спектакле передается идея о том, что взрослое поколение несет ответственность за традиционное воспитание молодого поколения. Петеркке оказался виновен в том, что Уняжа нарушила традиционные нравственные нормы.

Когда Куйгорож снова приходит к Петеркке с требованием дать ему работу, последний приказывает вернуть народу все отобранные у него богатства. Это требование является губительным для Куйгорожа. Вскоре интерьеры богатой усадьбы сменяются видом поля. Таким образом композиция закольцовывается, и обретаются прежние равновесие и гармония. Снова налаживается связь Петеркке с природой, ручным аграрным трудом, и он объявляет, что все, что с ним приключилось, ему приснилось. Возможно, спектаклем режиссер намекал о том, что счастье заключается в честном мирном труде.

С точки зрения формы, декораций «Куйгорож» был в некоторой степени экспериментальным для ЧГАДТ. Премьера спектакля показала, что театр постепенно отходит от традиционных плоскостных живописных декораций к все большему минимализму (художник Мария Шуплецова). В качестве художественного приема в спектакле использовались подвижные двери, которые в зависимости от определенной сцены превращались то в порталы в другой мир, то в двери богатой усадьбы Петеркке⁶. Визуально, композиционно, музыкально и по части хореографии спектакль «Куйгорож» в ЧГАДТ очень похож на аналогичный спектакль, ранее поставленный Б. Н. Манджиевым в Мордовском национальном театре.

⁶ Прием с использованием дверей очень напоминает тот, который применялся в Казанском ТЮЗе в спектакле «Нос» Казанского ТЮЗа (режиссер Туфан Имамудинов, премьера состоялась еще в 2017 г.).

Переходя к блоку спектаклей ЧГАДТ на русском языке, затронем проблему сокращения постановок на национальном языке в некоторых республиках. В репертуаре Государственного национального театра Удмуртской Республики в 2024 г. лишь половина репертуара идет на удмуртской языке, остальные пьесы — на русском⁷. В Мордовском государственном национальном драматическом театре 70 % репертуара играют на русском языке, 30 % — на мордовском. Становится немного тревожно от факта, что из семи премьерных спектаклей только три были на чувашском языке, а остальные — на русском, хотя относительно русскоязычных постановок существует мнение, что они не дают национальным театрам замыкаться и позволяют быть открытыми для широкого зрителя.

Постановками на русском языке в ЧГАДТ занимался главный режиссер ЧГАДТ Д. Миронов. По спектаклям «Месяц в деревне» И. Тургенева, «Жизнь за други своя» заметно, что он ставит по-новому, не так, как делал до него В. Яковлев. В честь Года защитника Отечества в малом зале ЧГАДТ Д. Миронов поставил на русском языке спектакль «Жизнь за други своя» по одноименному сборнику воспоминаний участников специальной военной операции и их родственников (составители: Захар Прилепин, Олег Демидов, Алексей Колобродов). Поднятая в спектакле тема является эмоционально очень тяжелой и болезненной. Рассмотрим, какие приемы были использованы при ее постановке.

Сценография спектакля (художник Д. Миронов) незамысловата: в центре расположена небольшая фортификационная конструкция, которая вместе с приглушенным светом создает ощущение нахождения внутри блиндажа. В самом начале спектакля на небольшой сцене сидит женщина, плетущая маскировочную сетку (Галина Кузнецова). Это мать главного героя и одновременно обобщенный образ всех матерей, чьи сыновья ушли на спецоперацию. Тихие звуки гитары, которые можно слышать на протяжении всей постановки, создают атмосферу печали. Особенностью малого зала, где проходит спектакль, является то, что можно вблизи видеть лица актеров, замечать особенности их мимики, эмоций и полнее ощутить их энергетику. Тем самым создается своего рода кинематографический эффект в театре.

У блиндажа появляется солдат в военной форме. Это главный герой Гаруда (Григорий Петров). Он берет в руки макеты домиков и прислушивается к ним. Зрителям становятся слышны отрывки детских воспоминаний и солдатских писем родителям. Внутри макетов домиков горит свет. Пять домиков соответствуют семьям пяти артистов, играющих участников СВО. Прослушав фрагменты воспоминаний, Гаруда насаживает пять макетов домиков на шесты и вставляет их в пазы по краям блиндажа. Домики на шестах вверх блиндажа становятся образом того, что мысли участников спецоперации улетают домой, и мысленная, душевная связь с их родственниками не прекращается даже во время военных действий. Использование макетов домиков, проходящих связующей нитью через весь спектакль, — очень удачное решение Д. Миронова как режиссера и художника.

Как известно, весточки о своем сыне являются самым дорогим, что могут получать матери в тылу. Письма от их сыновей многократно перечитываются, поэтому фрагмент одного из писем Гаруды произносит его Мать. При этом она

⁷ Круглый стол «Современная драматургия народов России» // Российский институт театрального искусства – ГИТИС: официальная группа в социальной сети «ВКонтакте». URL: https://vkvideo.ru/video-145886776_456239442?t=47m30s (дата обращения: 19.12.2025).

медленно приближается к сыну и склоняется над ним, после чего удаляется. Гаруда рассказывает зрителям историю о своем первом дне на войне и о своих боевых товарищах. В 20 лет он последовал примеру брата, отправившись на СВО добровольцем. Другие герои тоже рассказывают нам об истории своей жизни. В спектакле мы не видим военных действий. Все представление проходит в блиндаже. Показаны обычные будни, повседневность, но каждый, кто присутствует в зале, чувствует общую напряженность обстановки. В спектакле показано, как участникам СВО не были чужды шутки, песни. Так, например, солдат с позывным Чуваш (Евгений Урдюков) задорно отплясывал под чувашскую мелодию, которую играл Немой (Александр Васильев) на гармошке. Кроме того, в спектакле звучит множество песен как в записи, так и в живом исполнении самих артистов — под гармошку и под гитару: «Чайф» («Не спеши»), «Любэ» («Русские»), «Кино» («Красно-желтые дни»), Эдит Пиаф («Non, je ne regrette rien»).

Ради сохранения душевной атмосферы спектакля и приближения к человеческим историям режиссер отказался от пафоса и патетики. Гаруда показан со всеми своими человеческими слабостями и недостатками: колебаниями, боязнью перед военными действиями. Но все равно зритель замечает, что, несмотря ни на что, ему помогает держаться крепкий внутренний стержень. В одном из своих монологов он произносит слова, которые служат в определенной степени ключом ко всему спектаклю: «Путь каждого человека здесь — это путь в свой дом, забытый дом». То есть участники СВО, с одной стороны, приближают конец войны, с другой — в метафизическом смысле «возвращаются домой», как бы заново обретая потерянные и забытые духовные ценности.

Боевые товарищи Гаруды гибнут друг за другом. Самым первым погиб солдат с позывным Отец (Николай Котеев). Это обобщенный образ старшего состава СВО. Несмотря на свою боевую крепость и силу, Отец оказался очень нежной натурой, что особенно проявилось в том, как он обращался с бабочкой, обнаруженной им в блиндаже. Вероятно, так же нежно он обращался со своей супругой, умершей в молодом возрасте. Гибель Отца показана с помощью Проводницы в другой мир (Анастасия Казеева), которая в образе супруги Отца совершает с ним танец под звуки песни «На заре» в исполнении Басты.

Яркий образ солдата с позывным Философ сыграл на сцене Алексей Герасимов. Герой в его исполнении вышел очень искренним и веселым. Он носит футболку с надписью «Прекрасное далеко». Философ, как и остальные солдаты, верил, ждал и пытался приблизить это «прекрасное далеко».

Гаруда сказал: «Когда-то нас объединит один костер. И мы соберемся у того огня и расскажем, как жили». Режиссер нашел образ воплощения этих слов в заключительной сцене, когда четверо погибших участников СВО собрались вокруг макетов домиков и грели возле них руки, а Гаруда на костылях подошел к ним и положил перед ними гвоздики. Хотя в конце спектакля мы видим Гаруду с костылями, но это уже совсем другой, по сравнению с началом спектакля, человек — крепкий духом, с твердыми взглядами и убеждениями.

Благодаря удачно составленной Дмитрием Мироновым режиссерской партитуре, спектакль смотрится на одном дыхании и вызывает сильное эмоциональное потрясение у зрителей.

Запланированный в 107-м сезоне иммерсивный спектакль «Эп — Кайкяр!» («Я — Сокол!») к 95-летию космонавта А. Г. Николаева так и не был выпущен, потому что не был одобрен его дочерью Еленой Терешковой. Вместо этого в ма-

лом зале театра состоялся на русском языке «Космический квартирник» (режиссер Василий Иванов). Это был первый опыт использования совершенно нового для ЧГАДТ формата, по словам директора театра, удобного для выступления в небольших залах для небольшой аудитории. Сцена малого зала ЧГАДТ, где проходил «Космический квартирник», была украшена силуэтами Луны, звезд, в одной из которых можно было разглядеть изображение А. Г. Николаева. Артисты театра читали песни о звездах, любви и жизни; танцевали, читали стихотворения о смелости, силе духа, родном доме и родной земле, а также воспоминания самого А. Г. Николаева. Данный формат концерта-спектакля оказался удобным для выездов. С «Космическим квартирником» театр в течение 107-го сезона посетил Урмарский, Козловский, Комсомольский, Яльчикский, Янтиковский, Аликовский, Ибресинский муниципальные округа. Одна из зрительниц из Комсомольского муниципального округа оставила такой видеотзыв о квартирнике: «...такой уютный, как будто ты действительно находишься в чей-то квартире и слушаешь рассказы из уст самого Андрияна Григорьевича Николаева»⁸.

В отдельную группу можно отнести детский репертуар театра. Детские спектакли в ЧГАДТ обычно ставятся ближе к Новому году и в основном проходят на русском языке. Для самых маленьких зрителей была поставлена новогодняя сказка «В поисках Большой Медведицы» по рассказу Холли Вебб «Покатай меня, медведица» (режиссер Алексей Герасимов). Инсценировку к пьесе написал главный режиссер театра Дмитрий Миронов.

В сказке поднимается множество вопросов — и взросления подростков (преодоления страхов перед препятствиями), и проблема бездомных животных, и межэтнического общения. Главным героем сказки является 12-летняя девочка по имени Сара (Светлана Лукиянова, Елизавета Казначеева). Она живет на маяке вместе со своим дедушкой (Николай Сергеев, Николай Котеев), сильно скучает по родителям и очень надеется увидеться с ними на Рождество, но из-за схода снежной лавины встреча могла не состояться. Рядом с маяком, где она живет со своим дедушкой, плавают киты, образы и звуки которых всплывают в самом начале спектакля с помощью видеопроекции. Благодаря хорошей работе светотехники и видеопроекции, можно видеть, как будто идет снег, а вечером снега и льдины окрашиваются в розоватый цвет, как описывалось в самом рассказе Х. Вебб.

В сказке показано, как Сара попадает через сон в мир детства своего дедушки. Во сне она увидела потерянного белого медвежонка Пакки (Кристина Иванова) и стала заботиться о нем. Несмотря на грозившую ей опасность, Сара решает найти для Пакки медведицу и отправляется в путешествие по Арктике. Во время пути Сара с медвежонком упали в расщелину в льдине. Несмотря на то, что для эскимосов Сара — чужая, мальчик-эскимос Алайнак (Александр Игнатьев) вытащил Сару вместе с медвежонком из расщелины, защитил их от нападения волков. Волки (Сергей Иванов, Алексей Степанов, Арсентий Димитриев, Александр Демидов, Петр Садовников, Василий Иванов) изображены в спектакле, с одной стороны, очень зловещими, со сверкающими из темноты красными глазами. С другой стороны, они очень смешные. Их диалоги вызы-

⁸ Видео от Чувашский академический драматический театр // Чувашский академический драматический театр: официальная группа в соцсети «ВКонтакте». URL: https://vk.com/dramteatr21?from=groups&z=video-96482380_456239844%2Fb1bc6637625d301b07%2Fpl_post_-96482380_6725 (дата обращения: 16.12.2025).

вают искренний смех у зрителей. Алайнак привез Сару с медвежонком к себе домой, чтобы обогреть и накормить.

Примечателен образ бабушки-эскимоски (Александра Зайцева, Василиса Петрова). Она считает обязанностью любой старой бабушки ругать, любя, непослушного внука. К Саре у нее почтительное отношение. Она восприняла ее как посланца из другого мира, тем более после того как узнала, что Сара умеет разговаривать с животными на так называемом «языке птиц». Бабушка убедила Сару исполнить миссию по приведению маленького медвежонка к Нанук — матери всех белых медведей, чтобы север не погиб окончательно. Многих зрителей сильно впечатляет предстающий в конце спектакля огромный вид Нанук — большой медведицы.

Дмитрий Миронов так прокомментировал содержание инсценировки: «Девочка очень хочет объединиться со своими родителями. Их давно не было, они давно не приезжали... Девочка совершает поиск мамы. Это такое примирение, наверное, потому что она же в начале недовольна, что по книге, что по инсценировке... Она деда обвиняет... Она начинает обвинять весь мир, что все это не получается (встретиться с родителями на Рождество. — А. З.)... То есть это даже в какой-то степени взросление, что она понимает, что не всегда в жизни все бывает так (как ей хочется. — А. З.), и она этот внутренний путь совершает — это путь примирения, потому что она оказывается, когда попадает на север, как раз в роли мамы этого медвежонка. И она оказывается заложницей этих же условий и препятствий, и преград, и поэтому я эти вещи немножко усиливаю, что мишка то же самое начинает кричать ей: “Ты мне обещала, что мы найдем маму”, как она кричала на дедушку. Вот эти вещи я закливаю немножко, и вот как раз через эти вещи девочка проходит и взрослеет что ли, примиряется»⁹.

На республиканском конкурсе «Узорчатый занавес» в 2025 г. спектакль «В поисках Большой Медведицы» был признан лучшим детским спектаклем. Специальным дипломом жюри «За яркий дебют» была отмечена Елизавета Казначеева за исполнение роли Сары.

Проблеме взросления посвящен и другой спектакль ЧГАДТ на русском языке — «Василисса» Марии Малухиной (режиссер-постановщик Елена Савельева, художник Мария Шуплецова). Василисса (Светлана Лукиянова, Елизавета Казначеева) обладает качествами ворожейки, потому что является дочерью волшебного змея — Василиска, брата лесного царя Берендея (Валерий Карпов, Николай Сергеев), о чем она узнает от самого Берендея в конце спектакля.

Как и все подростки, Василисса ищет острых ощущений, новых ярких эмоций и сильно возмущается, когда ее называют «маленькой девочкой». Ее как магнитом тянет в лес, где она сталкивается с Болибошкой (Кристина Иванова). Благодаря своим магическим способностям Василисса превращает его в камень. Лес в спектакле условно состоит из металлических труб и разбросанных по разным местам автомобильных покрышек. Видимо, для режиссера и для художника-постановщика лес — это урбанизированное пространство.

В Василиссе очень развита самостоятельность и желание помочь близким. Чтобы избавить своих родителей (в действительности, как мы уже заметили, не-

⁹ Подкаст «Чайник». Эпизод 28 декабря 2024. Специальный гость — Дмитрий Миронов. URL: https://vk.com/podcast-228724576_456239019?z=podcast-228724576_456239019 (дата обращения: 14.12.2025).

подлинных родителей) от уплаты дани Берендею, она снова отправляется в лес, хотя после встречи с Болибошкой прекрасно понимает, что ей может грозить опасность. Мария Малухина так прокомментировала содержание своей пьесы: [Василисса] «<...> отправляется в темный лес, как она думает, чтобы спасти родителей, а на самом деле на поиски себя <...> и на поиски “своих”, то есть некой общности и принадлежности и своего места в мире»¹⁰. В беседе с нами режиссер А. Савельева сообщила, что, по ее мнению, в желании Василиссы отправиться одной в лес играли роль «подростковый бунт и сепарация, любопытство и жажда жизни, и поиска ответов...». В постмодернистском духе режиссер считает, что каждый зритель по-своему интерпретирует содержание спектакля. Тут не нужно закладывать строгую дидактику. Режиссер убежден, что «вообще мало значения имеет, что там хотел сказать автор... а живет спектакль только через зрителя. Что он увидел — то и есть. Это же зависит от контекста жизни, поэтому мы как будто в творчестве с чем-то большим имеем дело, чем с прямой передачей собственной трактовки, ощущений, а тем паче назидания». По мысли режиссера, «может, и спектакль-то про преодоление границы и табуированности нефизического мира в физическом, а может, про подростковую сепарацию и первую любовь».

В лесу Василисса находит «своего» в лице Белояра (Александр Игнатьев, Григорий Петров) — «волколака» (человеко-волка), который пытается защитить Василиссу от подстерегающих ее опасностей, и очень скоро они становятся друзьями. Белояр привязывается к Василиссе и не хочет с ней расставаться. На наш взгляд, Белояр оказался слишком человеческим. В спектакле почти совсем не проявилась его принадлежность к «нечисти».

На пути к логову Берендея Василисса вступает в конфликт с различными представителями «нечисти», договориться с которыми не всегда получается, так как они сильно ненавидят людей. Можно отметить неплохую игру различных представителей «нечисти» — Летавца (Алексей Герасимов), Полуденницы (Надежда Кузьмина) со множеством рожек на голове напоминающей Медузу Горгону.

От одной сцены к другой напряженность в спектакле возрастает. Связку между сценами обеспечивают удачные музыкальные аранжировки, подготовленные композитором Дмитрием Бедуновым. Спектакль в целом получился очень музыкальным, поскольку музыке режиссер придает большое значение и складывает образы через нее.

Спектакль стремительно развивается до момента прихода Василиссы к Берендею, где последовательно проводившаяся на всем протяжении спектакля динамичная линия нарушается и резко замедляется. Выяснение отношений крестьян с Берендеем, разговоры с ним оказываются затянутыми. Когда между народом, родителями и Берендеем идет обсуждение судьбы Василиссы, последняя не отстаивает свои взгляды, а остается безмолвным наблюдателем того, как решается ее судьба. Этот момент спектакля вызывает недоумение. На наш взгляд, тут имеются некоторые недоработки, потому что подростки в возрасте Василиссы обычно действуют в бунтарском духе, стремятся к самостоятельности. Режиссер объясняет отрешенность Василиссы в этом моменте спектакля шоком

¹⁰ Мария Малухина. Лекция «Современная драматургия для / о подростках». URL: https://vkvideo.ru/video-20719192_456239374 (дата обращения: 25.10.2025).

от новости, что она не человек: «Как будто в этот момент она отключается от внешнего конфликта и обращается к внутреннему. Ну и вполне себе принимает решение». В конце концов Берендей разрешает Василиссе и жить среди людей, и посещать лес.

Рассматриваемая постановка была в некоторой степени экспериментальной для ЧГАДТ. Режиссер-постановщик признавался, что «Василисса» «выбивается из канвы спектаклей этого театра и где-то может быть этим сложна для восприятия». Участник спектакля, народный артист Чувашии Г. Медведев, отмечал, что впервые в ЧГАДТ была поставлена мистическая сказка в такой форме: «Для детей и родителей такого спектакля еще ни разу не было... Работали по новым методам. И режиссура, и декорации совершенно иные»¹¹. В сценографическом оформлении спектакля заметен минимализм. В колористической гамме преобладают красные, черные и белые тона. Вообще в оформлении у художника-постановщика Марии Шуплецовой заметно влияние работ американского режиссера и сценографа Р. Уилсона. В спектакле использовались игры света и тени, приемы «театра теней».

Примечательно, что первоначально у режиссера А. Савельевой была идея переложить персонажей пьесы М. Малухиной на тюркскую мифологию, поменять их имена, внешний вид, да и сам спектакль должен был быть на чувашском языке, но потом театр передумал. По словам режиссера, «когда пришлось быстро переделывать концепцию с чувашской версией, лаконичные и не привязанные к национальному колориту формы показались уместными». По словам директора ЧГАДТ Е. В. Николаевой, спектакль «пришлось ставить на русском языке из-за недостатка времени»¹².

По нашим наблюдениям, дети, пришедшие на один из спектаклей на русском языке, между собой общались на чувашском языке. Однако ЧГАДТ не отказывается совсем от детских пьес на чувашском языке. В 109-м сезоне на Новый год в театре планируется поставить на чувашском языке чувашские народные сказки.

Заключение

Обозревая сезон ЧГАДТ, можно сделать вывод, что он прошел достаточно успешно. Визуально очень насыщенные, эффектные спектакли театра были поставлены на высоком художественном уровне. К примеру, «Василисса», «Куйгорож», «В поисках Большой Медведицы» выглядят очень привлекательно и современно, хотя оформлены не в местной, а в западной эстетике.

Из семи премьерных спектаклей только три были на чувашском языке, а четыре — на русском. Их жанровый состав не очень разнообразен: мелодрама, музыкальная комедия, мистическая комедия, драма, сказка. Среди премьерных постановок нет исторических драм, поскольку пьесы этого жанра активно ставятся на сцене театра. В репертуаре театра сохраняются классические произведения национальной драматургии: «Ялта» Ф. Павлова, «Ёмёр сакки сарлака» Н. Мраньки, «Вёри юнлă семсе чун» И. Максимова-Кошкинского и др. Показ этих спектаклей тоже является традицией ЧГАДТ. Во время сезона приходилось неоднократно наблюдать, как комедии пользовались большей популярностью у зрителя, чем серьезные драмы. Видимо, в наше напряженное время зрителя больше тянет развлечься, расслабиться. Однако совершенно ясно, что посещае-

¹¹ Шухăш // Хыпар. 2024. Юпа, 22. № 119 (28295). С. 2.

¹² Богадерова В. Театр тѣнчи питѣ интереслѣ // Хыпар. 2024. Раштав, 6. № 135 (28311). С. 7.

мость, количество аншлагов вовсе не является критерием качества того или иного спектакля и свидетельством его высокого художественного уровня. Что же может быть критерием? Возможно, потрясение, которое зритель переживает после спектакля.

Не все премьерные спектакли в 107-м сезоне касались вопросов укрепления чувашской национальной идентичности. Касались этой темы «Симёк касё» и лишь в небольшой степени — «Салампи».

В репертуаре ЧГАДТ очень мало спектаклей о молодежи и для молодежи. Могут справедливо возразить, что ЧГАДТ — не ТЮЗ, и он не обязан ставить спектакли для молодежи. Но, если ЧГАДТ хочет привлечь к себе новых молодых зрителей, ему следует попробовать это сделать за счет молодежных постановок. Для этого у него есть все возможности: и молодые талантливые артисты в составе труппы, и молодой главный режиссер, понимающий современность и знающий, что интересно нынешней молодежи. Что же касается репертуара для зрителей среднего и более старшего возрастов, то для них, как нам кажется, не хватает спектаклей, которыми театр славился в начале 1990-х гг. — многослойных, сложных по содержанию и эстетике, созданных на фундаменте чувашского народного мировоззрения.

В своей основе ЧГАДТ продолжает оставаться достаточно консервативным, традиционным академическим учреждением, верным традициям психологического реалистического театра. Нельзя сказать, что ЧГАДТ прибегал в 107-м сезоне к радикальным экспериментам. Директор ЧГАДТ и новый главный режиссер убеждены, что их театр должен меняться, но меняться постепенно, мелкими шажками, без резких движений. Директор ЧГАДТ Е. В. Николаева видит проблему в том, что средний возраст зрителя — «за 50 лет»¹³. Переломить ситуацию, по ее мнению, может привлечение молодых режиссеров, которые будут ставить по-новому, «по-молодежному».

Конечно, общество потребления привносит в ЧГАДТ свои понятия и стандарты, но, на наш взгляд, следует тщательно фильтровать исходящие от общества веянья, не следовать у них на поводу, чтобы не превратиться в учреждение, формирующее низкий художественный вкус. Очень хочется, чтобы театр обращался к современным проблемам чувашского народа, даже если эта тема кажется болезненной и неприятной. Совершенно очевидно, что в современном чувашском обществе имеются определенные нравственные проблемы, которые можно назвать «язвами общества». Театру нужно набраться смелости прямо и решительно указывать на них, не обходя их молчанием. Конечно, тут большую роль могут сыграть драматурги, которых, к сожалению, в настоящее время очень мало. Нужно обладать большим даром поэтического обобщения действительности, чтобы показать современность. Что происходит с современной чувашской душой, что ее мучает, какой внутренний конфликт она переживает и к чему стремится? Данные вопросы еще ждут своего разрешения на чувашской сцене.

¹³ Елена Николаева: про чувашский драмтеатр, ТЮЗ Сеспеля, фестиваль «Чёкеç», Ассоциацию национальных театров России и молодежь // Подкаст «Ан та кала!». URL: https://vkvideo.ru/playlist/-219584113_1/video-219584113_456239068?linked=1&t=46m34s (дата обращения: 14.12.2025).

Статья поступила в редакцию 02.02.2026;
одобрена после рецензирования 12.05.2026; принята к публикации 25.05.2026

Информация об авторе:

Зарубин Андрей Николаевич, заведующий сектором
новой и новейшей истории Чувашского национального музея
(428015, Россия, г. Чебоксары, Красная площадь, 5/2),
кандидат исторических наук,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-9086-8186>, a_zarubin85@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 02.02.2026;
approved after reviewing 12.05.2026; accepted for publication 25.05.2026

Information about the author:

Andrey N. Zarubin, Head of the Sector
of Modern and Contemporary History, Chuvash National Museum
(5/2, Red Square, Cheboksary, 428015, Russia),
Candidate of Historical Sciences,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-9086-8186>, a_zarubin85@mail.ru

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 02.02.2026 ситнӗ;
рецензиленӗ хысӗн 12.05.2026 ырланӗ; 25.05.2026 пичете йышӑннӗ

Автор сӑнчен:

Зарубин Андрей Николаевич, Чӑваш наци музейӗн
сӗнӗ тата хальхи истори секторӗн пуҫлӑхӗ
(428015, Раҫсей, Шупашкар хули, Хӗрлӗ тӑрӑм, 5/2),
истори ӑслӑлӑхӗсен кандидачӗ,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-9086-8186>, a_zarubin85@mail.ru

Пайталӑх конфликтчӗ: автор пайталӑх конфликтчӗ суккине пӗлтерет.

Автор ал ҫырайӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS / РЕЦЕНЗИСЕМ

Рец. на: Кондратьев М. Г. Кёсле — музыкальный инструмент чувашского народа в истории и современной культуре : иллюстрированная монография. — Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2025. — 144 с., ил.

Ю. В. Васильев,
независимый исследователь,
народный артист Российской Федерации,
г. Чебоксары, Россия
yurwas1946@yandex.ru

The review on: Kondratiev M. G. Kësle — a musical instrument of the Chuvash people in history and modern culture : an illustrated monograph. — Cheboksary : Chuvash Book Publishing House, 2025. — 144 p., illus.

Yu. V. Vasiliev,
Independent researcher,
People's Artist of Russia,
Cheboksary, Russia
yurwas1946@yandex.ru

Рец.: Кондратьев М. Г. Кёсле — чăваш халăх историйĕнчи тата хальхи культу-ринчи музыка инструменчĕ : иллюстрациленĕ монографи. — Шупашкар : Чăваш кĕн. изд-ви, 2025. — 144 с., ил.

Ю. В. Васильев,
ирĕклĕ тĕпчевсĕ,
Раçсей Федерацийĕн халăх артисчĕ,
Шупашкар хули, Раçсей
yurwas1946@yandex.ru

© Васильев Ю. В., 2026

Монография доктора искусствоведения М. Г. Кондратьева «Кёсле — музыкальный инструмент чувашского народа в истории и современной культуре» [1] посвящена народному музыкальному инструменту — гуслиам. Широко распространенный в прошлом, инструмент утратил в XX в. свою былую популярность, стал достоянием лишь небольшой группы любителей-энтузиастов. Однако гусли по своим музыкальным возможностям представляют большую ценность — оригинальный тембр, доступность игры на инструменте позволяют широко использовать его как в оркестрах народных инструментов, так и сольно, и ансамблево.

Почему М. Г. Кондратьев сосредоточился на этом инструменте? Мне кажется, что после фундаментальных исследований развития чувашской народной музыки, он увидел, что именно этот инструмент, наряду с песней, был спутником духовной жизни народа. Конечно, сейчас существует несколько гипотез происхождения гуслей, — и все (как бы официальные труды) указывают на русский источник. Однако М. Г. Кондратьев, изучив огромное количество литературы, указывает и на другие пути появления гуслей у чувашей. Великое переселение народов (протоболгар) в V в. несло с собой не только предметы материальной культуры, но и артефакты их духовной жизни, в том числе и музыкальные инструменты. В дальнейшем болгары разделились — одни перебрались за Дунай, а другие поднялись по Волге на север. Это дало возможность данному инструменту появиться и у славян (то есть у русских), и у народов Поволжья. У русских гусли стали необходимым инструментом скоморохов, и после запрета их деятельности (фактически професси-

оналов) инструмент был запрещен и сохранился только в отдельных местах (автор указывает карту сосредоточения или расселения скоморохов). Мне кажется, что скоморохи никак не могли заселиться на чувашских землях и в чувашских деревнях.

Как утверждают многие исследователи, у волжских булгар имелся свой струнный инструмент — тунбур — разновидность семейства струнных. Автор «Казанской истории» упоминает, что у казанцев «гусли своя», то есть похожие, но он не знал названия инструмента. Со временем у чувашей, вероятно, этот инструмент приобретает свой законченный вид (то есть шлемовидный), и его начинают называть чувашскими гуслиями. А вот как чувашские гусли (и у других народов Поволжья) обрели свое название *кёсле* — эта проблема достаточно широко анализируется автором монографии. М. Г. Кондратьев разбирает несколько гипотез, но мне кажется, что этимологическое объяснение неубедительно — оно идет от русских исследователей, хотя звучание слова «гусли» похоже на *кёсле*.

Касаясь самого инструмента, М. Г. Кондратьев очень широко и объемно анализирует его историческую жизнь у чувашей (в сравнении с другими соседями), музыкальные возможности гуслей и его предшественников, много и детально изучает так называемые «чувашские гусли» — их музыкальные и акустические данные, их конструкцию, описывая все детали. Автор уделяет особое внимание изготовлению гуслей, исполнительству в современной жизни чувашей, а также проблемам улучшения и обогащения технических возможностей самого инструмента и игры на нем. Много вопросов возникает и по репертуару для гуслей и ансамблей, а также по обучению и воспитанию нового поколения гусяров.

Монография хорошо структурирована — начиная со времени появления щипковых струнных инструментов (глава 1), касаясь проблем изучения появления гуслей России через этимологию слова (глава 2), анализируя альтернативные гипотезы о появлении и развитии гуслей (глава 3), изучая состояние искусства чувашских гуслей в конце XIX — начале XX в. (глава 4), подробно описывая конструкцию инструмента (глава 5), до современных проблем самого инструмента и исполнительства (глава 6).

Как всегда, автор в своих гипотезах и заключениях опирается на большое количество литературы (хочу особо отметить интересные и оригинальные в своих утверждениях работы Ф. П. Павлова, Н. М. Нигметзянова, Р. Б. Галайской) по данной тематике. Поражает иконописный раздел книги — в работе использовано большое количество уникальных фотоиллюстраций и рисунков. Книга фактически является энциклопедией по гуслиям, особенно по так называемым «чувашским».

Монография «Кёсле — музыкальный инструмент чувашского народа в истории и современной культуре» М. Г. Кондратьева является настоящим научным трудом и послужит подлинному возрождению как изготовления инструментов, так и исполнительства на гуслиях, организации ансамблей гусяров, более активному использованию гуслей в оркестрах народных инструментов, привлечению чувашских композиторов к сочинению оригинальных произведений и аранжировок народных мелодий, в итоге — более широкому внедрению чувашских народных инструментов в реальную концертную жизнь нашей республики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кондратьев М. Г. Кёсле — музыкальный инструмент чувашского народа в истории и современной культуре : иллюстрированная монография. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2025. 144 с., ил.

REFERENCES

1. Kondratiev M. G. Kësle — a musical instrument of the Chuvash people in history and modern culture: an illustrated monograph. Cheboksary;2025:144. (In Russ.)

Рецензия поступила в редакцию 07.04.2026, принята к публикации 07.09.2026;
the reviewed was submitted 07.04.2026, accepted for publication 07.09.2026;
рецензи редакцие 07.04.2026 ситнĕ, пичетлеме 07.09.2026 йышăннă.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи;
the author has read and approver the final version of the manuscript;
автор ал сыравăн юлашки вариантне вуласа тухнă тата ырланă.

ПЕРСОНАЛИИ / PERSONALITIES / ПЕРСОНАЛИСЕМ

ИСТОРИК, АРХЕОГРАФ, НАСТАВНИК

(к 75-летию В. Д. Кочеткова)

HISTORIAN, ARCHEOGRAPHER, MENTOR

(on the 75th anniversary of V. D. Kochetkov)

ИСТОРИК, АРХЕОГРАФ, ВЁРЕНТЎСЁ

(В. Д. Кочетков 75 сӹл тултарнӹ май)

8 августа 2026 г. 75-летний юбилей отметил кандидат исторических наук Валерий Дмитриевич Кочетков. Его разносторонний творческий путь историка начался в 1968 г., когда после окончания средней школы он определился с выбором будущей профессии и поступил на историко-филологический факультет недавно открывшегося Чувашского государственного университета. Молодому студенту читали лекции маститые доктора исторических наук и профессора В. Ф. Каховский, П. В. Денисов, В. Д. Димитриев, которые учили азам работы с археологическими находками, историческими и этнографическими источниками, прививали любовь к истории Отечества.

Целеустремленность и любознательность Валерия Кочеткова не остались незамеченными. После службы в армии его приняли на работу в отдел истории Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР. Молодой научный сотрудник активно стал публиковать статьи, выступать на различных конференциях, вести общественную деятельность в коллективе института. В 1978 г. Валерий Дмитриевич издает краткий исторический очерк города Алатыря. Данная монография сыграла важную роль — стала первой ласточкой из череды его очерков по истории городов и населенных пунктов Чувашии, посвященных Цивильску (1987), Являем (2017), Кувакино (2020), Алатырю (2012; 2015; 2025) и др.

В 1981 г. В. Д. Кочетков при поддержке профессора П. В. Денисова и коллег-историков успешно защитил кандидатскую диссертацию «Изучение истории Чувашии в дореволюционной России». С этого времени у него возник особый интерес к истории Чувашского края XVII — XVIII вв. В первую очередь следует сказать о его большом вкладе в изучение дореволюционной истории церквей и монастырей. Стараниями историка-археографа увидели свет очерки собора Рождества Пресвятой Богородицы г. Алатыря и Алатырского Киево-Николаевского новодевичьего монастыря, сборники документов по Алатырской и Чебоксарской мужской, Алатырской женской обителям¹. Другая излюбленная тема историка — воеводское управление в Российском государстве и связанные с ним актуальные вопросы: города-крепости, восстания под предводительством С. Т. Разина и Е. И. Пугачева, персоналии о воеводах и т. д.² Наряду с масштабными исследованиями,

¹ Собор Рождества Пресвятой Богородицы г. Алатырь: очерки истории. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2017. 255 с.; Велено устроить на Олаторе... Алатырский Киево-Николаевский новодевичий монастырь: очерки истории, документы / сост. и отв. ред. В. Д. Кочетков. Чебоксары: Новое Время, 2023. 334 с.; Алатырский Троицкий мужской монастырь. Документы 1612 — 1703 годов / сост. В. Д. Кочетков, А. А. Чибис. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2013. 512 с.; Чебоксарский Троицкий монастырь в XVIII веке: исследования и документы / сост. Д. В. Басманцев, Ю. В. Гусаров, В. Д. Кочетков и др. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. 175 с.; Алатырский Троицкий мужской монастырь. 1705 — 1765 гг. Документы и материалы с приложением «офицерских» описей / сост. Н. П. Головченко, о. Корнилий (Уланов), В. Д. Кочетков и др. Чебоксары: Новое Время, 2021. 382 с.; Чебоксарский Троицкий мужской монастырь. Документы XVII — начала XX века / сост. В. Д. Кочетков, Ю. В. Гусаров, Д. В. Басманцев. Чебоксары: Новое Время, 2026. 488 с.

² Алатырские воеводы. 1554/55 — 1779 гг.: биографический справочник. Чебоксары: Новое Время, 2020. 296 с.; Крепости городов Поволжья и Приуралья в конце XVII — начале XVIII века / сост. В. Д. Кочетков, М. В. Хацкевич, А. А. Чибис. Чебоксары: Новое Время, 2022. 204 с.; Воеводы, приказчики городов, засечных черт и дворцовых вотчин Русского государства 1693 — 1703 гг.: справочник / сост., авт. предисл. В. Д. Кочетков. Чебоксары: Новое Время, 2023. 392 с.

Валерию Дмитриевичу принадлежат научные изыскания о жизни и деятельности изографа Ф. Юрьева и воина Отечественной войны 1812 г. П. А. Кикина, родах Анны Ахматовой и Пазухиных, героях и тружениках Великой Отечественной войны.

Еще одна «слабость» В. Д. Кочеткова — история Алатыря и его округи. Львиная доля книг посвящена алатырцам и их любимому городу. При его участии ежегодно выходит в свет историко-краеведческий альманах «Алатырь», основана серия «Имя тебе Алатырь. Страницы истории». Он всегда находится в гуще историко-культурных событий Алатыря. В 2016 г. решением Собрания депутатов г. Алатыря ему присвоено звание «Почетный гражданин города Алатыря Чувашской Республики».

Валерия Дмитриевича отличает не только высокий профессионализм исследователя, но и его неравнодушное отношение к новому поколению историков. Его отзывчивость и стремление всегда оказать помощь, умение привлекать к различным исследовательским проектам находят отклик у молодых коллег по цеху. Для них и лично для меня В. Д. Кочетков — наставник, который своими советами, порой делясь архивными документами и книгами, принимает активное участие в создании научных трудов по актуальным темам Средневековой истории Волго-Сурского региона. С 2015 г. по сегодняшний день мы с Валерием Дмитриевичем совместно издаем научные статьи и готовим к печати сборники документов. У неутомимого историка планы расписаны на несколько лет вперед и любителей истории дореволюционной Чувашии несомненно ждут очередные книжные новинки. Для реализации задуманного пожелаем юбиляру крепкого здоровья и дальнейших творческих успехов!

Д. В. БАСМАНЦЕВ,
ученый секретарь ЧГИГН

Основные труды В. Д. Кочеткова

- Алатырь: Краткий исторический очерк. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1978. 200 с.
Цивильск: Исторический очерк. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. 160 с. (в соавт.).
Город-крепость на Суре: Очерки истории г. Алатыря и уезда в XVI — XVII вв. Чебоксары: ИП В. Г. Суворов, 2012. 284 с.
Город-крепость на Суре: Очерки истории города Алатыря и уезда в XVIII в. Чебоксары: Грей, 2015. 412 с.
Явлей: Очерки истории села. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2017. 384 с. (в соавт.).
Церковный благовест 1767 года: Екатерина Великая в Алатыре. Алатырь, 2017. 80 с.
Трудом и молитвой. Алатырский Троицкий мужской монастырь: очерки и документы. Чебоксары: Новое Время, 2019. 200 с. (в соавт.).
Кувакино: Очерки истории села. Чебоксары: Новое Время, 2020. 320 с. (в соавт.).
Чтобы помнили... Книга о героях Великой Отечественной войны Алатырского края. Чебоксары: Новое Время, 2020. 208 с. (в соавт.).
Город-крепость на Суре: Очерки истории города Алатыря и уезда в 1552 — 1780 годах. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2025. 480 с.

**УЧЕНЫЙ-СОЦИОЛОГ, ОРГАНИЗАТОР НАУКИ,
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ
(к 70-летию П. С. Краснова)**
**SOCIOLOGIST, SCIENCE ADMINISTRATOR, POLITICAL FIGURE
(on the 70th anniversary of P. S. Krasnov)**
**УЧЕНАЙ СОЦИОЛОГ, АСЛАЛӀХ ЙӀРКЕЛӀСИ,
ПОЛИТИКА ДЕЯТЕЛӀ
(П. С. Краснов 70 сул тултарнӀ май)**

10 июля 2026 г. исполнилось 70 лет известному государственному и политическому деятелю Чувашской Республики, организатору науки, ученому-социологу, кандидату философских наук Петру Степановичу Краснову.

П. С. Краснов родился в д. Малые Кошелеи Комсомольского района. После окончания средней школы в с. Комсомольское (1973) поступил на физико-математический факультет Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова, который успешно окончил в 1978 г., получив специальность «физика». Был учителем в Рябовской сельской школе Чернушкинского района Пермской области. Через год вернулся в Чувашию и в 1979 — 1982 гг. работал на Чебоксарском заводе промышленных тракторов инженером-математиком, социологом. Прикоснувшись к практике социологической работы, он понял, что ему не хватает знаний для квалифицированной деятельности по этому направлению. Отметим, что в это время в СССР социологов в вузах не готовили, в номенклатуре специальностей, которые получали выпускники, такого названия не было. В то же время активно работал Институт социологических исследований АН СССР, но это было научное учреждение, в котором плодотворно разрабатывались проблемы социологии. Аспиранты и соискатели, защищавшие диссертации, получали ученые степени кандидатов философских или экономических, но не социологических наук. П. С. Краснов, став в 1982 г. аспирантом очного отделения данного института, провел в Чувашии эмпирическое исследование и накопил материалы, раскрывающие образ жизни рабочей молодежи, после защиты диссертации ему была присвоена ученая степень кандидата философских наук. В 1985 — 1991 гг. работал старшим научным сотрудником в НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук). Из-под его пера здесь вышел цикл статей, посвященный трудящейся молодежи, роли человеческого фактора на производстве и т. д.

В середине 1980-х гг. в истории страны начался период, который носит имя, ставшее практически нарицательным — перестройка. Это время поиска новых путей в экономике, политике, социальной жизни. Оно было насыщено дискуссиями, горячими спорами, решениями, о которых сегодня говорят или с негодованием, или же считают неизбежными. В этот период у П. С. Краснова проявился талант публициста, политического деятеля. Он активно выступает в печати, пишет о важности демократизации, новых взглядов на национальную политику, на политическое устройство нашей страны. Его усилия на этом поприще отмечены в 1994 г. избранием в Союз журналистов России. Он не забывает и о важности социологии. Вместе с Ф. И. Шарковым в 1989 г. выпустил книгу «Беседы с начинающим социологом» (Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. 120 с.), ставшую первым в стране изданием, в котором популярно объяснялись возможности социологии, методология и методика проведения опросов населения, важность таких материалов для анализа жизни нашего общества. Одновременно начинается жизнь П. С. Краснова как политика. В 1990 г. он в конкурентной борьбе выиграл выборы и стал депутатом Верховного Совета Чувашской АССР. Коллеги доверили ему пост председателя Комиссии Верховного Совета Чувашской ССР по средствам массовой информации, связям с общественными организациями и движениями граждан, изучению общественного мнения, который он возглавлял в течение двух лет (1991 — 1993). С 1993 г. П. С. Краснов начинает реализовывать себя в органах испол-

нительной власти Чувашии, занимая должность заместителя министра культуры и межнациональных отношений (1993 — 1994), министра информации и печати, руководителя Администрации Президента Чувашской Республики, заместителя Председателя Кабинета министров — Руководителя Администрации Президента Чувашской Республики (1996 — 2000). Находясь на этих руководящих постах республиканского масштаба, П. С. Краснов понял, что ему необходимы более глубокие знания по экономике, и в 1997 г. он получил второе высшее образование — окончил экономический факультет Санкт-Петербургского государственного технического университета по специальности «Экономика и управление на предприятии».

В 2001 — 2002 гг. последовал небольшой перерыв на партийной работе, когда Петр Степанович был председателем политического совета Чувашской региональной организации «Общероссийское политическое общественное объединение “Партия Единство”». В 2002 — 2007 гг. П. С. Краснов — во главе Министерства социальной политики, Министерства культуры, по делам национальностей, информационной политики и архивного дела, одновременно в 2004 — 2005 гг. — Руководитель Администрации Президента Чувашской Республики. В 2007 г. отстаивание собственной точки зрения привело к отставке П. С. Краснова и только в 2010 г. последовало его назначение заместителем руководителя Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Чувашской Республике, который он занимал до 2011 г. В этом же году он избирается депутатом Государственного Совета Чувашской Республики и занимает должность председателя Комитета по социальной политике и национальным вопросам (2011 — 2016).

В декабре 2016 г. Петр Степанович Краснов возвращается в родные пенаты уже в качестве директора Чувашского государственного института гуманитарных наук. В то же время он не оставляет политическое поле как место своей деятельности: в 2016 и 2021 гг. он вновь становится депутатом Государственного Совета. С февраля 2024 г. концентрируется на научной работе, занимая должность ведущего научного сотрудника исторического направления института. В фокусе его исследовательского интереса — политические и этнокультурные процессы в Чувашии в конце 1980-х гг. — первом десятилетии XXI в.

Деятельность П. С. Краснова как политического и государственного деятеля отмечена многими наградами, перечисление которых невозможно из-за ограниченных объемов данного текста. Среди них — медали, благодарности, почетные грамоты за вклад в развитие парламентаризма, культуры, спорта, проведение переписей населения и т. д. Нельзя не отметить и уважение земляков юбиляра, которые присвоили ему звание «Почетный гражданин Комсомольского района» (2021).

И. И. БОЙКО,
главный научный сотрудник ЧГИГН

Основные труды П. С. Краснова

Проблемы организации быта трудящейся молодежи // Социально-экономические проблемы использования трудовых ресурсов: сборник статей / ред. В. Н. Виктор, В. А. Алексеев. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1986. С. 46 — 51.

Образ жизни рабочего общежития // Социологические методы изучения образа жизни: сборник статей / АН СССР, Ин-т социол. исслед., Сов. социол. ассоц.; [отв. ред. И. Т. Левыкин, Э. П. Андреев]. Москва: ИСИ, 1985. С. 64 — 78.

Гласность, критика и самокритика — факторы обновления социализма // Демократизация — суть перестройки советского общества: методическое пособие / под общ. ред. Г. А. Яковлева. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ОК КПСС, 1989. С. 75 — 81.

Беседы с начинающим социологом. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. 120 с. (Социология и жизнь) (в соавт.).

Некоторые социальные аспекты выборов народных депутатов СССР и ЧАССР // Социально-экономические проблемы образа жизни советских людей: сборник статей / ред. В. Н. Виктор. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1990. С. 124 — 135.

К вопросу о структуре форм самоопределения наций // КПСС — организатор создания и развития советской национальной государственности, экономики, культуры и совершенствования национальных отношений в автономных республиках Поволжья и Приуралья: тезисы докладов и сообщений региональной научной конференции / отв. ред. М. В. Румянцев. Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 1990. С. 31 — 33.

Правовые и организационные основы демократизации общества в Чувашии // Государственный Совет Чувашской Республики в системе органов государственной власти, его роль в социально-экономическом развитии республики / Гос. Совет ЧР; сост. А. И. Ухтияров, Л. Г. Яргунина. Чебоксары, 2004. С. 50 — 54.

Власть слова: анализ, полемика, прогноз: сборник статей, очерков, интервью. Чебоксары: Союз журналистов Чувашии, 2006. 263 с.

Перестройка 80-х годов XX века: осознанная необходимость или амбиции молодого руководителя? // Российское сельское сообщество в эпоху перемен: социально-экономический и социокультурный аспекты: материалы X Всероссийской (XVIII региональной) научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (Чебоксары, 16 — 18 октября 2024 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2025. С. 314 — 325.

О «национализме» в Чувашии 1990-х годов и несбывшихся прогнозах политолога // Славяно-тюркский мир: история и современность: материалы II Международной научно-практической конференции, приуроченной к 105-летию создания национальных автономий в РСФСР и 100-летию Чувашской АССР (Чебоксары, 25 — 27 июня 2025 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2025. С. 437 — 447.

Общественно-политическая история Чувашии (1985 — 2000): к историографии проблемы // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 3. С. 39 — 57.

**ИСТОРИК, ВЕРНЫЙ СВОЕМУ ДЕЛУ
(к 70-летию Г. А. Николаева)**

**A HISTORIAN FAITHFUL TO HIS WORK
(on the 70th anniversary of G. A. Nikolaev)**

**ХАЙ ЁСНЕ ПАРАՆՆԱ ІСТОРИК
(Г. А. Николаев 70 сӹл тултарнӹ май)**

28 июня 2026 г. свой 70-летний юбилей отметил Геннадий Алексеевич Николаев — известный чувашский историк, кандидат исторических наук. Его труды получили широкое признание и получили отклик далеко за пределами региона.

Г. А. Николаев родился в д. Ньюшаксы Янтиковского района Чувашской АССР. В 1983 г. он окончил историко-филологический факультет Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова по специальности «История», а в 1989 г. — аспирантуру Института истории СССР АН СССР. Его научным руководителем был крупный исследователь, доктор исторических наук, профессор А. П. Корелин. В 1994 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Многонациональное крестьянство Среднего Поволжья в конце XIX — начале XX века: социально-экономический аспект (по материалам Казанской и Симбирской губерний)». В 2001 — 2004 гг. прошел докторантуру в Чувашском государственном университете им. И. Н. Ульянова.

Свою трудовую деятельность Геннадий Алексеевич начал еще в юности — работал разнорабочим, грузчиком, слесарем на предприятиях Чебоксар, затем проходил службу в Советской армии (1974 — 1976). С сентября 1983 г. его профессиональная деятельность была неразрывно связана с Чувашским государственным институтом гуманитарных наук. Он прошел путь от младшего до ведущего научного сотрудника, в 1993 — 2001 гг. занимал должность заведующего отделом истории, а в 2010 — 2024 гг. — заместителя директора по науке и развитию.

Основные научные интересы Г. А. Николаева первоначально были сосредоточены на истории Чувашии периода Первой мировой войны, но ведущей темой его научных разработок стали история и этнология многонационального крестьянства Среднего Поволжья второй половины XIX — начала XX в. Признанный специалист в области аграрной истории, земельных отношений, социального расслоения деревни и этнографии, он является автором свыше 140 научных работ. Среди них — два монографических труда («Волжское крестьянство во второй половине XIX — начале XX века: этюды по истории и этнологии», «Мир волжской деревни во второй половине XIX — начале XX века»), разделы в фундаментальных коллективных монографиях («Чуваши», «Чуваши: история и культура», «История татар с древнейших времен»), а также многочисленные статьи в «Чувашской энциклопедии» и профильных научных журналах.

Значительный вклад Геннадий Алексеевич внес в развитие источниковедения и археографии. Он подготовил к публикации и издал ряд уникальных материалов: рукописи Л. Н. Гумилева, Т. А. Крюковой, М. Ф. Хван «Китайские письма на чувашской рубашке» (2006), второй том Собрания сочинений Н. В. Никольского (2007), раздел дневников венгерского музыковеда Ласло Викара «На этом и на том берегу Волги: дневниковые записи с краев венгерской прародины» (2007), сборник документов и материалов «Татары-кряшены в зеркале фольклора и этнографических сочинений слушателей кряшенских педагогических курсов (педагогического техникума) (1921 — 1922)» (в соавторстве с Р. Р. Исаковым, 2014).

Геннадий Алексеевич — один из инициаторов создания научного журнала «Чувашский гуманитарный вестник», его ответственный редактор. В должности заместителя директора ЧГИГН по науке и развитию он значительно активизировал исследовательскую деятельность института и поспособствовал расширению его связей с научными центрами страны.

Многолетний плодотворный труд, преданность науке и высокий профессионализм снискали Геннадию Алексеевичу уважение и авторитет среди коллег и научной общности. Его заслуги отмечены рядом наград, в том числе Почетной грамотой Государственного Совета Чувашской Республики (2009), Почетной грамотой Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики (2013). Ему присвоено звание «Заслуженный деятель науки Чувашской Республики» (2016). От всей души поздравляем юбиляра, желаем ему крепкого здоровья, благополучия и новых творческих успехов на благо чувашской исторической науки!

Н. Б. СМЕРНОВА,
научный сотрудник ЧГИГН

Основные труды Г. А. Николаева

Цивильск: исторический очерк. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. 160 с. (в соавт.)

Новое о привлечении к работам на нужды обороны мелкой промышленности Чувашии в годы Первой мировой войны // Проблемы истории промышленности и рабочего класса Чувашии: сборник статей / сост. и отв. ред. И. И. Бойко. Чебоксары, 1988. С. 36 — 50.

Столыпинская аграрная реформа в Чувашии: итоги и задачи изучения // Аграрный сектор экономики Чувашии в XX в.: преобразования, проблемы и перспективы развития: сборник статей / сост. и отв. ред. Г. А. Николаев. Чебоксары, 1997. С. 5 — 27.

Сложная община Среднего Поволжья на рубеже XIX — XX вв.: основные модификации // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты): материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы / отв. ред. Л. В. Милов. Калуга: КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2003. С. 201 — 210.

Национальное и конфессиональное «Я» в повседневной жизни средневожской деревни рубежа XIX — XX веков // Этнографическое обозрение. 2005. № 6. С. 105 — 113.

Волжское крестьянство во второй половине XIX — начале XX века: этюды по истории и этнологии. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. 311 с.

Сельская община // Чуваши / отв. ред. В. П. Иванов, А. Д. Коростелев, Е. А. Ягафова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. Москва: Наука, 2017. С. 343 — 352.

Чувашско-марийские взаимоотношения в Среднем Поволжье во второй половине XIX — начале XX века // Чуваши и марийцы — соседи по «общему дому»: материалы Межрегиональной научно-практической конференции (Большой Сундырь, Кулаково, 17 мая 2019 г.) / сост. и отв. ред. Г. А. Николаев; ЧГИГН, МарНИИЯЛИ. Чебоксары: ЧГИГН, 2019. С. 13 — 32.

Краткая история Чувашии и чувашского народа / авт. коллектив; отв. ред. Ю. В. Гусаров; Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2019. 446 с. (в соавт.)

Мир вожской деревни во второй половине XIX — начале XX века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2022. 413 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / SCIENTIFIC LIFE / ЁСЛАЛАХ ПУРНАЁЁ

III МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СЛАВЯНО-ТЮРКСКИЙ МИР: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

3TH INTERNATIONAL SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE “SLAVIC-TURKIC WORLD: HISTORY AND MODERNITY”

«СЛАВЯН-ТЁРЁК ТЁНЧИ: ИСТОРИ ТАТА ХАЛЬХИ САМАНА» ХАЛАХСЕН ХУШШИНЧИ III ЁСЛАЛАХ-ПРАКТИКА КОНФЕРЕНЦИЙЁ

26 — 27 июня 2026 г. в Чебоксарах прошла III Международная научно-практическая конференция «Славяно-тюркский мир: история и современность». Она была приурочена к Году единства народов России в Российской Федерации и Году дружбы народов в Чувашской Республике. Ее организаторами выступили Министерство образования Чувашской Республики, Российское военно-историческое общество, Совет ректоров вузов Чувашской Республики, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева и Российское общество «Знание».

В оргкомитет поступило свыше 250 заявок от историков, лингвистов, социологов, этнологов и других ученых-гуманитариев из крупнейших научных и образовательных учреждений Российской Федерации (более 30 регионов), Азербайджана (Баку, Гянджа), Республики Беларусь (Минск), Венгрии (Будапешт), Казахстана (Алматы, Астана, Атырай), Китая (Чунцин, Шандун), Кыргызстана (Бишкек, Манас), Молдовы (Гагаузия, Комрат; Приднестровье, Тирасполь), Туркменистана (Ашхабад), Узбекистана (Ташкент) и Чехии (Ческе-Будеёвице). Конференция позволила объединить усилия исследователей, занимающихся историей и культурой славянских и тюркских народов, изучающих особенности их функционирования и развития в современном мире и продемонстрировать своеобразие этнических культур, национального искусства, фольклора и литератур народов Евразии.

Торжественное открытие форума началось с приветственных обращений Главы Чувашской Республики Олега Николаева, заведующего отделом истории Востока Института востоковедения РАН, члена Научного совета Российского военно-исторического общества, доктора исторических наук Александра Васильева. Кроме того, в адрес оргкомитета конференции поступили приветствия от заместителя министра просвещения Российской Федерации Ольги Колударовой, от директора Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, профессора РАН, доктора исторических наук Алексея Загребина, а также от директора Института языкознания РАН, члена-корреспондента РАН, доктора филологических наук Андрея Кибрика.

«Наш форум расширяется не только с точки зрения просто участников, а с точки зрения специфических моментов, которые затрагивают подрастающее поколение, молодежь. Несомненно, главная площадка — это вы, люди, которые этому отдали, можно сказать, свою профессиональную деятельность, которые являются искушенными знатоками исторических фактов, моментов. И уже третий год мы видим, насколько эта дискуссия помогает нам еще глубже понять и тоньше почувствовать, казалось бы, уже известные исторические факты, взаимоотношения славянских и тюркских народов. Мы, чувашки, являясь одним из этносов тюркоязычной группы народов, конечно же, стараемся не просто быть активными участниками этого процесса, а еще и максимально естественно интегрировать эти знания в нашу повседневную жизнь как с точки зрения образовательного процесса, процесса просвещения подрастающего поколения, ну и в целом использования всего этого арсенала знаний в нашей жизнедеятельности», — подчеркнул Олег Николаев.

Пленарное заседание, модератором которого был директор Чувашского государственного института гуманитарных наук, доктор филологических наук Юрий Исаев,

продолжилось выступлениями авторитетных ученых России и зарубежья. Свои изыскания представили главный научный сотрудник Института славяноведения РАН, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук Сергей Мызников (*«Лексика тюркского происхождения в русском диалектном континууме»*), заведующий отделом археологии Средних веков и Нового времени Института истории Национальной академии наук Беларуси, кандидат исторических наук Андрей Войтехович (*«Древнерусский город на реке Менка: предпосылки возникновения и историческая судьба»*), профессор Казанского государственного института культуры, доктор исторических наук Константин Руденко (*«Актуальные проблемы археологии Волжской Болгарии в начале XXI века»*), заведующий кафедрой истории и обществоведческих наук Азовского государственного педагогического университета им. П. Д. Осипенко, доктор политических наук Виктор Бруштунов (*«Опыт межэтнического взаимодействия славянских и тюркских народов Сибири»*), младший научный сотрудник Института венгерских исследований, кандидат филологических наук Жолт Тот (*«Сопоставление тюркских и славянских заимствований венгерского языка»*), профессор Кыргызского национального университета им. Жусупа Баласагына, профессор Института истории и регионоведения, доктор исторических наук Аниса Бикбулатова (*«Функция, роль и семантика коновязи в культуре кочевых тюркоязычных народов Евразии (на материалах международных этнографических экспедиций 2021 — 2024 гг.)»*), главный научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук, доктор искусствоведения Михаил Кондратьев (*«“Китайская гамма” среди моря диатоники: к вопросу о происхождении “пентатонной зоны Поволжья”»*).

Затем работа форума прошла на секционных площадках «Исторические и социокультурные взаимоотношения славянских и тюркских народов», «Языковое многообразие в евразийском пространстве» и «Культура и искусство народов Евразии». Участники конференции в очном и онлайн-форматах обсудили доклады друг друга, обменялись мнениями по актуальным вопросам, наметили планы по реализации совместных исследовательских проектов.

III Международная научно-практическая конференция «Славяно-тюркский мир: история и современность» стала уникальной площадкой для развития международного сотрудничества ученых и установления более тесных контактов между научными школами и общественными организациями России и зарубежья, изучающими этносы Евразии.

По итогам форума будет издан сборник докладов участников с постатейным размещением в базе данных РИНЦ.

П. В. ВАСИЛЬЕВА,
младший научный сотрудник ЧГИГН

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В ЖУРНАЛЕ

Принятые редакцией статьи в случае положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной номер журнала. Проверка оригинальности (не менее 75 %) осуществляется с помощью системы «Антиплагиат».

При оформлении статьи авторы должны придерживаться следующих правил и рекомендаций:

1. Статья представляется в электронном виде. В качестве имени файла используется фамилия первого автора на русском языке (например, Иванов.doc). Имена файлов иллюстраций должны совпадать с их номерами в тексте (например, Рис.1.jpeg).

2. В случае, если автором статьи выступает аспирант или магистрант, или автор, не имеющий ученой степени, то необходимо представить отзыв научного руководителя, заверенный печатью учреждения по месту его работы.

3. Статьи публикуются на русском, английском и чувашском языках.

4. Объем текста статьи должен составлять от 0,5 до 1 (одного) печатного листа (40 000 печатных знаков с пробелами), включая рисунки, таблицы и графики.

5. Редакция принимает тексты, сохраненные в формате .doc, .docx, .rtf. Используется шрифт Times New Roman, размер кегля — 14, интервал — 1,5 строки. Расстановка переносов вручную не допускается. Формат бумаги А4, поля: слева — 3 см, справа и сверху — 2 см, снизу — 2,5 см, абзац — 1,25 см.

6. Рисунки предоставляются отдельно в формате .jpeg, подрисовочные подписи выполняются 12 кеглем.

7. Текст таблиц набирается 12 кеглем. В случае, если рисунки и таблицы не авторские, следует сделать ссылки на источники.

8. **Структура статьи** (ГОСТ Р 7.0.7—2021):

1) *в начале* на отдельной строке слева: УДК (индекс универсальной десятичной классификации), под ним ББК (код библиотечно-библиографической классификации) (присваиваются редакцией). Отдельной строкой слева указывается тип статьи: научная статья; обзорная статья; редакционная статья; дискуссионная статья; персоналии; редакторская заметка; рецензия на книгу; рецензия на статью, спектакль и т. п.

2) *Заглавие статьи*

Заглавие должно кратко (не более 10 слов) и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования.

3) *Инициалы и фамилия автора*; организация, город, страна, электронный адрес (если статья подготовлена двумя и более авторами, то указывают только электронный адрес автора, ответственного за переписку, со знаком ✉).

4) *Аннотация*

Аннотация выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. Рекомендуемый объем аннотации — 150 — 250 слов.

5) *Ключевые слова*

Количество ключевых слов (словосочетаний) не должно быть меньше 5 и больше 15 слов (словосочетаний).

6) *Финансирование* (при необходимости).

7) *Благодарности* (при необходимости).

Данные п. 1 — 7 представляются в переводе на английский и чувашский языки и размещаются после русского варианта.

Основной текст статьи включает следующие разделы:

1) *Введение*

2) *Материалы и методы*

3) *Результаты исследования*

4) *Заключение*

В список источников *не включаются* словари, энциклопедии, многотомные издания, нормативные документы, авторефераты и диссертации, учебные и учебно-методические пособия, художественная литература, тезисы и материалы локальных конференций, сборники документов и материалов, газетно-журнальные публикации, архивные материалы и др., не представленные в сети Интернет в свободном доступе.

Публикация статей бесплатная.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

Внутритекстовые ссылки

При наличии нумерованного списка литературы внутри текста помещают отсылку к списку.

Отсылку, содержащую порядковый номер издания, на которое ссылаются, приводят в квадратных скобках. Пример: «Интересный обзор зарубежной практики модернизации производства содержится в монографии И. И. Русинова» [34].

Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указывают порядковый номер издания в списке и страницы, на которых помещен объект ссылки, сведения разделяют запятой: [12, с. 94].

Если ссылку приводят на многотомный документ в целом, в отсылке указывают также обозначение и номер тома (выпуска, части и т. п.): [3, т. 3, с. 170].

Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяются знаком «точка с запятой [:]» [10, с. 56; 23, с. 45—46].

ССЫЛКИ НА АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

¹ ГАСИ ЧР. Р-3211. Оп. 1. Д. 192. Л. (или С.) 23 — 25.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 144. Л. (или С.) 18 — 20.

Список источников составляется **в алфавитном порядке!**

Для списка источников используется шрифт Times New Roman, размер кегля 12, интервал 1,5 строки. Оформляется на русском языке («СПИСОК ИСТОЧНИКОВ») и английском языках («REFERENCES»).

10. Информация об авторе (авторах).

Основные сведения об авторах содержат: имя, отчество, фамилия автора (полностью); наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица); адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна); ORCID (при наличии); электронный адрес автора, тел. автора.

Образец: Формат цитирования: Иванов И. И. О чувашских коллекциях профессора П. П. Петрова в Российском этнографическом музее // Современная гуманитаристика / Modern humanities. 2025. Т. 1. № 1. С. 126 — 141.

Вклад авторов.

Если статья имеет несколько авторов, сведения о вкладе каждого автора приводят в конце статьи после «Информации об авторах».

11. Статьи, не соответствующие п. 4 — 10, не рассматриваются.

12. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, в течение трех дней автору (авторам) высылается подтверждение о получении статьи.

13. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят процедуру рецензирования. Каждая статья проходит одностороннее слепое (анонимное) рецензирование.

Редколлегия оставляет за собой право отбора статей для их публикации.

14. В одном номере журнала может быть опубликовано, как правило, не более двух статей одного автора, в том числе в соавторстве.

Более подробно с требованиями к статьям и образцом статьи можно ознакомиться на сайте журнала: <https://journalmh.org>

СОВРЕМЕННАЯ ГУМАНИТАРИСТИКА /
MODERN HUMANITIES / ХАЛЬХИ ГУМАНИТАРИСТИКА

2026
Том 2. № 3

Редактор *Е. П. Семенова*
Технический редактор *Н. Г. Герасимова*
Верстка *Э. В. Кирилловой*

Подписано в печать 01.10.2026.
Выход в свет . Печать оперативная.
Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Усл.-печ. л. 13,32. Уч.-изд. л. 11,92. Тираж 60 экз. Заказ № К-156.
Цена свободная.

Учредитель:
Бюджетное научное учреждение Чувашской Республики
«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования Чувашской Республики,
428015, Чувашская Республика, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1.
Тел.: 8(8352) 450010, 450005,
e-mail: human2000@yandex.ru

Адрес редакции: 428015, Чувашская Республика, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1.
Тел.: 8(8352) 450010, 450005, e-mail: sovrem_human@rambler.ru,
web: <https://journalmh.org>

Оригинал-макет подготовлен РИО БНУ «ЧГИГН»
Отпечатано в типографии «Новое Время»
428034, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Мичмана Павлова, 50/1

ISSN 3034-6827

9 773034 682009 >